

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

" НА У К А "

МОСКВА - 2003

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Зализняк, В.Л. Янин (Москва). Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г.	3
М.Н. Боголюбов (Санкт-Петербург) Авестийское <i>x'afšāi</i> в проповеди Заратуштры (У 30) и хорезмийское <i>xlw- 'отдалять'</i>	12
С. Патри (Лион). <i>Намъ</i> . новая славяно-иранская лексическая изоглосса	19
А.Л. Шилов (Москва). Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера.....	29
Н.В. Перцов (Москва) Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии..	43
А.Г. Пазельская (Москва) Аспектуальность и русские предикатные имена	72
В.А. Лукин (Орел). <i>Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсные стратегии, текстовые свойства</i>	91
Э.А. Умаров (Ташкент). Махмуд Кашгарский о согласном "Г"	110

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Д.М. Насилов (Москва). Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения.	112
Э.Г. Гуманян (Москва) <i>В.Н. Белоусов, Э.А. Григорян, Г.Ю. Познякова</i> Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования	116
В.А. Плунгян (Москва). <i>G. Lazard</i> Etudes de linguistique générale: typologie grammaticale.	126
М.А. Членов (Москва) <i>P. Wexler</i> Two-tiered Relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polesian Dialect	132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.	140
----------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам главного редактора),
В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская,
Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам главного редактора)
М.М. Маковский (отв. секретарь), *А.М. Молдован, Г.М. Николаева*
(главный редактор), *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2003 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2002 г.*

В Новгороде на Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ А. Н. Сорокин) и на 14-м участке (руководитель работ А. М. Степанов). Здесь пройдены напластования до уровня начала XIII века и найдено 10 грамот (№ 919–927, 929).

Был открыт также новый раскоп к западу от церкви Никиты-мученика, на территории древнего Плотницкого конца (руководитель работ Г. Е. Дубровин). Он получил название Никитинского. Здесь пройдены напластования до уровня начала XV века и найдено 5 грамот (№ 928, 930–933).

Мелкие фрагменты в настоящую предварительную публикацию не включены.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 919. Троицкий раскоп. По внестратиграфической оценке — 2–3 четв. XIII в. Целый документ из двух строк:

Ѹ глѣбца :ѿѿ: гривѣ
ни:

Это долговая запись: 'У Глебца [долга] 12 гривен'.

Глебец — уменьшительное к Глеб. Имя Глеб в качестве не княжеского встречается редко.

Грамота № 920. Троицкий раскоп. По внестратиграфической оценке — XIII в. Это фрагмент средней части письма; частично сохранились три строки:

... [ѿѿ] городо боро
зе а ржи не продаи цето ес...
ль ано [п]е[р]...

Можно понять: '... [иди (или: пошли)] в город срочно. А ржи не продавай. Что [продал (?)], то ...'

Грамота № 924. Троицкий раскоп. Предварит. дата — XIII в. Это конец предпоследней и большая часть последней строки документа:

...[оуже не н]а
...[ето же попо р]адила шеломъна послуху

На стыке строк, вероятно, читалось [не н]а|(добъ ниц)[ето же]; при этом вместо чтения (ниц)[ето же] возможно также чтение (ниц)[его же].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 03-04-00109а). Экспедиционные работы в Новгороде поддержаны проектом РГНФ № 02-01-18023е.

Первоначальный документ представлял собой некий акт.

Перевод: '... нет дела ни до чего. Поп, Радила [и] Шеломина послухи (букв.: послухами)'. Впрочем, не исключено также понимание 'поп Радила'. Отрезок *оуже*, стоящий перед *не на(добе)*, может быть словом 'уже' или концом какого-то имени в Д. ед. + частица *же*, например, *Ивану же* (но версия *никому же* не проходит, поскольку через одну или через две буквы влево от *оу*, по-видимому, стояло *а*).

Имя *Радила* известно; в корпусе берестяных документов оно встретилось в грамоте № 442. Имя *Шеломина* ранее не встречалось; оно построено по той же модели, что, например, *Льбына* (в грамотах № 5 и 20 из Старой Руссы); ср. также *Добрына*, *Бълына* и т. п.

Грамота № 926. Троицкий раскоп. По внестратиграфической оценке не позднее 1-й четверти XIII в. Целый документ из четырех строк:

·д·гривнѣ на тѣхонѣ конѣ ·сѣоу его ·гривна ·микифору полъ ·з·
кнѣ и гривна ·гюлогиничю ·з· кнѣ ·пльсковитиноу полъ ·ѳ· кнѣ
домашкоу ·полъ ·ѳ· рѣзанѣ ·на соли кна ·на рѣбахъ в кнѣ ·на салѣ ·ѳ·
ш церевини ·д· вѣкш

Грамота написана уверенной рукой человека, привыкшего писать много и красиво. Графическая система — последовательно книжная.

В написании *ш церевини* буква *ш*, по-видимому, стоит вместо *ѣ*. *Гривна* и *коуна* регулярно пишутся сокращенно — с *гран-* и *кн-* (без титла); вероятно, сокращением является также написание *вѣкш*.

Перевод: 'Четыре гривны за Техонова коня. Сыну его гривна. Микифору пять с половиной кун и гривна. Гюлогиничу семь кун. Псковитину восемь с половиной кун. Домашку восемь с половиной резан. За соль куна. За рыб две куны. За рыбий жир девять. От [цены] рыбьих внутренностей четыре векши'.

Это смета расходов — уже произведенных или предстоящих. Наряду с крупными суммами (до четырех гривен) фигурируют и мелкие расходы в одну-две куны и даже совсем маленькая сумма в четыре векши. Заключительная часть списка связана с заготовкой рыбы: названы соль (необходимая для засолки), рыба, рыбы внутренности (т. е. икра и молоки), ср. грамоты № 893, 882, 219, 349. Названо также "сало", которое в данном контексте естественно понимать как рыбий жир, ср. приписку писца в псковском ирмологии 1344 г.: *сѣсти оужинать клюкованим съ саломъ съ рыбимъ* [Столярова 2000: 269]; см. также Слов. XI–XVII [23: 25], статья *сало*, где отмечены, в частности, *белужье сало*, *акулье сало*, *трескино сало*.

Имя *Тѣхонѣ* ранее не встречалось; вероятно, оно образовано от широко представленного в антропонимах корня *тѣх-* с помощью суффикса *-он-*, ср. имена *Славонѣ* на Воймерицком кресте (см. [ДНД: 374]) и *Страхонѣ* в грамоте № 348 (XIII в.).

Отчество *Гюлогиничъ* неотделимо от имени *Гюлопа* (финноугорского происхождения), выступающего в грамоте № 729, найденной на усадьбе И того же Троицкого раскопа в слоях 2 половины XII в. Уникальность имени и хронологическое соотношение грамот позволяет предполагать, что мы имеем здесь дело с отцом и сыном.

Имя *Домашко* почти совпадает с именем *Домачко*, представленным в грамоте № 657, найденной на усадьбе Г Троицкого раскопа в слоях 2 половины XII в. Но имена с начальным *Дома-* были вообще довольно часты в Новгороде этой эпохи.

Упоминание псковитина находится в одном ряду с другими свидетельствами деловых связей жителей троицких усадеб со Псковом; ср. грамоты № 776 (усадьба Р, середина XII в.), № 656 (усадьба И, 2 пол. XII в.), № 781 (усадьба Е, 1 пол. XIII в.).

Грамота № 927. Троицкий раскоп. По внестратиграфической оценке — XIII в. Это целый документ из двух строк:

: а сь на водмолчъ глао :[S]: кунъ
нь на ѿночьмо

Уникальное начертание имеет в данном почерке буква ч: фигура типа У продолжена в ее верхней части двумя почти смыкающимися усиками, т. е. выглядит приблизительно как ромбик на вертикальном стволе. Единственное отчасти сходное начертание отмечено в надписи № 47 на стене новгородского Софийского собора (известной ныне только по ретушированной фотографии, см. [Медынцева 1978: 64, 225]), где буква ч выглядит просто как кружок на вертикальном стволе (но издательница считает возможным, что здесь была допущена ошибка при ретушировании).

Этим же почерком написан также крошечный фрагментик № 923 (где один раз встретилось точно такое же редкостное ч).

Перевод: 'А вот за водмолец монашеский пять с половиной кун'.

Водмол — род небеленого сукна. Слово *водмоль* (заимствованное из нижненемецкого) встретилось в берестяной грамоте № 130 конца XIV в. В настоящей грамоте представлен самый древний ныне известный пример этого слова.

Вероятно, это записка, выданная человеку, которому было поручено доставить продавцу деньги за сукно для монашеского одеяния (или, напротив, полученное от монахов). Он должен был предъявить эту записку продавцу.

Пло — неоднократно встречающееся в берестяных грамотах сокращение для *поло* (= *поль*).

Уникально написание *иночьмо*, с двумя ь подряд. Возможно, в практическом инвентаре букв писавшего буквы *e* не было вообще, т. е. он использовал ь вместо *e* всегда, независимо от позиции.

Грамота № 928. Никитинский раскоп, усадьба В. Стратиграфическая дата — 30-е–50-е гг. XV в. Это средняя часть документа, от которого сохранилось пять полных строк и три неполных:

ю [гр]амичю -[оа]...
и въ еловую изъ еловой на путь {и} на островеской островес-
скимъ путемъ до островеской межи {шс} по островеской ме-
жи с махновеской межи на великеи путь старой межи
в лубыничю в руцеи верх{о}ъ на болоце з болоцьца на верхо-
вые дубыничкого руща дубыничкимъ рущыемъ в низъ до смъ
(снова ру)[цьа] сменови⁴ъ рущыемъ {в} смъ^{нова} руща на логъ
... .. [а]уговою клан[ь](о)

Во второй строке в слове *еловой* буква *в* переправлена из *о*, в слове *островеской* буква *ω* переправлена и широкого *о*, буква *в* — из *с*. Сочетание букв *ни* во всех случаях записано в виде лигатуры.

В нескольких местах писец начинал писать не то слово, которое нужно, но, написав одну-две буквы, сам замечал это. Тогда он просто бросал ненужные буквы, не зачеркивая их, и писал далее правильное слово. Такие “брошенные” буквы показаны в этой грамоте (а также и в следующей) в фигурных скобках.

Это фрагмент раздельной грамоты: указывается, как пролегает граница некоего земельного владения.

Перевод: '... [по такую-то] границу ...'. После разрыва: '... в еловую. Из еловой [рощи (?)] на островскую дорогу. Островской дорогой до островской межи. По ост-

ровской меже с махновской межи на большую дорогу, старой межей в ручей Лубницу [и] вверх на болотце. С болотца на верховье Дубницкого ручья. Дубницким ручьем вниз до Семенова ручья. Семеновым ручьем, с Семенова ручья на лог'. После разрыва: '... луговой еланью (прогалиной)'.
В предпоследней строке автор, по-видимому, собирался написать 'Семеновым ручьем в лог' и дошел до предлога *в*, а потом решил выразиться точнее: 'Семеновым ручьем, с Семенова ручья на лог'.

Вместо двойной буквы писец обычно пишет одиночную: *верхъ, болоце, Сменова* — вместо *вверхъ, болоцце, с Сменова*; но в написании *з болоцьца* он все же поступил иначе. Между *в* и суффиксом *-ск-* регулярно пишется *е*: *островескою* (3 раза), *островескимъ, махновескою*. Ввиду отсутствия других примеров замены *ь* на *е* допустимо предположение, что в этих случаях действительно произносилось [е] (ср. *ь* в случаях бесспорного обозначения мягкости: *въ, изъ, Лубьницю, болоцьца*).

Отметим диалектное окончание *-еи* в В. ед. муж.: *на великеи путь*.

Елань — 'обширная прогалина', 'луговая или полевая равнина' [Даль, I: 518]. По данным СРНГ [8: 336–337], это слово широко распространено в центральных и северных областях и в Сибири.

Грамота № 929. Троицкий раскоп. По внестратиграфической оценке 1-я половина XIV в. Это целый документ из пяти строк, написанный на обеих сторонах берестяного листа.

Внутренняя сторона

и позовале насъ господине
на комель и пошли есме на ко
мльине с максомъ росле ре[ц]и

Внешняя сторона

и макее {при}
прикинѣ да

Анализ документа представляет значительные трудности.

Прежде всего, в тексте явно имеются ошибки. *Росле* — почти наверное описка вместо *после* (предвосхищение начального *р* следующего слова). *Макее* — описка вместо *Максе* (преждевременно вписан язычок). Первое из двух *при* после *Макее* (показанное выше в фигурных скобках) — лишнее: автор решил написать слово *прикинѣ* на отдельной строке, но первое *при* не зачеркнул. В *ре[ц]и* третья буква написана практически неотличимо от *и*.

Поскольку текст начинается с "и", следует полагать, что это конец двухлистового письма. *Господине* в принципе может быть формой именительного падежа ('И позвал нас господин на Комель'); но более вероятно, что это звательная форма, а подлежащее к *позвале* стояло на предыдущем листе ('И [он] позвал нас, господин, на Комель'). *Позвале*, судя по употреблению этого слова в целом ряде других берестяных грамот, означает вызов на какое-то разбирательство (судебное или административное); ср. непосредственно сходную с настоящей грамотой фразу в № 531 (нач. XIII в.): *и позовало мене во погосто и азо прехала*.

Названия *Комель* и *Комьине*, судя по контексту, обозначают практически одно и то же. Возможно, например, что *Комель* — это более общее название местности, а *Комьине* — название находящегося там села. *Комьине* — по-видимому, фонетический вариант к *Комельне*, с такой же вариантностью [л'] и [j], как, например, в *горносталь* — *горностаи*, *хрусталь* — *хрустай*, *щавель* — *щавей*, *журавель* — *журавей* и др., с другой стороны, *муравей* — *муравель*, др.-р. *Гомии* — соврем. *Гомель* и др. Суще-

ствующая поныне деревня Комель (бывшего Крестецкого уезда) находится в 90 км к востоку от Новгорода.

Написание *Комель* (с ъ) либо отражает морфологический вариант, отличный от *Комель*, либо принадлежит к тому же ряду, что отмеченные в берестяных грамотах написания *хомела* 'хмеля', *лоудие* 'люди', *рубель* и т. п. (см. [ДНД, § 2.44]).

Прикине (букв.: 'прикинет', 'подкинет') скорее всего означает здесь 'прибавит', 'добавит' (чего именно, было ясно из утраченной начальной части документа); ср. у Деля: *прикидывать*, *прикинуть* 'прибавлять, придать, кинуть или дать на прибавку'.

Конечное *да* при данной интерпретации следует понимать как диалектный северновеликорусский постпозитивный союз (равносильный более обычным *и*, *а*); ср. *а лежи ни ѿ ного не ѿкзде да* 'а сиди и не смей от него отъехать' в грамоте № 370 (XIV в.).

Неполнота контекста не позволяет в точности восстановить ситуацию. Автор явно участвует в каком-то имущественном споре. Макс — либо его противник в этом споре, либо, напротив, принадлежит к той же тяжущейся стороне. Некое административное лицо вызывает обоих в Комель для разбирательства. Автор сообщает о таком повороте дела господину и заявляет, что Макс сколько-то прибавит (очевидно, к той сумме, которую он считал нужным заплатить вначале).

При этой версии перевод грамоты таков: 'И [он] позвал нас, господин, на Комель, и мы пошли на Комельне с Максом после [этой] речи (т. е. после устного извещения о вызове). А Макс подкинет'.

Но возможно также, что слова (*после речи* надо относить не к *пошли* *с*ме, а к *прикине* ('а после разбирательства и Макс подкинет'). Заметим, что вместо членения (*после речи* || *и Макс*) мыслимо также членение (*после речи* || *и Макс*) (с формой *речи* 'речей'), дающее, впрочем, практически тот же самый смысл (в этой версии кажется, правда, несколько странным перенос на оборот листа одной буквы от слова, хотя ее можно было бы уместить в той же строке).

Гипокористическое имя *Макс* (от *Максим*), которое кажется неправдоподобно современным, в действительности построено в полном соответствии с древнерусскими правилами: ср. встречающиеся в берестяных грамотах имена *Клим*, *Сид*, *Харль*, *Кондрь* и т. п.

Грамота № 930. Никитинский раскоп, усадьба Б. Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. — 1 пол. 1420-х гг. Это верхняя половина листа, вырванного из берестяной книги. На левом краю следы шва, т. е. лист был оторван прямо по шву.

Стѣи сисинѣи и сиѡимъ сѣдаци(е) н[а] горахъ си
наистии смотраче на море · и [вѣ] шюмъ с не
бесѣ велико · и страшно · и види днѣгл лет
ща с нѣсѣ стѣо сисиниа и сиѡ(има) [н]ару
ци имуце лѣдалы · а в руку д[ѣ]ржаща ѡ
ружья пламена [·] но абн(е) [вѣ]змути
са море · изидоша · з · женъ · простова
схъ · ѡжани · видѣннсмъ изъм
алы бѣша силою · невимаго Црѣ · и рѣ
ша стѣи[и] сис[ини]и [и] сиѡимъ ...

В строке 6 после *ружь* зачеркнуто *к*. В строке 7 перед *женъ* начата и брошена какая-то буква. В строке 8 вначале было написано *схыхъ*, но затем лишнее *хъ* было затерто.

Это один из вариантов распространенного в средние века в славянских странах (но известного также в греческой, армянской, сирийской и других традициях) заговора против лихорадки — так наз. Сисиниевой молитвы (см., в частности, [Пыпин 1862; Познанский 1912; Рындина 1962; Топоров 1993: 102–103]). Данная его запись на несколько веков старше самых ранних из известных донныне славянских записей.

Сюжетная схема этой легенды, известной во множестве вариантов, такова: некий святой (двое, трое святых), идя по дороге (спускаясь с горы, сидя у моря), встречает женское демоническое существо (семь, двенадцать сестер, иногда дочерей Ирода). Он один (они одни) или при помощи посланного Богом ангела заставляет его (их) открыть свои имена. Композиционный центр текста как раз и составляет перечисление демоном своих имен (двенадцати с половиной, двенадцати, семи) или, если их несколько, открытие каждой из сестер своего имени (список имен, естественно, также варьирует, в славянской традиции он включает имена Трясея, Огnea, Ледея, Гнетea, Пухнея, Коркуша, Желтея, Невея и т. д.). На этом повествовательная часть заканчивается, и следует заклятие поименованных демонов именами Бога, ангелов, четырех евангелистов и т. д.

Фигура ангела (архангела) Сихаила немедленно заставляет вспомнить берестяную грамоту № 734 с заговорным текстом, найденную в 1991 г. на Троицком раскопе: *сихаїль сихаїль сихаїль амыгѣль амыгѣль амыгѣль гїдньн гѣ имя амыгѣла*. Ясно, таким образом, что в русской народной традиции (возможно, даже специально новгородской) Сихаил занимал некое повышено значимое место.

В данном варианте заговора произошло слияние фигур Сисиния и Сихаила в цельный парный образ (типа Петра и Павла, Козьмы и Демьяна, Бориса и Глеба). В более простых вариантах сюжета на горе сидит Сисиний и видит, как к нему слетает с неба (арх)ангел Сихаил. В данном тексте герой уже везде парный, отсюда явная алогичность текста (которая, однако, в составе заговора, очевидно, не ощущалась как дефект).

Перевод: 'Святой Сисиний и Сихаил сидели (букв.: сидя) на горах Синайских, смотря на море. И был шум с небес, велик и страшен. И увидел ангела, летящего с неба, — святого Сисиния и Сихаила, носящего наручни (части воинского доспеха) ледяные, а в руках держащего оружие пламенное. И тут взволновалось море, и вышли семь жен простоволосых, окаянные на вид; они были схвачены силою невидимого царя. И сказали святой Сисиний и Сихаил ...' Простоволосые жены — трясавицы, олицетворения лихорадки.

Грамота № 931. Никитинский раскоп, усадьба В. Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. — 1 пол. 1430-х гг.

прижазъ къ смену о же
ни о женѣ цо бы кси оуго
моноъ достѣль по про
сту а мене здужи а
зъ тобѣ целомъ бѣю

Каждая буква грамоты выведена чрезвычайно старательно, но явно не очень опытной рукой. В слове *оугомоноъ* буква *г* написана зеркально (скорее всего просто по нетвердости навыка, поскольку других примеров зеркального *г* в берестяных грамотах нет). Писавшая исправляла то, что она воспринимала как ошибку (*о жени* заменено на *о женѣ*, в *оугомоно* конечное *о* заменено на *ъ*), но при этом оставляла ненужное незачеркнутым.

Понимание *о женѣ* как 'о жене' дает неправдоподобный смысл: приказ о жене поступает к Семену от неназванного лица. Берестяных грамот со словом *приказъ*, построенных по такой модели, нет. Соответственно, *о женѣ* здесь следует понимать как 'от жены', усматривая в *о* такое же отсутствие надстрочного *т*, как, например, *о матери* 'от матери' в № 350, *ω Сидора* 'от Сидора' в № 275 и т. п. (около десятка грамот).

Слово *угомонъ*, от которого зависит понимание всей грамоты, имеет много значений. По Далю, *угомонять, угомонить* — 'успокаивать, унимать или смирать, утишать, укрошать; утешать, уговаривать, убеждать, или смирать силою'; *угомонъ* — 'покой, тишина, замолканье; отдых, роздых, успокоенье; сон'. Ср. также псковское *гомѡн* (из *угомонъ*) 'довольно, хватит, конец' ([Пск. обл. слов., 7: 77]; например, *Гамѡн, большэ я тибѣ ничѡх ня дам*), рязанское *угомону не знать, угомону нет* — об отсутствии меры в чем-либо ([Деул. слов.: 572]; например, *Там выѣжрал, з'д'ес' выѣжрал, ууаману н'ет, н'йут' и н'йут'*).

Доспѣти — 'сделать, устроить, достичь'; ср., в частности, *уговор доспели* Томск. [СРНГ, 8: 142].

По-видимому, до Семеновой жены дошло, что в ее отсутствие возник некий конфликт или внутрисемейная ссора, и она требует от мужа утихомирить конфликтующих "попросту", т. е. без полного выяснения того, кто прав и кто виноват, и ждать ее возвращения. Она считает, что сумеет лучше справиться с ситуацией, чем он. (Возможно, впрочем, что муж и сам был участником конфликта.) Вежливая концовка призвана несколько смягчить повелительный тон записки.

Перевод: 'Наказ Семену от жены. Утихомирил бы ты [всех] попросту и ждал бы меня. А я тебе челом бью'.

Грамота № 932. Никитинский раскоп, усадьба В. Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. — 1 пол. 1430-х гг.

КОСТАНИНА ОСТА
ФЫНА САМСОНА
ИВАНОВОБА КУЗМА
У З ДИТЯМИ СИЛВНА
НОВА

В *Костанина* пропущено второе *т*; в *Иван(ав)ова* и *Силв(н)анова* написанные по ошибке буквы оставлены незачеркнутыми.

Самсон Иванович — внук Василия Игнатьевича, которому была адресована берестяная грамота № 135 конца XIV — начала XV в., найденная в Неревском конце. Он фигурирует в НПЛ в списке посадников XV века и упоминается как посадник в актах 1434 и 1448 гг. [ГВНП, № 64, 73]. Кроме того, он упоминается в летописи под 1417 г. как участник похода на Устюг.

Выписывание отчеств показывает, что грамота № 932 — это официальный документ. Он очевидным образом однотипен с грамотой № 298 (30-е — сер. 40-х гг. XV в.), найденной 45 годами раньше на усадьбе И-1 Неревского раскопа: *кѡстка* (над строкой вписано *сна*) *лукѡна шфрѣлова сна купра иванѡва сна илишкѡва купра фомѡна сна игнатѡва юрыева сна*(а). Назначение грамоты № 298 было предметом длительной дискуссии. Были высказаны предположения, что это: 1) избирательный бюллетень; 2) список заседателей в суде — по два с каждой стороны; 3) "костка" (вид подати), взимаемая с указанных в грамоте лиц.

Настоящая грамота, однако, не дает возможности принять ни одну из этих версий. Версии 1 и 2 не проходят, поскольку они исключают участие детей, а в № 932

назван “Кузьма с детьми”. Версия 3 не проходит, поскольку она исходит из того, что все имена стоят в родительном падеже; но в № 932 Кузьму стоит не в родительном, а в винительном падеже.

Для установления вероятной функции грамот № 298 и 932 необходимо обратиться к юридическим актам XV–XVI вв. Приведем выдержку из правой грамоты 1495–99 гг. о тяжбе попа Григория с Родюкой и Нестериком ([АСЭИ, I, № 58], список сер. XVI в.), ясно показывающую ту ситуацию, в которой возникали документы типа берестяных грамот № 298 и 932:

“И судья спросил попа Григорья: Кому то ведомо, кое та земля монастырская...?”

И поп Григорей тако рекл: Ведомо, господине, людем добрым Матфею Семенову, да Михаилу Ваганову, да Еске Кучину, да Июдке Степанову, да Михаилу Межакову... — на тех ся, господине и шлю.

И судья спросил Родюки да Нестерика: А вы шлете ли ся на поповы знахори...?”

И Родюка и Нестерик тако ркли: Шлемся, господине.

И судья спросил Родюки да Нестерика: А у вас кому то ведомо, что та земля станова Михайловского стану...?”

И Родюка и Нестерик тако ркли: Ведомо, господине, людем добрым Данилку Ивашкову, да брату моему Ивашку Дешевкину, да Микифорику Турабову, да сыну его Степанку, да Бориску Воронцову, да Карпику Самсонову ... — на тех ся, господине, шлем.

И судья спросил попа Григорья: А ты шлешь ли ся на Родюкины да на Нестериковы знахори?”

И поп Григорей тако рекл: Шлюся, господине.

И послалися оба исца на обои знахори. И праведчик обоих исцев и обоих знахорей перед судьею поставил”.

Для нашей проблемы здесь существенно, во-первых, что тяжущийся называет своих свидетелей по имени и отчеству, во-вторых, что один из свидетелей назван вместе с сыном (*Микифорику Турабову, да сыну его Степанку*). Понятно, что праведчик (пристав), который шел по домам, чтобы вызвать к судье всех названных свидетелей, должен был иметь список вызываемых. Такими списками, очевидно, и являются грамоты № 298 и 932. Писал скорее всего писец судьи (“секретарь суда”).

Винительный падеж имен в этих грамотах, определяется, таким образом, подразумеваемым “вызови” (“приведи”, “поставь”).

Грамота № 933. Никитинский раскоп, усадьба А. Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. — 1 пол. 1420-х гг.

приказъ [Ѡ] -----
ика Ѡ ивана к [и]
гумну и к все
му стаду по цт
о намъ ꙗдздити
Ѡ васъ на посе
лые аже намъ зе
мли не досмотритъ
ь сиротъ не росм
отритъ и

На левом поле тем же почерком написано, с поворотом на 180°, несколько букв (но, з и др.). По-видимому, автор счел возможным взять для этого письма лист бересты, на котором уже были какие-то “пробы пера”. Он перевернул его вверх нога-

ми и стал писать, обходя исписанный участок; для этого ему пришлось оставить слева очень большое поле. Возможно, перед нами черновик письма, чем и объясняется незаконченность текста и запись на уже частично использованном листе.

Грамота, по-видимому, недописана: автор остановился, написав всего одну букву очередного слова. В тексте есть описки: в слове *намь* пропущена буква *а*, вместо *кѣдѣти* написано *кѣдѣти* (т. е. автор сперва написал *кѣд*, пропустив букву *з*, затем исправил *д* на *зд*, но лишнее *д* не зачеркнул).

Перевод: 'Наказ от посадника Ивана игумену и всей пастве. Зачем нам ездить от вас на село, если нам [все равно] земли не досмотреть и крестьянских [дел] не рассмотреть?'

По-видимому, игумен предлагал посаднику для разрешения какого-то спорного дела направить своих людей (или даже съездить самому) в монастырское село.

Поскольку грамота представляет собой автограф некоего посадника Ивана, возможно высказать предположение о личности ее автора. В первой половине XV в. три посадника Ивана были избраны одновременно около 1421–1423 гг.: Иван Васильевич, Иван Данилович и Иван Яковлевич. Источники умалчивают об их территориальной принадлежности. Еще один Иван — Иван Лукинич Щока — был в 1435 г. тысяцким, а к 1438 г. избран в посадники ([ГВНП: 114, № 69]; о датировке этого акта см. [Янин 1991: 112, № 46]), оставаясь в этой должности до начала 1470-х гг. Анализ актовых свидетельств о пятикончанском представительстве [ГВНП, № 22, 25, 26, 27, 73] позволяет утверждать, что он был представителем Плотницкого конца и, следовательно, вероятным автором грамоты № 933.

Поселье — здесь 'село, селение'.

Сироты — 'крестьяне' (наименование, характерное в основном для XIV в.).

К [и]гумену — по-видимому, самый ранний в истории русского языка пример уподобления слова с исконным *е* (*игумень*) словам с беглой гласной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Даль — В. И. *Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Деул. слов. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссоветского. М., 1969.
- ДНД — А. А. *Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Медынцева 1978 — А. А. *Медынцева*. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Пск. обл. слов. — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., 1967–.
- Познанский 1912 — Н. Ф. *Познанский*. Сисиниева легенда-оберег и сродные ей амулеты и заговоры // Живая старина. Вып. 21. 1912.
- Пыпин 1862 — А. *Пыпин*. Для объяснения статьи о ложных книгах // Летопись археографической комиссии. 1961. Вып. 1. СПб., 1862.
- Рындина 1962 — А. В. *Рындина*. Суздальский змеевик // Древнерусское искусство. Художественная культура Домонгольской Руси. М., 1962.
- Сл. XI–XVII, 23 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М., 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- Столярова 2000 — Л. В. *Столярова*. Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000.
- Топоров 1993 — В. Н. *Топоров*. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.
- Янин 1991 — В. Л. *Янин*. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.

© 2003 г. М. Н. БОГОЛЮБОВ

**АВЕСТИЙСКОЕ Х'АФЭНĀ В ПРОПОВЕДИ ЗАРАТУШТРЫ (У. 30)
И ХОРЕЗМИЙСКОЕ ХWNB "ОТДАЛЯТЬ"**

Вопрос о значении и происхождении авестийского слова *х'афэна̄*, которое произнес Заратуштра, когда говорил о двух Духах, изначально близнецах, один из которых в мысли, слове и деле прослыл *лучшим*, а другой *злым* (У. 30 Заб), до сих пор остается спорным.

Юсти [Justi 1969. 87] полагал, что *х'афэна̄* – наречие, подобное латинскому *sua sponte* "по собственному усмотрению", "по своей воле", состоящее из *х'а-* "свой" и формы глагола, к примеру, *ap-* "eprechen", "zum Ziel kommen". Бартоломе и Гумбах считают *х'афэна̄* производным от авест *х'ар-* (соответствующего др-инд *svap-*) "спать", то есть *х'афна-* м "сон", "сновидение": "die beiden Geister zu Anfang, die sich durch ein Traumgesicht als Zwillingpaar offenbarten" [Bartholomae 1904: 1291]; "These (are) the two spirits (present) in the primal (stage of one's existence), twins who have become famed (manifesting themselves as) the two (kinds of) dreams" [Humbach 1991, I: 123]. Инслер заметил по поводу отождествления *х'афэна̄* и *х'афна-* "сон", что "It is not possible in my view to ascribe *х'афэна̄* here to the word *х'афна-* 'sleep'; such a meaning has no sense in this passage" [Inslер 1975 165]. По мнению Инслера, *х'афэна̄* в данном тексте является формой местного падежа ед. числа от основы *х'афна-*, которую он наделил значением "ivalgy" Инслер вывел это значение из ведического композита *duśvāpniya-* (*duh-svāpniya-*), который он перевел "ill pvalgy", тогда как вед. *duśvāpniya-* в соответствующих местах Ригvedы устойчиво понимается как "дурной сон". И все же несогласие Инслера с объяснением авест *х'афэна̄* в связи с авест *х'ар-* "спать" не лишено основания. Хотя значение "ivalgy" для *х'афэна̄* трудно принять. Свойство соперничества, наконец, вражды естественно для того из двух близнецов, который прослыл злым "в мысли, слове и деле". Наделение этим свойством *лучшего* из близнецов невероятно. Традиционное мнение о изначальной конфронтации двух Духов основано на определенном роде интерпретации мест, например, слов *aścā huaṭ tā hēt mainii jasaētəm* (У. 30, 4а) "and when these two spirits confront each other (to vie for a person)" [Humbach 1991, I 124]. По-моему, преверб совместного действия *hēt* в глагольной форме *hēt jasaētəm* указывает на встречу двух Духов не друг с другом, а с лицом, которому предстоит выбрать одного из них *и когда эти два Духа встретились (выбирающему)*

В составе хорезмийской лексики представлен глагол *xwnb-* *xwfs-* [**xwamb-* **xwafs-*] (из **xwamp/ba-* **xwafsa-*), основное значение которого "отодвигать", "отдалять". Ср. форму *xwnb-* в фразах (Q 390) – *py šrt k-'s-ta* (< *da*) *šy m'h xwnbux* "при условии, чтобы ты отдалил на три месяца (оплату долга)", (М 342, 3) – *xwnbdyd* = перс. *vā-pas kard kār rā* "отодвинул его (дело)", (М 342, 7) – *xwnbdyd* 'y 'jlh = перс. *ta'xir kard xwdāy dar a'jalaš* "(Бог) отдалил ее, его кончину", (М 342, 8) – *xwnbdyd* y' psy = перс. *ta'xir kard w'm-i ō rā* "он отложил его, долг", форму *xwfs-* в фразах (М 67, 7) – *xwfs'm'c* = перс. *dūr šaw az man* "отдалились от меня", (М 250, 1) – *xwfsd'd c' wcy* = перс. *dūr šud az jāy* "отдалился от места". Другие примеры, в которых содержится хорезм *xwnb-*, так же демонстрируют этот глагол в значении "двигать". При глаголах переходном *xwamb-* "отдалять" и непереходном *xwafsa-* "отдаляться" – имя **xwafna-* "отдаление",

'отчуждение' сообщало бы о прекращении духовной и физической близости между двумя Духами-близнецами, о моменте отдаления их друг от друга. Форма *x'afnā* корректно объясняется как твор. пад. ед. числа 'с отдалением', 'при отдалении', 'по отдалении', по отчуждении (друг от друга)''

aṭ tā mānīy roumīē yā uṣmā x'afnā asruuātəm

manahicā vacahicā šīaovānōi hī vahūō akəmčā (Y 30, 3ab)

'А те два Духа, изначально два близнеца, по отчуждении прослыли И в мысли, и в слове, в деле как лучший и злой'

Таковы слова Заратуштры о появлении в мире, созданном Творцом, доброго и злого начал Духа добра – Спента-Манью и Духа зла – Ангра-Манью. Пророк говорил о едином Творце, которого называл именами Ахура 'Господин' и Мазда 'Мудрость'. Впоследствии из этих двух имен сложилось одно, неделимое имя Ахурамазда Добро и Зло, как это следует из слов Заратуштры, не были извечны, изначально Два Духа-близнеца, как позволяет судить привлечение хорезмийского глагола *xwnb- xwfs-*, лишь с момента отчуждения друг от друга проявили себя по-разному в мыслях, словах и делах. И, может быть, именно слова Пророка о том, что Дух добра и Дух зла *roumīē* "в начале" были братьями-близнецами, дали повод Сनावидке, необузданному юноше, вероятно, из учащихся (*išant-*, *aēθrya-*), разразиться еретической тирадой (Yt 19, 43–44) *apərənānu ahmī nōi pərənānu, yezi bauiāni pərənānu zəm saxrəm kərənānuāne, asmanəm ravəm kərənānuāne, aiianānueni spəntəm mānīyūm haca raoxšna garō nmāna, ispatauēni agraṣəm mānīyūm ərəyata haca duzaṣṣha, tē mē vašəm θanjaiānte spəntasca mānīyūš agraṣca* "несовершеннолетний я, несовершеннолетний, если стану совершеннолетним, превращу Землю в колесо, Небо превращу в колесницу, низведу Спента-Манью из светлого Рая, вознесу Ангра-Манью из ужасного Ада, оба мне колесницу потащат, Спента-Манью и Ангра-Манью".

М. Шварц [Schwartz 1970 293], установивший правильное чтение хорезм *xwnb-* указал на родство глагола с согд. *ɣwnp-*, *xwmp-* "толкать" в сочетаниях согд.-будд. *βstɣwnp-*, согд.-христ. *fstxwmp-*, *pstxwmp-*, в составе которых Бенвенист [Benveniste 1955 325–326] определил наречие *fst* = осет. *fasta* "позади" + *xwmp-* *rtv ZK swδšn ZKw wrtv ɣwtv prw šδkw ɣšy 'štn rty šy ZKh mntr'yh ZKh syrh βstɣwnp'y 'skwn* (VJ 768–771) "и Судахан сам тащил повозку плечами, а Мандри позади толкала колеса". М. Самади [Samadi 1986 246–247] приводит в сравнение родственные хорезмийскому и согдийскому глаголам шугн *xāfs-*, сарык *xofs-* *xovd* "спускаться, слезать". Присоединю также без провербов ишкашим *xafs-* *xavd*, *xafsūk*, *xavdūk* "спускаться, слезать", *xafs* *č dbráx* спускайся с дерева" [Пахалина 1950 248], рушан и хуф *xāfs-* *xāvd* "спускаться", кауз *xambēn* *xambēnt* "спускать" – *xu rizēn ar dišāt-ti xumbēn* "сними свою дочь с крыши" [Соколова 1959 281], барт *xāfs-* *xāvd* "спускать, отводить вниз", кауз *xambōn* . *xambōnt* "спускать", *xēmb* *xēmt* "спускать вниз", "снимать" [Соколова 1960 170, 171]. Значением глаголов, продолжающих др.-иран. **xwamp-/xwanb-* "двигать" (хорезм "отодвигать", "отдалять", согд. "толкать"), становится в приведенных языках Памира "спускать". Такое же изменение направленности движения свойственно язгулямскому *fin-* *fūd*, *fada(g)* "спускаться", "слезать" *na ž-yuki dəruxt fin* слезай с этого дерева', *na varag-ay fūd* "он слез с лошади" [Эдельман 1971 93]. Др.-иран. *fan-* "идти" (о времени) отразился в хорезм *'wf'ny* "в то время" из **wi-fāna-* [MacKenzie 1990 104] в фразе *'wf'ny kmy hl'l m'yt* (Q 69) "в то время, когда она мне была дозволена. Глагол движения **fan-* с большим основанием, чем авест. *ap-* "достигать" [Абаев 1958, I 32], может быть учтен при объяснении осет. *afon* | *afonə* "время". Кстати, глагол движения **fan-* можно привлечь к толкованию авест. *x'afənā*. В этом случае на месте [ə] в авест. *x'afənā* ожидался бы гласный [a], что приходится исключить. Форма **x'afanā* соответствовала бы местн. падежу ед. числа от основы **x'afani-*, составленной из местоимения *x'a-* "свой" + **fani-* "движение", "по-

буждение", "устремление". Подобно санскр. *svaira* "своевольный", *svairam* "по своему желанию", "по своей воле", образованным от *sva-* "свой" + *īra-* идти" (к *ībīti* из *īrvati*, ср. авест. *ar-*, *arə-*, *gar-*, *īr-* "двигаться"); авест **xʷafənā* также значило бы "по своему устремлению", "по своей воле". Именно это значение в свое время видел в авест. *xʷafənā* Ф. Юсти [Justi 1969: 87]. Объяснение авест. *xʷafənā*, основанное на хорезм. *xwmb-* [**xwamb-*] "отдалять", "отчуждать", представляется мне наиболее приемлемым.

YASNA 30

30 1 *aṭ tā vaṣṣnā iṣəntō yā mazdāθvā huaṭciṭ vīdušē*
staotācā ahurāi yesnuācā vaṭhēuš manaṭhō
humqzdrā ašā yecā yā raocəbīš darəsatā uruuāzā

"Вот, ученики, я скажу то, что вы должны будете помнить, как сведущему Хорошо памятни гимны Ахуре и молитвы Доброй мысли и Арты. Что Радость (, поведанная мной,) будет являться взорам в лучах света"

30 2 *sraotā gəušāiṣ vahīštā aiuaēnatā sūcā manaṭhā*
aiuarənā vicīdahūā narətm narətm xʷa huāi tanuiē
parā mazē yāṭhō ahmāi nē sazduāi baodantō patī

"Услышьте ушами лучшие (слова Радости), воспримите (их) чистой мыслью. За два выбора решения всем нам, самим

Перед Великим присуждением предстоит ответить Ему, о познающие"

30 3 *aṭ tā mainii pouruiē yā yətmā xʷafənā asruuātəm*
manahicā vacahicā šuaoṭanōi hī vahūō akəmcā
āscā hudāṭhō ərəš višuuātā nōiṭ duzdāṭhō

"Два Духа, изначально два близнеца, по отчуждению прослыли В мысли, в слове, в деле как лучший и злой.

Этих двоих правильно распознали добродетельные, не(правильно) – злодеи

30 4 *aṭcā huaṭ tā hētm mainii jasaētəm paouruiim dazdē*
gaēmcā ajuūitīmcā yaθācā aṭhaṭ apətməm aṭhuš
acištō drəguuatqm aṭ ašāuīnē vahīštəm manō

"Когда эти два Духа встретились (выбирающему), определилось (Что будет) в начале – жизнь или тление И каким будет конец Худшая жизнь у лживых, благочестивому – лучшая обитель"

30 5 *aiūā mainiiuā varatā yā drəguuā acištā vərəziō*
ašəm mainiiuš spəništō yā xraozdištəng asənō vastē
yaēcā xšnaoṣən ahurəm haṭhuīiṣ šuaoṭanāiṣ fraorəṭ mazdaqm

"У этих двух Духов выбрал последователь Лжи худшие деяния Правду (выбрали) Святейший Дух, который одет крепчайшей твердью,

И те, кто преданно ублажают Ахуру Мазду правдивыми делами"

30 6 *aiūā nōiṭ ərəš višuuātā daēuuā cinā huaṭ iṣ ā dəbaomā*
pərəsmanəng upā jasaṭ huaṭ vərənātā acištəm manō
aṭ aēšətməm hēnduuārəntā yā bṗnauən ahūm marəitānō

"Этих двоих неправильно распознали дайвы, когда заблуждение их, Совецавшихся, посетило Они уверовали в Худшую мысль, Сошлись с Гневом, вместе с ним терзают все существующее, о смертные"

30 7 *ahmāicā xšəθrā jasaṭ manaṭhā vohū ašācā*
aṭ kəhrpətm utaiiūtīṣ dadāṭ ārtaiiṣ qnmā
aēšqm tōi ā aṭhaṭ yaθā auarhā ādānāiṣ pouruiō

"Тому, кто придет ради власти с Мыслью доброй, с Артой,

Вечная Арматы дарует тело и дыхание. (Тот, кто придет)

Грابتить владения, будет первым при возмездии (расплавленной) медью

30 8 *aṭcā yadā aēšqm kaēnā jataiṭi aēnarhqm*
aṭ mazdā taibuō xšəθrətm vohū manaṭhā vōi vidaitē
aēibuō sastē ahurā yōi ašāi dadən zastaiuō druṣəm

"И когда наступит отмщение их грехов,

И Тебе на радость, о Мазда, утвердится власть с Доброй мыслью,

Воздастся хвала тем, о Ахура, кто Арте в руки предавали Ложь"

30 9 aṭca tōi vaēm uāmā yōi im ferašēm kārənaon ahūm
mazdāscā ahurāṅhō *ahmā *yastrā baranā ašcā
hūaṭ haθrā manā buuaṭ yaθrā cistiš aṅhaṭ maēθā

"Пусть будем мы теми, кто сделают этот мир прекрасным
Мазда и Ахуры с Артой (пусть будут) ведущими нас к (желанной) цели
Да возникнет здесь обитель, где будет жить Вероучение!"

30 10 adā zī auiā drūyō [auiō] bauuaitī skəndō spauaθrahuā
aṭ asištā yaojantē ā hušitōiš vaṅhēuš manāṅhō
mazdā ā ašahuācā yōi zazəntī vaṅhāu srauuaḥī

"Тогда вот и произойдет разрушение гиблого места Лжи
А просвещенные сплотятся в прекрасном жилище Доброй Мысли,
Мазды и Арты и утвердятся в доброй славе"

30 11 hūaṭ tā uruiātā sašavā yā mazdā dadāt mašūāṅhō
x'itica ēnəntī hūaṭcā darəgəm drəguuōdəbuō rašō
sauuacā ašauuabuō aṭ aipī tāiš aṅhaṭī uštā

"Люди, вы постигнете эти заповеди, которые даровал Мазда,
О блаженстве и страдании, как и о долгой убыли лживым
И о прибыли праведным И через них да сбудется желанное".

Комментарии

(1a). Заратуштра назвал *išəntō* тех, к кому он обратился. Причастие *išənt-* образовано от глагола *i-*: *ai-* "учить(ся)" с наращением *-š-*. К глаголу *i-*, *ai-* "учить(ся)" восходит авест *aēθraō* "училище", *aēθrya-* "учащийся". В санскритских грамматиках и словарях принято приводить формы, образованные от *i-* + *adhi* "изучать", "штудировать", в статье глагола *i-*: *ai-* "идти", ср.: санскр. *adhyetar* (**adhi-aitar-*) ном. аг. (f. *-trī-*) "учащийся", *adhīta* "ученый", *adhīti* "изучение". По-видимому, как в древнеиранском, так и в древнеиндийском существовал самостоятельный корень *i-* *ai-* "учить(ся)"

(1c) Я думаю, что *uruiāzā* "радость" выступает здесь в качестве термина, как название откровений, заповедей, *yā mazdā dadāt* (11a) "которые даровал Мазда" и которые Пророк излагает ученикам в проповедях. Возможно, форма *urvāzətmā* от *urvāzətan-* (Y 32, 1) употреблена именно в этом значении, поскольку просящие у Ахурамазды *urvāzətmā* "радости" желают стать Его *dūtāṅhō* "вестниками". Интересен вводный оборот *maḥmi manōi* "в моем смысле". Я отношу его к *urvāzətmā*, видя в нем пояснение термина. В данном случае наряду с регулярной основой *manah-* "мысль" употреблен ее вариант *mana-* "смысл", "значение": *manahi* "в мысли", *manōi* "в смысле".

axitācā x'aētūs yāsaṭ ahuā vərəzənəm maṭ airuamnā
ahiū daēuuā maḥmi manōi ahurahuā uruiāzətmā mazdā
θβōi dūtāṅhō aṅhāmā tēṅg dārauiō yōi vā daibišəntī

«У Него семья просит, у Него (просит) община вместе с племенем,
У Него дайвы (просят) Радости, в моем смысле, у Ахуры, у Мазды.
"Да будем мы Тебе вестниками Тех поразишь, которые Вас ненавидят"»

Употребление Заратуштрой слова *радость* в смысле *откровения, благой вести, радостной вести* заслуживает внимания:

ср -перс. *mužd* "радостная весть", "радость" (н.-перс. *mužd*, *mužda* id), лежит в основе среднеиранских христианских именовании Евангелия: согд.-христ *mždwc'q* Евангелие из *mžzd-ʾc-q к ср.-перс. *mžzdk-ʾc-yh, ср.-перс.-турф. *myzdg ʾc'yh*, согд.-христ *mwžty brqy* Евангелие, согд.-христ. *mwžʾk*, *mwžty* из *mužd-tāk, ср.-парф.-турф. *mwžgd'g* "приносящий Евангелие", "приносящий Радостную весть" [Gershevitch 1954: § 1128, 1128a; Bailey 1967: 280].

(2c). Именно к инфинитиву *sazduāi* от *sah-* (~ др.-инд. *sams-*) "сообщать", "говорить" относится проверб *paīti . sah-* + *paīti* "отвечать".

(2c) При авест ¹*baodah-* "Wahrnehmung", "Erkenntnis" [Bartholomae 1904 919], ср: ср-перс ¹*bou* восприятие", сак *bud-* *busta-* [Emmerick 1968 101] "постигать" "узнавать", авестийское причастие наст времени *baodant-* здесь принято в значении познающий, *baodantō* pl ном, voc "о познающие"

(7b) Основа *utayūti-* "продолжительность" не что иное, как вариант **yūta₁yūti-*, который вследствие диссимилиации утратил начальный сонант *y-* В свою очередь **yūta₁yūti-* является основой с исходом на *-ti-*, образованной путем повтора базы *yū-* с регулярным суффиксом *-t-* (ср авест *xšnū-t-*, *stū-t-*) и соединительным гласным *-a-* *yū-t-a* *vi + ti-*. Слабый корень *yū-* отражает авест ³*yav-* "продолжительность" [Bartholomae 1904: 1264] Повтор, посредством которого составлена основа *utayūti* < **yūta₁yūti-*, наблюдается также при употреблении простых производных от ³*yav-*, ср: авест *va₁aēsa ya₁vaētātaēsa* "für immer und ewig", *nūrəmca ya₁vaēsa (ya₁vaē)tāute* "jetzt und allzeit" парф *v³wyd* *v³wyd*, *v³wyd* *y³wyd'n* "во веки веков" Форма *utayūtiš* (7b) f pl insrt выступает в роли обстоятельства времени "навсегда", "навсегда"

(7c) Трудным местом является последовательность *aēšqm tōi*, по-разному интерпретируемая исследователями текста Инслер, например, предложил отказаться от чтения *tōi* и, заменив чтение *tōi* на *rōi*, принять *rōi*, инфинитив глагола *rā(v)-* "беречь", "защищать" *yezi ahūā ašā rōi mat xšauehi* (Y 44, 15) – "если сможешь с Артой уберечь от этого", *θβā rōi sānghā yōi hanti* (Y 44, 16) – "чтобы защитить Твоим словом (тех), которые существуют" Инслер не обратил внимание на фразу *tāyuš aēšqm maēdānahe x³āi pairi gaurvayeyti* (V 4, 1) – "грабитель имущество

(чужого) дома себе забирает", в которой фигурируют *aēšqm* асс sg. имущество от *aēšā-* (f 2 'Habe', "Eigentum") [Bartholomae 1904 34] и *tāyuš* ном sg. грабитель" Наряду с именами *tāyu-* "грабитель", "вор", *tāya-* "кража", *taya-* 1. утаенный", 2 "вор", которые образованы от **tā(y)-*, **(s)tā(y)-* 1 "делать тайком" 2 грабить (ср русск *таить* и *тать*), форма *tōi* является регулярным инфинитивом "грабить", который управляет дополнением в винит падеже – *aēšqm* "имущество"

(8b) Последовательность *vōi vidautē*, *vōividautē* рассматривается как интенсив от ²*vaēd-* "находить" – *vōivid-* [Bartholomae 1904 1318]. Но ее можно разделить на два самостоятельных слова, из которых первое – *vōi*, является инфинитивом чтобы радоваться", "на радость" *ātarš vōi mazdā ahurahuā ahī manuuš vōi ahūā spənīštō ahi* (Y 36, 3) – "Ты Огонь на радость Мазды Ахуры, ты Святейший Дух, чтобы радовать Его . Вторую часть последовательности представляет *vidautē*, 3 sg pres med. от *vi-dā-* "утверждать", "устанавливать" *at mazdā taubūō xša θrəm vohū managhā⁺ vōi⁺ vīdautē* – "тогда, о Мазда, Тебе на радость утвердится власть с Доброй мыслью" При сравнении инфинитива *vōi* "радовать" с аналогичными *rōi* "беречь" и *tōi* "грабить" ожидалось бы, что базой *vōi* является **uā(i)-* [Bartholomae 1904 1427] Однако в ряде случаев лексика Гат свидетельствует о том, что в древнейший период развития языка, период, предшествующий введению защитного [ŋ] перед интервокальным [h], имело место преобразование [aha] в [a] Признавая этот факт, мы можем представить искомую базу инфинитива *vōi* в ее историческом облике как **uaha-* В этом случае мы возведем *vōi* к глагольному корню др-иран **vah-* "радовать", "веселить" < и -е **ues-*, отразившемся в ст-слав *весель* По Бартоломе [Bartholomae 1904 1427] "*vōi* Inf 'zu erfreuen zu gefallen, zu einer ar Basis **uā(i)-*'

(9b) Последовательность *ā mōuastrā* текста Гельднера [Geldner 1886 108] уникальна и к тому же явно искажена Так, например, Бартоломе на месте *ā mōuastrā baranā* читал *ā myastrā baranā* "heran (kommt)! eure Bundesgenossenschaft gewährend" [Bartholomae 1904 1190] Гумбах исходит из чтения *ā mōistrā baranā* with the bringer of changes" [Humbach 1991, I 125, II 55] Инслер предложил изменить *ā mōuastrā baranā* на *ā mōi (a)stā baranā* "be present to me with support" [Insler 1975 35, 173] В рукописи J₂ содержится вариант *ā mōi yastrā*, в котором особого внимания заслуживает *yastrā* Вне всяких сомнений *yastra-* является производным на *-θra-* / *-tra-* от глагола движения др-иран **yat-*, ср хорезм *fnwc srō y³cyd* (M 401, 2) он подошел (приблизился) к девятиста годам" (= перс *ba navad sāl nazdik rasīd*), ягноб *juwōl-*

am mayda xast, čist-im nayatōšt "мешок у меня маленький, мои вещи не войдут (не поместятся)" Бенвенист отмечает, что *yat-* значит собственно "atteindre sa place naturelle" [Benveniste 1955 22] При *yat-* в значении 'достигать надлежащих места, рубежа, пределов' имя *yastra-* может значить 'цель', 'результат', 'успех' Композит *yastrā baranā*, где *baranā* – причастие в именит пад мн числа, как предикатив при распространенном подлежащем – божествах, переведем "ведущие к (желанной) цели, к (счастливому) результату, к успеху" Значение, которое здесь придано авест *yastra-*, поддерживается согдийскими *ytw* "happy result", *y'kh* 'advantage' [Bailey 1970 187]

При условии, что в отдельных случаях авест [ā] отражает историческую группу [ah], прочитаем на месте *ā mōi* (9b) местоимение 1-го лица мн числа вин пад. *ahmā* нас. В результате стяжения [ah] > [ā] часть местоимения *-mā* под воздействием следующего [y] слова *yastrā* была воспринята как местоименная энклитика 1-го л ед числа *mōi* В согласии с Бартоломе [Bartholomae 1904 1190] рассмотрим *barana-* как причастие наст времени от *bar-* "нести", "вести", составляющее вместе с *yastra-* предикативный композит *yastrā baranā*, согласованный с распространенным подлежащим и управляющий прямым дополнением в винительном падеже *mazdāscā ahurāϑhō ahmā yastrā baranā ašācā* "Мазда и (другие) Ахуры вместе с Артой (да будут) ведущими нас к (желанной) цели"

(9c) Станс завершается прилагательным *maēθā* в функции именной части сказуемого согласованным с подлежащим *cistiš f nom sg* 'учение', "вероучение", *maēθā f nom sg*. "живущий", "обитающий" восходит к корню *maēt-*, *maēθ-* "жить", 'обитать', который содержится в авест *maēθana-* 'жилье', "дом", н-перс *mēhan*, *mayhan* "родной дом", родина

(10a) Говоря об авест *srauaθra-*, нельзя оставлять в стороне др-иран **spīθra-* представленное в личном имени времени Ахеменидов *Σπιθραδάτης*, *Σπιθριδάτης* [Justi 1963 310, Nyberg 1974 178, Hinz 1975 227] и продолжившееся в пехл *spy(y)hl*, маних парф и перс 'spyr (ср *nhčyr*, *nhčhr*) и далее в н-перс *sipīhr* "небо" В переводе Юсти *Σπιθραδάτης*, *Σπιθριδάτης* значит "vom Himmel (nr *sipīhr*) gegeben" По-моему, вопреки распространенному мнению, др-иран **spīθra-*, н-перс *sipīhr* "небо" не имеет отношения к др-инд *śvitrá-* "белый" Оба слова – др-иран **spīθra-* и авест *srauaθra-* – образованы с помощью суффикса *-θra-* от двух разных, в звуковом отношении совпавших, корней ³*spā-* *spī-* (русск *снеть*) "процветать", преуспевать, "блаженствовать" и ¹*spā-* *spī-* "бросать", 'бросать прочь' 'уничтожать', 'истреблять', ср (*s*)*pōiθva vāhrka* (V 13, 40) "волки должны быть истреблены" По существу, значения *Gedeihen*, 'Erfolg', 'Gluck' [Bartholomae 1904 1612] prosperity' [Inslar 1975 35, 174] могут относиться к др-иран **spīθra-* но никак не к авест *srauaθra-* Последнее упоминается в связи с *drūj-* "ложь" и должно подразумевать предмет отрицательного свойства Прав Гумбах, принявший авест *srauaθra-* в значении, связанном с авест *sraueiti* 'throws off, clears off (a sin)' [Humbach 1991, II 56] Судя по контексту (10ab) *srauaθra-* и *hušiti-* "прекрасное жилище" противопоставлены друг другу Поэтому *srauaθra-* подразумевает место, а не свойство, как у Гумбаха *srauaθra-* 'damage' Я думаю, что Заратуштра, опираясь на **spīθra-* 'процветание, блаженство, «местонахождение процветания, блаженства (> "небо")» и по модели **spī-θra-* создал своего рода неологизм со значением, противоположным **spīθra-* *sraua-θra-*, *sraui aθra-* 'вред, ущерб', "истребление" и, соответственно, 'место, где Ложь причиняет вред, наносит ущерб, истребляет, уничтожает', гиблое место, обиталище', *drūjō skāndo srauaθrahuīā* – "разрушение гиблого обиталища Лжи Увоенный греческий астрономический термин *σφαῖρα* небесная сфера' мог отложиться в круге значений ср-парфянского и ср-персидского слова, сохраниться в н-перс *sipīhr* 'небо', "небеса", "небесная сфера", "вселенная", "судьба"

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1958 – *В И Абаев* Историко-этимологический словарь осетинского языка Т I М.; Л., 1958
- Пахалина 1959 – *Т Н Пахалина* Ишкашимский язык М, 1959
- Соколова 1959 – *В С Соколова* Рушанские и хуфские тексты и словарь М.; Л., 1959
- Соколова 1960 – *В С Соколова* Бартангские тексты и словарь М.; Л., 1960
- Эдельман 1971 – *Д И Эдельман* Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
- Bailey 1967 – *H W Bailey* Indo-Scythian studies being Khotanese Texts. V. VI. Cambridge, 1967.
- Bailey 1970 – *H W Bailey* Dictionary of Khotan Saka Cambridge, 1970
- Bartholomae 1904 – *Chr Bartholomae* Altiranisches Worterbuch Straßburg, 1904
- Benveniste 1955 – *É Benveniste* Études sur quelques textes sogdiens chrétiens // Journal asiatique Paris, 1955
- Emmerick 1968 – *R E Emmerick* Saka grammatical studies London, 1968
- Geldner 1886 – *AVESTA* Die heiligen Bücher der Parsen Im Auftrag der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien / Hrsg von K.F Geldner. I. Stuttgart, 1886.
- Gershevitch 1954 – *J Gershevitch* Grammar of Manichean Sogdian Oxford, 1954
- Humbach 1991 – *H Humbach* The Gāthās of Zarathushtra and the other old Avestan texts / Ed. by H Humbach in collaboration with J Elfenbein and P O Skjærvø P I–II Heidelberg, 1991
- Insler 1975 – *S Insler* Gāthās of Zarathustra // Acta Iranica 8 V I Leiden; Téhéran; Liège, 1975
- Justi 1963 – *F Justi* Irisches Namenbuch Hildesheim, 1963.
- Justi 1969 – *F Justi* Handbuch der Zendsprache Wiesbaden, 1969.
- Hinz 1975 – *W Hinz* Altiranisches Sprachgut der Nebenerlieferungen Wiesbaden, 1975
- MacKenzie 1990 – *D N MacKenzie* The Khwarezmian element in the *Qunyat al-Munya* // School of oriental and African studies University of London, 1990
- Nyberg 1974 – *H S Nyberg* A manual of Pahlavi P II Wiesbaden, 1974
- Samadi 1986 – *M Samadi* Das Chwaresmische Verbum Wiesbaden, 1986
- Schwartz 1970 – *M Schwartz* On the vocabulary of the Khwarezmian Muqaddimat al-Adab, as edited by J Benzing // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft № 120 1970

ИСТОЧНИКИ

- M – Muqaddumat al-Adab.
Q – Qunyat al-Munya.
V – Vidēvdāt.
VJ – Vessantara Jātaka.
Y – Yasna.
Yt – Yašt

© 2003 г. С. ПАТРИ

НАМЪ: НОВАЯ СЛАВЯНО-ИРАНСКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИЗОГЛОССА**1. ВВЕДЕНИЕ**

Оценка диалектного положения древненовгородского среди других славянских языков и диалектов основывается прежде всего на описании лингвистических, т. е. фонологических, грамматических и лексических, черт языка берестяных грамот. Хотя в наших знаниях об этих особенностях сохраняются лакуны, значительный прогресс, достигнутый в последнее время в расшифровке берестяных документов, особенно в результате трудов А.А. Зализняка, позволил ввести в научный оборот ряд данных, свидетельствующих об архаизмах, которые до сих пор не наблюдались ни в одном из славянских языков. Наличие в древненовгородском ряда признаков, возводимых к древнейшему периоду развития праславянского, сопровождается серией специфических инноваций, не разделяемых другими языками. На современном уровне знаний свидетельствами праисторических диалектных расхождений можно признать, в частности, следующие данные: а) неосуществление второй палатализации [Głuskińska 1966, Зализняк 1995: 37–38], б) возникновение именительного падежа мужского рода на *-e* [Зализняк 1988, Крысько 1993; Vermeer 1994; Patri (в печати–1)], а также, как мы полагаем, в) палатализацию **m* [Patri (в печати–2)]. Эти факты относятся как к формальной, так и к функциональной сфере, и проблемы, которые в этой связи возникают, каким бы образом их ни решать, относятся к грамматике. Целью настоящего исследования является введение в научный оборот новых данных – на сей раз лексического порядка, касающихся одного соответствия между древненовгородским и иранскими языками и представляющих интерес как с точки зрения лексической семантики, так и с точки зрения индоевропейской и славянской диалектологии. Объектом нашего исследования является существительное *намъ*.

2. ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОЕ НАМЪ ‘ПРОЦЕНТ, ЛИХВА’

Первые фиксации слова *намъ* в берестяных грамотах были, естественно, идентифицированы с дательным падежом местоимения *мы*. Однако накопление данных довольно быстро привело к тому, что это толкование стало невозможным применять ко всем случаям. Стало ясно, что наряду с местоименной формой *намъ* необходимо выделять также существительное *намъ*, значение которого, однако, оставалось неясным. В 1984 г., когда анализируемое существительное уже было засвидетельствовано в семи берестяных грамотах, А.А. Зализняку удалось установить его значение благодаря одной глоссе XII в., которая до той поры не принималась во внимание. Эта глосса обнаруживается в собрании различных вопросов христианской тематики, адресованных небольшой группой священников Нифонту, епископу Новгородскому (1130–1156), – так называемом “Вопрошании Кирика”. Среди вопросов, касающихся окормления паствы в торговом центре, каковым был Новгород, вопрос о том, при каких условиях занятие христиан ростовщицеством является законным и чем это занятие должно быть ограничено, выглядит вполне естественным. Вот что ответил на этот вопрос, поставленный Кириком, новгородский епископ.

- (1) *А намъ дѣля, рекше лихвы, тако велше учить аже поа то рци кмоу не достоитъ ти слоужити, аще того не останеши, а уже простьца, то рци кмоу не достоитъ ти имати і намъ* (цит с изменениями по [Зализняк 1986 165])

Процитированный пассаж не оставляет никакого сомнения относительно значения слова *намъ* этот термин означает ростовщический процент Указанное значение идеальным образом соответствует употреблением существительного *намъ* в берестяных грамотах, и последующие находки только подтвердили это толкование [Зализняк 1986 165–166]¹

В берестяных грамотах процент чаще всего выражен в определенной сумме денег (обозначенной существительными *гривна, ногата, куна*), как особенно в списках займодавцев, где рядом с именем должника в некоторых случаях уточняется размер долга

- (2) | | *на нѣгорадѣ 3 кунѣ и гр(и)вна съ нами* (НГБ № 526, вт треть XI в)

В двух случаях *намъ* фигурирует в значении ‘арендная плата, комиссионные’

- (3) | | *а лодку даи павлу соболецеву изо нама* (НГБ № 124, XIV/XV в)

- (4) | | *нама ти хотѣ ти по 8 куну и по мородоки* (НГБ № 124, XIV/XV в)

Наиболее развернутые контексты показывают, что *намъ* может эксплицитно сочетаться с глаголом *платити* и производными

- (5) | | *а лоньскихо намo недоплатило 8 ногато* (НГБ № 218а, 60–70-е гг XIII в)

Однако чаще всего этот термин выступает, разумеется, в сочетании с глаголами *възяти* и *дати*

- (6) | | *оу воислава възьми* | | *5 коунъ намомъ не въдале дѣвоихъ намъ* (НГБ № 509, 50–70-е гг XII в)

- (7) | | *соужьдалѣць ходоутиничѣ възьми довѣ гривнѣ на намъ* (Свинцовая грамота № 1, XI/XII в)

До настоящего времени зафиксировано лишь одно производное от *намъ* – относительное прилагательное *намыньи*

- (8) | | *оу болна възьми шестѣ коунъ намыною* (НГБ № 509, 50–70-е гг XII в)

Следует отметить, что *намъ* (как это часто бывает при выражении взаимных отношений) может обозначать и то, что должен взявший займы (как в примере 2), и то, что дано кредитором (как в примерах 3, 6, 8) Вследствие этого из-за недостаточ-

¹ Значение слова *намъ* в берестяных грамотах не было установлено сразу из за одного упущения в критике текста Ввиду того, что в то время (1908) это был нарах А С Павлов, издатель “Вопросов Кирика” в серии “Памятники древнерусского канонического права” к сожалению выбрал неверное разночтение *наимъ* (по аналогии с *наемъ*?) в ущерб правильному чтению *намъ* (восстановленному в цитате 1 в соответствии с чтением другой рукописи, приведенным у А А Зализняка) В результате до обнаружения в берестяных грамотах слово *намъ* игнорировалось всеми словарями (его первое упоминание появилось лишь в 1983 г в Словаре русского языка XI–XVII вв ‘ [Сл XI–XVII, 10 142], где, однако, цитата из Вопроша ния Кирика все еще отсутствует)

ности контекста некоторые употребления могут с этой точки зрения оставаться неопределенными

(9) | | *аже то намъ възмле еси навъловъ (а) на прокопъ възати* (НГБ № 736а, 10–30-е гг XII в)

Важно подчеркнуть, что исследуемое слово, сфера использования которого ограничена выражением определенных экономических отношений, столь же ограничено и в диалектном плане, так как *намъ* известен только из документов новгородского происхождения² Тот факт, что новгородский епископ почувствовал необходимость эксплицитного глоссирования слова *намъ* посредством термина *лихва*, являвшегося обычным обозначением ростовщических процентов в русском языке [Кочин 1937: 172], подчеркивает, на наш взгляд, сильную диалектную окрашенность данного слова, вероятно, не употреблявшегося за пределами новгородского ареала Эта диалектная изолированность усугубляется полной формальной изолированностью, поскольку *намъ* не соотносится ни с какой словообразующей основой, известной в древненовгородском или каком бы то ни было другом славянском языке и диалекте

3. ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА *НАМЪ*: БАЛТО-СЛАВЯНСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ?

В то время как слово *намъ* ‘процент’ совершенно изолировано среди славянских языков, предложенное А А Зализняком [1986: 166] сближение с литовским *nioma* ‘наем, аренда, прокат’ и латышским *niõta* ‘то же, налог, оброк’ не вызывает возражений Несмотря на различия в суффиксах в балтийском (*-ã) и славянском (*-o), установление связи между этими словами, кажется, ясно свидетельствует о существовании в славянском и балтийском именной основы **nõm-*, образованной от индоевропейской основы **net-* [IEW 763, LIV 408]

Эта основа, означающая ‘давать, получать на законном основании’ [Benveniste 1931: 79, 1948: 79, 1951: 14–15, 1967b: 508–509, 1969: 82–86], в семантическом отношении является одной из наиболее богатых и сложных, поскольку во всех языках, где она зафиксирована, она подверглась независимому развитию, и даже в пределах каждого отдельного языка формы, образованные от нее, свидетельствуют о значительном семантическом дроблении В греческом, где отмечено наибольшее количество дериватов от этой основы [Laroche 1949, DELG 742–744], представлены, наряду с глаголом *νεμω* ‘присуждать’ (ср *νομίζω*), имя действия на *-*ti* – *νέμεσις* ‘воздаяние, возмездие’ (< *‘присуждение чего-л. законной властью’), имена на *-*o* – *νόμος* ‘закон’ (< *‘присуждение в соответствии с правилами, обычай’) и *νομός* ‘пастбище, местопребывание, область’ (< *‘предоставление территории’) В германских языках [Seebold 1970: 357–359, Lehmann 1986, № 20] глагольная основа гот *niman* ‘брать, получать’ обнаруживается в композите *arbinumja* ‘наследник’ (*‘тот кто законно получил наследство’) Таким образом, семантическое развитие, отраженное в балтийском и славянском, объясняется без затруднений³ Однако, несмотря на идентичность в историческую эпоху, предполагаемый совместный характер этой инновации для балтийского и славянского отнюдь не очевиден и наталкивается на серьезные трудности

3.1. Балтийский

Наряду с литов *nioma*, лтш *niõta* засвидетельствованы глаголы *niomoti*, лтш *niõmât*, *niõtiõt*, которые несомненно являются деноминативами [Skardžius 1943

² В настоящее время известно 20 фиксации этого термина в 13 берестяных грамотах, из которых древнейшая датируется второй третью XI в а позднейшая – рубежом XIV–XV вв [Зализняк 1995: 637, Янин, Зализняк 2000: 75]

³ См о балтийском [Fraenkel 1955–1966: 512] а сейчас – и о новгородском [ЭССЯ 22: 193]

498, 505] Однако в латышском существует еще и глагол *ņēmt*, прет *ņemi* ‘брать’, который, в основе настоящего времени, находится в том же изначальном отношении к **nem-*, как и греч *νέμω* и гот *niman* Праформа *nōtmā ‘арендная плата’, которую постулируют для литов *niūma*, лтш *niõma*, должна, по нашему мнению интерпретироваться как абстрактное существительное с корневым вокализмом **-õ-* (буквально ‘взятие’), восходящим к основе **nēm-* претерита *nēmi*, – так же как, например, литов *slúogas*, лтш *sluõgs* ‘вес’ восходят к литов *slėgti, slegiù, slegiaù* ‘взвешивать’, лтш *slēgt, slēga, slegs* или литов *brúožas* ‘линия’ – к литов *brėžti* ‘чертить’ и т п Хотя литов *niūma*, лтш *niõma* толкуется у Я Эндзелина [Endzelins 1922 § 126, 1971 86, ср Stang 1966 40–41] так же, как у П Скарджюса [Skardžius 1943 44], не следует упускать из виду тот факт, что апофоническое чередование **-ē-* **-õ-*, определяющее отношение между глагольной основой и ее именным дериватом, стало возможным только вследствие продления **-e-* → **-ē-* (характерно для претеритальной основы) и что этот процесс представляет собой инновацию балтийского глагола, поздний характер которой проистекает, помимо прочих обстоятельств, в особенности из того, что она не имеет соответствия в других языках [Stang 1942 112–113, 115, Kuryłowicz 1956 301] Таким образом, литов *niūma*, лтш *niõma* не могут быть признаны унаследованными образованиями, отражающими предшествующее состояние в истории балтийских языков

Этой констатации достаточно для того, чтобы отделить происхождение литов *niūma*, лтш *niõma*, с одной стороны, от новг *намъ* – с другой Однако, как это часто бывает в сфере балто-славянских языковых отношений, данное утверждение, хотя и основанное на морфологическом анализе, не представляется убедительным, особенно потому, что оно приводит к выводу о случайности семантической специализации и почти полного формального сходства между балтийским и новгородским образованиями – выводу, который, в свете существенного разнообразия значений у производных от основы **nem-*, кажется, трудно принять

Удобное объяснение могла бы предоставить гипотеза о заимствовании поскольку литов *niūma*, лтш *niõma* являются в балтийском регулярными образованиями и поскольку *намъ* в славянском изолировано, новгородская форма заимствована из балтийского Эта гипотеза как будто подкрепляется тем фактом, что основа **nōtm-* ‘процент’, каково бы ни было ее происхождение, действительно распространена и за пределами балтийской зоны, о чем свидетельствуют лив *niõtm* ‘арендная плата’ и эст *niõtm* ‘то же’ [Thomsen 1890 94, 205] Однако этот сценарий уже был рассмотрен А А Зализняком, который показал его формальную невероятность в очевидных славянских заимствованиях из балтийского балтийский вокализм *õ → *uo реализуется либо в виде *u*, либо в виде *o* [Зализняк 1986 166, ЭССЯ, 22 19] Кроме того, если среди языков балтийского ареала примеры заимствования из славянского многочисленны, то случаи заимствования балтийских слов одновременно в славянские и финские языки ограничены всего парой примеров⁴ В целом, даже оставаясь в рамках гипотезы о заимствовании основы **nōtm-*, нельзя не признать, что а priori она была бы если не более вероятна, то по крайней мере менее маловероятна при ином определении направления заимствования, а именно – из славянского в балтийский

3.2. Славянский

С позиции славянских языков объяснение слова *намъ*, как бы мы его ни рассматривали, обречено оставаться в области гипотез Две интерпретации представляются возможными

⁴ Речь идет согласно Ю А Лаучюте [1982], о литов *káušas*, лтш *kaùss* ‘ковш’ и о литов *šeškas*, лтш *seskis* ‘хорек’

Первая интерпретация заключается в том, чтобы видеть в *намъ* отглагольное образование от фактитива на $*-\delta-$ по модели, продуктивной в славянских языках, типа ст-слав *сѣсти* → *сидити* → *сидѣ*, *рѣзати* → *разити* → *разѣ* и т.п. [Vaillant 1974 165 и след.] Данная гипотеза, предполагающая наличие глагола $*namiti$, могла бы быть поддержана параллельным существованием индоиранского фактитива $*nāmaya-$ (авест *nāmaia-*, вед *nāmayati* [Kellens 1984 143, 146, № 19]) Однако эта параллель становится крайне сомнительной в свете семантики глаголов, восходящих к $*nem-$, которые в индоиранском выражают следующие значения: вед *nāmati* – ‘сгибать, бить’, *nāmate* – ‘быть согнутым’ [Goto 1996 193–196], авест *nama-* ‘сгибать, оказывать почтение, идти’ (откуда $*nāmaya-$ ‘каузировать идти, вести’) Эти значения кажутся настолько различными, что большинство авторов (в частности, недавно [LIV 408]) реконструируют индоевропейский корень $*nem-$ ‘склоняться’, омофоничный $*nem-$ ‘присуждать’. Напротив, Э Бенвенист [Benveniste 1967b 321] считал несомненной связь между индоиранскими образованиями и греч *νέμω*, гот *niman*. Как бы то ни было, тот факт, что в славянском семантика слова *намъ* предполагает глагольную основу, означающую ‘присуждать’, а не ‘быть согнутым’, делает эти сближения затруднительными, хотя и не устраняет их совершенно⁵.

Второе объяснение заключается в том, чтобы усматривать в *намъ* образование от имперфективного глагола. В соответствии со структурой индоевропейского словообразования, четко представленной в греческом, от презенса на $-e/o-$ с корневым вокализмом $*-e-$ образовывался “итератив” на $-y^e/o-$ с корневым вокализмом $*-o-$, от которого в свою очередь образуется другой “итератив” с продленным вокализмом корня $*-\delta-$ и суффиксом $-\bar{a}-y^e/o-$ [Kuryłowicz 1956 303–305, 1968 289–290] (материал см. [Schwyzer 1938 718, Risch 1974 320])

(10)

$*\sqrt{-e-} + -e/o-$	$*\sqrt{-o-} + -e-y^e/o-$	$*\sqrt{-\delta-} + -\bar{a}-y^e/o-$
летоμα ‘лететь’	ποτεομα	ποταομα
στροφω поворачивать	στροφω	στροφω
τροπλω поворачивать’	τροπλω	τροπλω

Этот механизм столь же хорошо засвидетельствован и в славянском (где образования с длительной ступенью всегда префиксальные)

(11)

$*\sqrt{-e-} + -e/o-$	$*\sqrt{-o-} + -e-y^e/o-$	$*\sqrt{-\delta-} + -\bar{a}-y^e/o-$
<i>ženq</i>	<i>goniti</i>	<i>-ganjati</i>
<i>neso</i>	<i>nositi</i>	<i>-našati</i>
<i>lego</i>	<i>ložiti</i>	<i>-lagan</i>

Глаголы, образованные этим способом, могут в свою очередь служить основой для образования суффиксальных имен на $*-o-$ → слав *-й* [Vaillant 1974 § 780]

⁵ Проблема действительно весьма сложна, так как решение в существенной степени зависит от индоиранских данных, которые допускают различные, но равно вероятные семантические интерпретации. Помимо исследования Э Бенвениста (см. выше), см. также [Kellens 1974 179–182, 1983, 1984 115, 215, Humbach 1991, II 175 EWAJ, II 14–16]. Тем не менее следует заметить, что семантически удобное решение о различии между омофоничными корнями не разъясняет проблему совпадения формальных средств, которое наблюдается между большей частью производных от корня $*nem$.

(12)

глагол * $\sqrt{-o-} + -\bar{a}- y^e /_o-$
-lagati

девербатив * $\sqrt{-\bar{o}-} + o$
*-lagъ (словен *ob-lag*)

Оказывается, что в греческом корень **nem-* действительно вписывается в данную деривационную схему, о чем свидетельствует дериват $\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\omega$ ‘распределять’, который, как показал П Шантрэн [Chantraine 1958 358], в метрическом отношении не может быть выведен из корневого вокализма (ср $\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\varsigma$ Od 12, 218)

(13)

**nem-e /_o*

$\nu\epsilon\mu\omega$ присуждать

**nom-e-y^e /_o-*

* $\nu\omicron\mu\epsilon\omega$

**nom-a- y^e /_o*

$\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\omega$ ‘распределять’

По аналогии с этими словообразовательными структурами можно было бы предположить, что, подобно тому как *-lagi* был образован от *leg-*, *намъ* мог быть образован от славянской глагольной основы *namjati ‘давать займы, договариваться о займе’ (= греч $\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\omega$), в свою очередь образованной от древней основы **neme-*, соответствовавшей по форме и значению греч $\nu\epsilon\mu\omega$, гот *niman*, лтш *neînt*. Как и предшествующая гипотеза – однако по другой причине – эта гипотеза остается очевидно шаткой, поскольку образование имен от глагольных дериватов на * $\sqrt{-\bar{o}-} + -\bar{a}- y^e /_o-$ не находит подтверждения в греческом, а в самом славянском оно представляется инновацией⁶.

Итак, анализ указанных гипотез приводит к заключению о том, что славянский – в отличие от балтийского – не предоставляет явных возможностей для внутренней реконструкции

4. КОРЕНЬ *NEM- В ИРАНСКОМ

Говоря иными словами, единственное ясное заключение, к которому приводит анализ отношений между новг *намъ*, с одной стороны, и литов *niõta* и лтш *niõta* – с другой, состоит в том, что, как бы ни объяснять эти отношения, они не могут рассматриваться как свидетельство общего наследия в славянском и балтийском

Как же в этих условиях объяснить совпадение – одновременно формальное и семантическое – между балтийским и славянским? Решение, на наш взгляд, предоставляет одно иранское слово, которое до настоящего времени оставалось за рамками этимологических дискуссий. Оно известно лишь в одном примере из Авесты, однако его чтение недвусмысленно. Решающее свидетельство находится в четвертом фрагменте “Видевдата”, где обсуждаются договорные отношения между лицами

(14) *yō naire n̄amr̄h̄ante nōit n̄m̄ō paiti baraiti tāuuš n̄amr̄h̄ō bauuaiti hazar̄ha n̄m̄ō barahe* (V 4, 1)

‘тот, кто не возвращает ссуду заимодавцу, крадет сумму, взятую в долг, и обкрадывает заимодавца’

Вот пример, который полностью меняет соотношение между балтийским и славянским к соответствию, включающему новг *намъ*, литов *niõta*, лтш *niõta*, теперь следует присоединить авест *n̄mah-* в том же значении

⁶ А Вайан [Vaillant 1974 165 и след.], говоря о девербативах с корневым вокализмом *-a-*, не упоминает о старославянских формах, образованных по этой модели

Парадоксальным, на первый взгляд, может показаться то обстоятельство, что *nəmah-* является в авестийском столь же уникальным образованием, как *namь* в славянском. Это слово имеет значение 'суда' только в процитированном выше примере, во всех остальных случаях форма *nəmah-* обозначает 'приношение', эта семантика обнаруживается также в ведийском у эквивалентной формы *nāmas-*, которая, однако, не имеет других значений [Grassmann 1996 711–712]. Словарь Бартоломе [Bartholomae 1904 1069–1070] закрепляет это семантическое различие, вводя для авестийского две разные леммы ¹*nəmah-* 'приношение' и ²*nəmah-* 'суда'⁷. Кажется, однако, вероятным, что две лексические единицы, столь различные в историческую эпоху, стали различаться лишь в индоиранский период и что допустимо реконструировать *neutrum* **nāmas-*, который сохранял первоначальную семантику **net-*, реализовавшуюся, с одной стороны, в значении '(ритуальное) присуждение чего-л →) 'приношение', с другой стороны – в значении '(договорное) присуждение чего-л →) 'суда'⁸. Напротив, соотношения **nāmas-* 'присуждение (по закону, по обычаю)' с индоиранскими глагольными основами, образованными от корня **net-* (3.2), установить не удастся⁹. Анализ авестийского *neutrum*, так же как и славянский *namь*, не предоставляет, таким образом, возможности для внутренней реконструкции.

5. ФОРМАЛЬНОЕ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СЛАВЯНСКИМ И ИРАНСКИМ

Морфологическую изолированность авест. *nəmah-* менее сложно объяснить, чем изолированность новг. *namь*, поскольку *neutra* на **-e/ɔs-* вообще часто лишены связей с глагольными основами [Debrunner 1954. 219 и след.]. Тем не менее установление авестийской параллели вводит в сравнение со славянским существенные новые данные. В славянском категория существительных среднего рода на **-e/ɔs-* представлена образованиями от унаследованных форм (ст.-слав. *нево*, *невесє* и др.) наряду с более многочисленными новыми формами, в которых аффикс **-e/ɔs-* распространяется на чисто славянские образования (ст.-слав. *тѣло* и др. [Бернштейн 1970]). Однако, наблюдая за судьбой старых сигматических *neutra*, не сохранившихся в этом виде в славянском и замененных инновационными образованиями, можно заметить, что их адаптация нередко состоит в замене первичного аффикса **-e/ɔs-* аффиксами жен. рода **-ā-* или муж. рода **-o-*, причем **-ō-* заменяется на *-e-*, изначально характерное для корневого вокализма

(15)

	$*\sqrt{-e-} + -e/ɔs-$	$*\sqrt{-ō-} + -ā \sim -o$
а <i>*kl ew</i> 'слышать'	→ ст.-слав. <i>слово</i>	ст.-слав. <i>слава</i> ,
	греч. <i>κλέος</i> 'слава'	-славь (в композитах)
	вед. <i>śravas-</i> 'глас'	
	авест. <i>sravah-</i> 'речь' ^(а)	
	тох. В <i>-kalywe</i> 'слава'	

⁷ По мнению К. Гофмана (Hoffmann), на которое ссылается Ж. Келленс [Kellens 1974 182] форму *nətoi* (Y 46,1) можно было понять как дат. пад. ед. ч. от имени-корня *nam* 'вотчина' соответствующего *neutrum* *nəmah-* 'суда', другие интерпретации см. [Benveniste 1967b 509; Humbach 1991. II 175]; Келленс [Kellens 1983] рассматривает это слово как совершенно неясное (см. также [Kellens, Pirart 1991 201]). Ранее Келленс [Kellens 1974 182, № 1] считал столь же допустимым интерпретировать собственные имена *nətō varhu* (*nətō varhəuš* Yt 13 109) и *vo hu nəmah-* (*vohu nəmahə* Yt 13, 104, 114, 115) как 'тот, кто получил часть имущества'

⁸ См. в этом смысле (хотя и с некоторыми отличиями) уже интерпретацию К. Гофмана, принятую М. Майрхофером [KEWA, III 743].

⁹ За исключением *nəmah-* 'давать суду', которое является деноминативом от *nəmah* 'суда' [Kellens 1984 15, 131]. Вопрос о возможном соотношении между **nāmas-* 'присуждение' с санскр. *nam-* 'сгибать', авест. *nam-* 'идти' и авест. *nam-* 'бить' остается нерешенным.

в *g^{hw}er- быть жарким'

→ греч θερός 'лето'

вед *haras* 'жара'

арм *Jer* 'т ж' ^(b)

прасл *gaga

'жжение' ^(c)

(русск *изгaga*

польск *zgaga*

ст -чеш *zhaha*,

словен *zgâga*)

ст -слав *сaaъ* ^(d)

с *sed- 'сидеть'

→ греч εδος 'сиденье'

вед *sâdas* 'т ж'

^(a) Также 'слава' в иранском [Benveniste 1967a 199]

^(b) Вторичная основа на -o- [Hubschmann 1897 486]

^(c) См ЭССЯ, 9 27, относительно именных форм, образованных от глагольных основ с начальным палатальным ž-, см [Vaillant 1974 169–170]

^(d) Может быть также интерпретировано (см 3 2) как дериват от фактитива *saditi*

Промежуточные стадии, которые предполагает эта эволюция, менее ясны, однако его формальные признаки позволяют усматривать в соотношении авест *nəmah*- и новг *namъ* проявление формального и семантического соответствия, аналогичного соответствию между вед *neutrum sravas-* 'слава', авест *sravah-* 'речь, слава', с одной стороны, и ст -слав дериватом *слава*, -*славъ* – с другой

(16)

*nem-
'присуждать'

*√-e- + -e/σ-
→ авест *nəmah-* 'ссуда'
вед *nāmas-*
'приношение'

*√-ō- + -ā ~ -o
новг *namъ*
'процент'

Условия, в которых сформировалось это соответствие, как представляется, подтверждают, что соотношение между славянским и балтийским (литов *niūta*, лтш *niõta*), для которого не обнаруживается никакого механизма, сопоставимого с ирано-славянским соответствием, восходит к праисторическому заимствованию из славянского – что, впрочем, позволяло предполагать уже распространение этого слова в финских языках (3 1)

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вскрытое нами соответствие вносит дополнительное свидетельство в уже значительный список специфических соответствий между иранским и славянским¹⁰ В классической работе, посвященной исследованию славяно-иранских отношений, Э Бенвенист [Benveniste 1967a] подчеркнул неизменно уникальный характер проблем, возникающих в связи с этими соответствиями Однако различие условий наблюдения не должно заслонять от нас единства выявленных данных Особенно важно констатировать, что лингвистические условия, предполагаемые соответствием авест *nəmah*- и новг *namъ*, совпадают с уже засвидетельствованными фактами настолько, чтобы с полным основанием говорить об определенном типе соответствия между славянским и иранским

– в словообразовательном плане соответствия базируются на именных образованиях, непроемных от глагольных основ, типа ст -слав *свагъ* – авест *spənta-*, ст -слав *срамъ* – авест *fšarənta-*, ст -слав *ради* – ст -перс *rādi*, ст -слав *вогъ* – авест *baga-* и т. п.,

– в диалектном (хронологическом) плане семантическое соответствие релевантно только для славянского и иранского, но не для индийского, даже если существует

¹⁰ См [Meillet 1908–1922 127–128, 1926, 1934 506–509, Benveniste 1935, 1967a, Зализняк 1962] Кроме того, вероятным заимствованием является слав *къ* на фоне согд *ku* 'к' [Benveniste 1956]

формальное индо-иранское соответствие, как например в случае с вед *svāntá-*, формально родственным авестийскому *spənta-*, но зафиксированным только два раза (RgV 1, 145, 4c; 10, 61, 21b), причем в неясном значении (см [EVP, 12 77, 16 139]), или с вед *bhága-* '(бог) богатства' vs авест *baga-* 'удача, бог'

Примечательно, что древненовгородский диалект единственным в славянском ареале сохранил следы специфического совпадения между славянским и иранским, заключающегося в сохранении индоевропейского наследия. Эта консервация архаичной черты соответствует архаичности языковых структур берестяных грамот, которая, таким образом, находит подтверждение и в лексическом плане¹¹

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн 1970 – С Б Бернштейн Следы консонантных основ в славянских языках (следы основ на *-s-) // ВЯ 1970 № 3
- Зализняк 1962 – А А Зализняк Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания М, 1962 Вып 6
- Зализняк 1986 – А А Зализняк Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В Л, Зализняк А А Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг) Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг) М, 1986
- Зализняк 1988 – А А Зализняк Новгородские берестяные грамоты и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание X Международный съезд славистов Докл сов делегации М, 1988
- Зализняк 1995 – А А Зализняк Древненовгородский диалект М, 1995
- Кочин 1937 – Г Е Кочин Материалы для терминологического словаря Древней России М, 1937
- Крысько 1993 – В Б Крысько Общеславянские и древненовгородские формы Nom Sg Masc *о-склонения // R Ling V 17 № 2
- Лаучюте 1982 – Ю А Лаучюте Словарь балтизмов в славянских языках Л, 1982
- НГБ – Новгородские грамоты на бересте // Зализняк А А Древненовгородский диалект М, 1995
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв М, 1975–
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд М, 1974–
- Янин, Зализняк 2000 – В Л Янин, А А Зализняк Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг) Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование М, 2000
- Bartholomae 1904 – С Bartholomae Altiranisches Wörterbuch Strassburg, 1904
- Benveniste 1931 – Е Benveniste Trois étymologies latines [*aprilis, dēns, nemus*] // BSL 1931 32 (1)
- Benveniste 1935 – Е Benveniste Une correspondance irano-slave // MSL 1935 23 (6)
- Benveniste 1948 – Е Benveniste Noms d'agent et noms d'action en indo-européen Paris 1948
- Benveniste 1951 – Е Benveniste Don et échange dans le vocabulaire indo-européen // L'année sociologique 1951 V 3 № 2
- Benveniste 1956 – Е Benveniste Une corrélation slavo-iranienne // Festschrift für Max Vasmer zum 70 Geburtstag am 28 Februar 1956 Wiesbaden, 1956
- Benveniste 1967a – Е Benveniste Les relations lexicales slavo-iraniennes // To honor Roman Jakobson Essays on the occasion of his Seventieth birthday, 11 October 1966 The Hague; Paris 1967
- Benveniste 1967b – Е Benveniste Le verbe iranien *nam-* en sogdien // Bulletin of the School of Oriental and African studies 1967 V 30
- Benveniste 1969 – Е Benveniste Le vocabulaire des institutions indo-européennes I Economie, parenté, société Paris, 1969
- Chantraine 1958 – Р Chantraine Grammaire homérique I Phonétique et morphologie Paris, 1958

¹¹ Первоначальная версия этой статьи была просмотрена Ж. Келленсом и В. Б. Крысько, высказавшими ряд замечаний. Разумеется, автор несет всю ответственность за сохраняющиеся неточности и неясности. В нынешнем виде статья представляет собой отчасти измененную версию работы [Patr 2001]

- Debrunner 1954 – *A Debrunner* Altindische Grammatik II/2 Die Nominalsuffixe Göttingen, 1954
- DELG – *P Chantraine* Dictionnaire etymologique de la langue grecque, histoire des mots Paris, 1968–1980
- Endzelins 1922 – *J Endzelins* Lettische Grammatik Heidelberg, 1922
- Endzelins 1971 – *J Endzelins* Comparative phonology and morphology of the Baltic languages / Transl by W R Schmalstieg and B Jēgers The Hague, Paris, 1971
- EVP – *L Renou* Études védiques et pāninéennes I–XVII Paris, 1955–1969
- EWAI – *M Mayrhofer* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen Heidelberg, 1986–2000
- Fraenkel 1955–1966 – *E Fraenkel* Litauisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg Göttingen, 1955–1966
- Gluskina 1966 – *S Gluskina* O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach po Inocno-zachodnich // *Slavia orientalis* 1966 15
- Gotō 1996 – *T Gotō* Die “I Prasensklasse” im Vedischen Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia Wien, 1996
- Grassmann 1996 – *H Grassmann* Wörterbuch zum Rig-Veda 6 überarb und ergänz Aufl von M Kozianka Wiesbaden, 1996
- Hubschmann 1897 – *H Hubschmann* Armenische Grammatik I Armenische Etymologie Leipzig, 1897
- Humbach 1991 – *H Humbach* The Gathas of Zarathushtra and the other Old Avestan texts I–II Heidelberg, 1991
- IEW – *J Pokorny* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bern, München, 1948–1957
- Kellens 1974 – *J Kellens* Les noms racines de l’Avesta Wiesbaden 1974
- Kellens 1983 – *J Kellens* Yasna 46, 1 et un aspect de l’idéologie politique iranienne // *Studia Iranica* 1983 V 12 № 2
- Kellens 1984 – *J Kellens* Le verbe avestique Wiesbaden, 1984
- Kellens Pirart 1991 – *J Kellens E Pirart* Les textes vieil-avestiques III Commentaire Wiesbaden, 1991
- KEWA – *M Mayrhofer* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I–III Heidelberg, 1951–1976
- Kuryłowicz 1956 – *J Kuryłowicz* L’apophonie en indo-européen Wrocław, 1956
- Kuryłowicz 1968 – *J Kuryłowicz* Indogermanische Grammatik Bd II Akzent, Ablaut Heidelberg, 1968
- Laroche 1949 – *E Laroche* Histoire de la racine *nem-* en grec ancien, νεμω, νόμος, νομιζω, νεμεσις Paris, 1949
- Lehmann 1986 – *W P Lehmann* A Gothic etymological dictionary Leiden, 1986
- LIV – *H Rix et al* Lexikon der indogermanischen Verben Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen Wiesbaden, 1998
- Meillet 1902–1905 – *A Meillet* Etudes sur l’etymologie et le vocabulaire du vieux slave Paris, 1902–1905
- Meillet 1908–1922 – *A Meillet* Les dialectes indo-europeens Paris, 1908–1922
- Meillet 1926 – *A Meillet* Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien // *RES* 1926 T 6 Fasc 1
- Meillet 1934 – *A Meillet* Le slave commun Paris, 1934
- Patri 2001 – *S Patri* Une correspondance irano-slave en novgorodien // *Historische Sprachforschung* 2001 Bd 114 № 2
- Patri (в печати–1) – *S Patri* Une nouvelle isoglosse en slave commun
- Patri (в печати–2) – *S Patri* Les innovations de la flexion novgorodienne
- Risch 1974 – *E Risch* Wortbildung der homerischen Sprache Berlin, New York, 1974
- Schwyzler 1934–1939 – *E Schwyzler* Griechische Grammatik I Allgemeiner Teil Lautlehre Wortbildung Flexion München 1934–1939
- Seebold 1970 – *E Seebold* Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben The Hague, Paris, 1970
- Skardžius 1943 – *P Skardžius* Lietuvių kalbos žodžių daryba Vilnius, 1943
- Stang 1942 – *C S Stang* Das slavische und baltische Verbum Oslo, 1942
- Stang 1966 – *C S Stang* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen Oslo, Bergen, Tromsø, 1966
- Thomsen 1890 – *V Thomsen* Berøring mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettske) sprog En sproghistorisk undersøgelse København, 1890
- Vaillant 1974 – *A Vaillant* Grammaire comparée des langues slaves IV La formation des noms Paris, 1974
- Vermeer 1994 – *W Vermeer* On explaining why the Early North Russian nominative singular in *-e* does not palatalize stem-final velars // *RLing* 1994 V 18

Перевел с французского В Б Крысько

© 2003 г. А. Л. ШИЛОВ

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ РУССКОГО СЕВЕРА

1. О МЕТОДЕ НАПРАВЛЕНИЙ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ

Одним из мощнейших средств исследования субстратной топонимии является сопоставление групп субстратных топонимов той или иной территории со сходными фонетически и структурно топонимами соседних территорий, где происхождение основной части топонимии надежно устанавливается на основе данных живых языков. Соответствующий метод "направленной этимологизации" (включающий создание идеографического словаря топонимов)¹ разработан и успешно используется А. К. Матвеевым и его школой для территории Русского Севера [Матвеев 1969, 1976, 2001: 87–100] (при этом, естественно, подразумевается, что, по тем или иным показаниям, оказывается возможным определить принадлежность мертвых языков исследуемой территории к конкретной языковой группе).

Так, например, исходя из частотности прибалтийско-финских и "севернофинских" (по определению А. К. Матвеева) "барсучьих" названий на Русском Севере и в Карелии (*Мехреньга, Мегрега, Мегра, Мязра, Мязрозеро* и др.), позволительно думать, что семема "барсук" была активна и в топонимии мери, язык которой заведомо принадлежал к финской языковой семье. Поэтому, опираясь на прибалт.-финск. *magra* и марийск. *nerge* "барсук", можно предположить, что основа гидронима *Мерегель* ~ *Мергель* (приток 2-го порядка р. Клязьма во Владимирской обл.) происходит из мерянского *merge "барсук". К этому реконструируемому мерянскому слову могут восходить и такие личные именованья, зафиксированные на бывшей мерянской территории, как *Мерга* (Московский уезд, 1445 г.) и *Мергасов* (Кашин, 1571 г.)²

Указанный метод не менее (а может быть – и более) действенен в ситуации, когда разноязычная топонимия, часть которой принадлежит известным, другая же – неизвестным языкам, присутствует на одной и той же ограниченной территории, т. е. когда разноязычная и разновременная³ топонимия создавалась в одних и тех же природных (ландшафтных и климатических) условиях⁴

¹ В рамках этого метода поиск ведется не от субстратного топонима к апеллятивам различных языков, а от апеллятивов конкретного языка(языков) к топонимам исследуемой территории

² Точно так же, как из указанного прибалтийско-финского слова явно произошли личные имена типа *Мегра/Мазра* и *Негра/Назря* (с меной *м* ~ *н* уже на русской почве), отразившиеся, в частности, в названиях оз. Магрино на р. Ундукса в Карелии и *Негринской пустыни* в Тотемском уезде на р. Сухона (1623 г.)

³ Когда мы говорим о разновременной топонимии, мы имеем в виду лишь различие эпох, в которые возникала основная масса того или иного топонимического пласта. Но совершенно очевидно, что эти пласты отчасти накладывались между собой во времени (подчас весьма существенно), ибо никогда какой-либо народ не сменял собою другой сразу и без остатка

⁴ Конечно, при этом абсолютно необходимо учитывать возможные различия в типе хозяйства и этнопсихологии разных народов в разное время, что накладывает заметный отпечаток на семантику многих групп топонимов (см. об этом [Матвеев 1977, Шилов 1995, Березович 2000]). Некоторые иллюстрации к сказанному будут приведены ниже

Весьма полезным (подчас же – абсолютно необходимым) дополнением указанного метода является всесторонний (желательно – подкрепленный личными наблюдениями) анализ типа (конкретного облика) и местоположения соответствующих географических объектов. Так, анализ относительного расположения некоторых водных объектов позволил автору высказать гипотезу о происхождении ряда субстратных названий Русского Севера с основой *Анд-* [Шилов 2001a]; анализ формы ряда морских и озерных заливов Карелии и юга Кольского п-ва привел к реконструкции древнего карельского географического термина *kanda*, ныне словарно означающего лишь "пятка; основание; оконечность", а в былом географическом употреблении также: "залив с узким входом"; личные наблюдения горы *Шавруха* (побережье Белого моря) позволили однозначно выбрать из двух потенциально возможных (по фонетическим и семантическим соображениям) саамских лексем ту (*tšoarve* "рог"), что явно легла в основу названия данной горы [Шилов 2003].

Но нередки случаи, когда и указанные приемы не срабатывают, т.е. трактовка субстратного топонима остается неоднозначной. Здесь особое значение, пожалуй, приобретает типичность даже не столько отдельных семем, выявленных на референтной территории, сколько активных в топонимии семантических моделей. Эти модели могут иметь как общий (относясь к топонимическим универсалиям), так и узкорегиональный характер, будучи, например, обусловленными общностью основной хозяйственной деятельности разноязычного населения региона, либо специфическими географическими особенностями региона, в силу чего, в результате межъязыкового взаимодействия, вырабатываются или заимствуются некие локальные "топонимические штампы". В последнем случае "направленная этимологизация" субстратных топонимов, образование которых априорно может следовать той или иной модели, будет доказательна и продуктивна в том случае, если в субстратной топонимии исследуемого географического региона найдется хотя бы один внешне подобный пример, достаточно надежно верифицированный какими-либо экстралингвистическими показаниями (историческими, географическими и т.д.).

Итак, мы приходим к выводу, что к наиболее достоверным результатам при этимологизации топонимов, возникших на базе мертвых языков, может привести лишь сочетание нескольких приемов: создание идеографического словаря (хотя бы частного), учет географической сути объектов, исторических данных о конкретном объекте и выявление устойчивых (для данного историко-географического региона) топонимических моделей в референтных языках. Некоторые частные аспекты этой проблемы мы и собираемся рассмотреть ниже.

2. СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АПЕЛЛЯТИВОВ В ТОПОНИМИИ

Одной из наиболее ярких (и, притом, древних) языковых универсалий является использование обозначений частей тела человека и животных в качестве географических терминов. Более того, согласно изысканиям Э.М. Мурзаева, перенос значений анатомической лексики в географическую терминологию происходит по одним и тем же жестко повторяющимся ассоциациям у разных народов и в разных странах, т.е. здесь мы имеем дело с набором устойчивых моделей, активно проявляющихся в топонимии [Мурзаев 1995]. Следовательно, определенные шансы на успех имеет направленный поиск "анатомических" топонимов, возникших на основе мертвых языков (в подобном поиске четкое представление о конкретной географической сути и образе объектов, безусловно, выходит на первый план).

Интересно было проверить это положение на территориях с топонимией, созданной народами разных языковых семей. Для Карелии (где представлена саамская, прибалтийско-финская и русская топонимия) наше исследование подтвердило спра-

ведливость положения Э.М. Мурзаева в отношении большинства типичных анатомических терминов (*спина, рот, горло, глаз, лоб, зад(ница), нос, пуп, рог, колено*) [Шилов 1999а: 67–79; 1999б]⁵. Это, в свою очередь, позволило предложить этимологию для некоторых названий на территории Карелии, условно относимых нами к "чуждским", то есть оставленных населением, говорящим на мертвом ныне языке, а именно: архаичном диалекте прибалтийско-финского типа (подробнее [Шилов 1999в]). Так, опираясь на географические реалии, мы позволили себе сопоставить названия п-ва *Ониши* на Топозере и о. *Онче* на Белом Море с реконструируемым древнефинским словом *oniša "лоб" (при финск. *otsa*, карельск. *ošša*, саам. *vuotse*) [Шилов 1999а: 70].

Достаточно же неожиданным для нас оказалось то, что совершенно иная картина на данных территориях наблюдается в географической (топонимической) реализации понятия "голова" как номенклатурного термина [Шилов 2001б].

Согласно Э.М. Мурзаеву, географическое употребление понятия "голова" реализуется у разных народов следующим образом: в польском (*gława*), французском (*tête*), немецком (*Kopf*), монгольском (*толгой*), китайском (*тоу*), ненецком (*нгэва*), таджикском (*сар*), хинди (*сир*) (добавим сюда и кельтское *rep* – А.Ш.) – "гора; горная вершина; холм"; в болгарском (*глава*) и вьетнамском (*nguen*) – "исток реки", в английском (*head*) – "исток реки; мыс"; в тюркских (*баш/бас*), лакском (*бан*), эвенкийском (*дыл*), чукотском, корякском (*левит*) – "гора, вершина горы; исток реки" [Мурзаев 1995: 11]. Итак, на основе приведенных примеров, вырисовываются два основных мотива: "гора (вершина горы)", "исток реки".

В русских диалектах Э.М. Мурзаев [1984: 149] для термина *голова* отмечает значения "вершина, исток реки, начало оврага" (наиболее общее); "верхняя по течению часть острова" (Северная Двина); "мели, расположенные вдоль берегов" (Псковская обл.); "большой порог на реке" (Ленинградская обл.); "гладкое возвышенное место на болоте" (Каргополь).

Словари же дают следующие географические значения термина.

[СлРЯ, 4: 64]: **Голова**. "Вершина, верхняя часть ч.-л.": *И мы того острова голову положили под поскотину* (1677); *а въ головахъ у Волги нижняя коса острова Толстика да Иванова пожня* (нижегородск.) (1646). Ср.: *с тово островка с верхныя головы прямо в Вагу реку* (1656) [Дерягин, Комягина 1972].

[АОС, 9: 232]: **голова** "верхняя по течению часть острова"⁶. Заметим, что Е.Л. Березович обращает внимание на названия островов, располагающихся в северной части некоторых озер (о. *Головка* на оз. Дружининском в Вашкинском р-не Арханг. обл., о. *Голова* на Кубенском оз.). Она же отмечает популярность модели "голова–

---

⁵ При этом, впрочем, оказалось, что сам "арсенал" анатомической лексики (в ее географическом употреблении) может существенно различаться в разных языковых традициях. Так, в саамской топонимии достаточно активны названия внутренних органов человека, что нехарактерно для топонимии прибалтийско-финской и русской (но, что интересно, достаточно типично для топонимии тюркского происхождения).

Равным образом, в разных языках подчас различной оказывается географическая интерпретация названий "периферийный, неглавных" анатомических органов. Например, в прибалтийско-финской традиции термин *harja, harju, hard'a* "грива" употребляется в названиях вытянутых холмов, гребней возвышенностей, отмелей [ПФГЛ 1991], что вполне соответствует употреблению термина *грива* в центральных областях России и в Белоруссии. Но в Карелии русский термин *грива* означает, в первую очередь, "поток воды, поднимающийся гребнем (вдоль оси потока)" и в этом значении отмечается в названиях ряда порогов (на реках Пистайоки, Шуя Онежская, Калга).

⁶ Ср.: *что на Налье острову в Рыбье Голове против Ровдины горы* (1621 г.) [АИ 1841–1842, 3: 124].

хвост" применительно к частям речных островов (или покосам на них)⁷ [Березович 2000]

[НОС, 2: 25]: **голова** "одна из сторон озера" (см. выше наблюдение Е. Л. Березович).

[СРГК, 1: 353, 356]: **голова** "верхняя или нижняя часть чего-нибудь": *Сверху, когда едешь к порогу, скажут голова, Морской порог – нижняя голова, крепко бурлит* (Терский р-н Мурманской обл.). **Головка** "воронка, водоворот": *речка у нас широкая, головок много, такое порожистое место* (Подпорожский р-н, Ленинградской обл.).

Итак, материалы словарей, вопреки подчас неоправданно расширенной в них семантике (*голова* – "верхняя часть чего-то"), дают достаточно определенное значение русского слова в его географическом употреблении. Судя по словарным, текстovým данным и топонимам, значение географического термина *голова* эволюционировало (с юга на север – от Поволжья до Кольского п-ва) следующим образом: "верхняя или нижняя часть острова в реке – порог у острова – порог" Названия порогов с элементом *голова* (что важно, зачастую не привязанных к островам) встречаются в документах с конца XV в. Локализуются они в Северном Приладожье, на Свири, Шексне и в бассейне Онеги⁸.

Теперь посмотрим, в каком качестве выступает географический термин со значением "голова" в топонимах Карелии. В названиях порогов, как мы видели выше, у русских этот термин в значении "порог у острова" или просто "порог, луда" фиксируется лишь на самом юге Карелии (и, напомним, на Терском берегу Кольского п-ва), продолжая традицию, отмеченную и на ближайших южных и юго-восточных территориях.

В названиях возвышенностей в Карелии русское *голова* вроде бы не встречается, за исключением немногих топонимов, которые содержат, однако, не просто термин *голова*, но устойчивое сочетание *медвежья голова* (ср. горы *Медвежьи Головы* на Белом море у дер. Юково). Весьма вероятно, что это не оригинальные русские названия, а кальки соответствующих прибалтийско-финских названий, довольно многочисленных. Ср.: *Отеня*, эст *Oteraa* (при *ott*, родит. пад. *ote* "медведь"), *Odempe* у Генриха Латвийского – она же *Медвежья Голова* в 1116 г. [НПЛ 1950]; оз. *Большая Коньшупа* (карел. *kuntsa pia* "медвежья голова"; диал. *kuntsa* "медведь" при более частом *kondii*) меж губой Кефтеньга и Ледмозером на п-ве Заонежье, ср.: *дер на Кевтене губе во дворе Васка Медвежья Голова* (1496 [ПКОП 1930]); о. *Концепа* в Унойских островах Онежского оз., ср. запись 1540: *в Уносских островах. . Медвежий остров* [Мат. 1941]; оз. *Кархуньярви* басс. Койтаеки на западе Карелии (ср. финск *karhu* "медведь", *raa* "голова").

Не исключено, что в прибалтийско-финской традиции это сочетание было столь же терминологичным (означая, скажем, горы с крутыми склонами и округлой вершиной), как и известные сочетания – "термины" русское *Собацьи Пролазы* "узкий,

⁷ Многие реализации модели можно интерпретировать в связи с идеей "начало–конец. Данная модель употребляется в разных в ориентационном плане ситуациях (1) Точка отсчета вынесена вонне и объективирована, при этом положение *головой* и *хвоста* определяется по течению реки. Номинируются верхние и нижние по течению части островов (или покосов, расположенных на этих островах, либо на ближайших речных берегах) На территории Русского Севера эта модель фиксируется лишь в бассейнах Северной Двины и Мезени (2) Точка отсчета переносится в населенный пункт *Голова* становится началом с.-х. угодий, а *хвост* – концом, т е наиболее удаленной их частью (модель применяется к лесам, полям, покосам) [Березович 2000] Ср "деревья на Волко-острове словет на *Хвосте*" (Кижский погост, 1563 г) [ПКОП. 129].

⁸ Пороги *Иванова Голова* (близ с *Иванов Бор*) на Шексне, *Плундоголова* на Эняйюки (1500 г [ПКВП 1852]), *Бесова голова* (близ устья Бесова ручья), *Новая Голова* (1563 г [ПКОП 1930]), луда *Березова Голова* (1496 г [ПКНЗ 1999: 291–300]), *Медвежья Голова*, луда *Казаручейникова Голова* *Подпорожья Голова*, *Сиговец Березова Голова* [Озерецк 1812], *Лисья Голова* на Свири, *Шастья Голова* на Иксе, *Большая Голова*, *Малая Голова*, *Мертвая Голова* на Онеге

труднопреодолимый участок волокового пути", *Мышьи Черева* "узкий, извилистый участок судового хода на реке" (ср. и карел. *Huren-virta* "Мышиная стремнина" – порог на р. Судно), *Железные Ворота* "опасный порог, узость в реке, пролив на море" (ср. карел. *Rauduverja* "Железные ворота" – порог на р. Видлица), *Бараньи Лбы* "высокие гладкие прибрежные скалы", карельское *Kovrun-polvi* (русс. *Кривое Колено*) "порог с несколькими крутыми поворотами". Мы видим здесь достаточно устойчивые топонимические модели для образного обозначения специфических типов объектов в кругу тех, что определяются более широкими родовыми понятиями (волок, порог, скала, гора и т.д.).

В прибалтийско-финской же топонимии термин *raa* (карел. *ria, rie, rea*, вепс. *ra*) "голова; верхушка; конец, край" чаще всего означает не горы, а части поселений⁹. Подобные названия зафиксированы с XIV в.; в северно-русской топонимии этому соответствует *конец*. В топонимии Финляндии и Западной Карелии отмечено существование ойконимических пар с элементами *-keskus* "центр" и *-raa* "край" [Nissila 1975: 43, 46, 141, Kepsu 1981: 217–218; ПФГЛ 1991: 72]. Нередко данный термин присутствует и в названиях мысов (*Hukanraa, Karhuraa, Oinaanraa* ~ *Oinaanniemi*, ср. финск. *niemi* "мыс") [Nissila 1975]) или прилегающих к ним объектов (тоня *Тороная* (1580 г. [АСМ 1990: 145]), ныне *Туронайка/Торонайка* у оконечности мыса Турий на юге Кольского п-ва), либо объектов (поселений) находящихся на оконечности озерных островов (дер. *Sarenpa* "островной конец", *Uksalompea* – дер. на оконечности о. Ускальский) или у озерных заливов (дер. *Järvenraa* "озерный конец"), с.-х. угодий (поле *Сотиння* у Рыбреки, покос *Везинайки* (* *Везиня*) у Суйсари в Прионежье).

Относительно редко (за исключением упомянутых "медвежьих голов"), но все же встречаются карельские названия возвышенностей типа *Сурьяпия, Дюамания, Демозен ня* ~ *Демозен вуара* (ср. карел. *vuara* "гора").

Существует также вепсское *kosken pä* "начало порога" (при *kosk* "порог"), см. выше о русских названиях некоторых порогов Южной Карелии. Ср. также название порога *Шурипя* (по-карельски "Большая Голова") у большого острова на р. Кемь. Единичность подобных примеров не позволяет судить о том, имеем ли мы здесь дело с заимствованием семантической модели (скажем, из русского) или с проявлениями независимой прибалтийско-финской традицией именованья порогов, расположенных у островов, либо начальных частей порогов.

Саамское *vuave, oju, oaiv, uaiv, uiv* "голова", в топонимах означает обычно "гора с округлой вершиной" [Itkonen 1958: 787]. Иногда этот термин встречается и в названиях высоких островов: *Кузова* – *Kuz-oaiv* "Еловые головы" (Белое море)

Но словарно в саамском отмечено также и *kuoška-vuajvaš* (при *kuoška* "порог") или просто *vuajvaš* "начало порога" [Itkonen 1958: 1063]. Эту модель мы видим и в названиях порогов. ср. порог *Oavaš-guošk* ~ *Vuavaš* на Печенге (Кольский п-в), порог *Войбуч* (у острова) на р. Водла (известен с 1563 г. [ПКОП 1930]) и водопад *Вояч* (название зафиксировано в XVII в.), т.е. Воицкий паду, тремя протоками меж островов сливавшийся в реку Выг из Выгозера¹⁰. В силу малочисленности соответствующих топонимических примеров, опять-таки, неясно, есть ли это отражение традиции (наследующей былую общефинскую модель) номинации порогов у саамов, либо спора-

⁹ Отсюда многочисленные в Карелии *potina* regionalia типа *Семен Иванов сын Сулгопаяв, Везпий, Яков Павлов сын Алленпейна, Хавка Пяевская, Мосей Иванов сын Сирькипицев* [АСМ 1988 18, 52; АСМ 1990 14, 65, 146] В пос. Сельги (Медвежьегорский р-н Карелии) частотна фамилия *Ульяпьев* (по-русски нечто вроде "Верхнеконечный"), либо одна из частей поселка называется *Верхний Конец*, по-карельски *Ularia*.

¹⁰ Неясна мотивировка названий *Вайвонеч* – приток Сегежи, болота *Вайви мох* (1505 г. [Мат. 1941]) в бассейне р. Шалы, дер. *Вайвас-ламба* у Вагвозера, в которых вроде бы "опознается" саам *vuave* "голова".

дически возникающее образное описание порога, находящегося близ острова. Во всяком случае, здесь говорить о русском влиянии уже заведомо не приходится.

Таким образом, несмотря на сделанные оговорки (в случаях *голова* "начало порога" или "порог у острова" у карел, вепсов и саамов, "гора" у русских и карел), мы видим, что существенной контаминации основной семантики термина со значением "голова", исходно различной в географической сфере у саамов ("гора с округлой вершиной"), прибалтийских финнов ("часть поселения; оконечность мыса, озера") и русских ("порог у острова, порог"), в целом все-таки не произошло, несмотря на многовековое контактирование этих народов на территории Карелии. Вероятно, это дань старых традиций. Заметим, что И. И. Муллонен (на материале Вепсского Межозерья и Присвирия) пришла к следующему интересному выводу: даже в условиях длительного двуязычия, далеко не все семантические типы топонимов калькируются. Здесь большую роль играет наличие в воспринимающем языке соответствующих топонимических моделей, активных, притом, в конкретный исторический период [Муллонен 1995].

Резюмируя же все вышесказанное, мы приходим к выводу, что проецировать на древнюю топонимию (принадлежащую мертвым ныне языкам, пусть даже заведомо родственным прибалтийско-финским или саамскому) модель использования термина "голова", как географического детерминанта в его известных ныне нам проявлениях, было бы, к сожалению, некорректно.

Приведенными выше наблюдениями, однако, "головная" тематика в топонимии Севера отнюдь не исчерпывается. Несколько лет назад автор обратил внимание на наличие в прибалтийско-финской топонимии Карелии достаточно распространенной и устойчивой модели номинации некоторых типов озер [Шилов 1993]. Тех именно озер, что давали начало реке или озерно-речной системе, либо тех, что, напротив, будучи нижними, последними в цепочке озер, как бы "выпускали" из себя реку. В обоих случаях эти озера оказываются крайними по отношению к реке, либо к озерной цепи, ср. одно из значений прибалтийско-финского слова *раа* не только "голова", но и "конец, оконечность".

Оказалось, что подобные озера во многих случаях носят названия типа *Piäjäjärvi*, что в переводе с карельского означает "Голова-озеро (Головное озеро)" или "Крайнее озеро", т.е. здесь термин со значением "голова" стоит в позиции не детерминанта, но детерминатива.

Таковы озера *Пюзеро* ~ *Пяярви* ~ *Пяозеро* в истоке Ковды; *Паезеро* на р. Каменная басс. Ковды; *Пайозеро* на р. Винча; *Паезеро* ~ *Пяярви* ~ *Пейярви* ~ *Пья-ярви* на Гумарине (нижнее в цепочке Совдозерской группы озер), *Пайозеро* на Воньге и др. (учитывая форму родит. пад. от *ria* – *riap*, сюда можно предположительно отнести и переосмысленное русскими названия порога *Пьяный* на Кемь – с озерком в верхней его части).

Подчас, в результате смены населения (порой неоднократной), эти названия, будучи непонятны новым насельникам, переосмысливаясь через карел. *rajari* = русск. *боярин* оз. *Боярское* (финск. *Паяри*) в истоке озерно-речной системы р. Пулома басс. Энгозера; порог *Бояри* (карел. *Rajarinkoski*) на Кемь (на выходе из озеровидного расширения); оз. *Боярское* на р. Поннока, приток Тикшезерки басс. Чирка-Кемь¹¹

¹¹ В отдельных случаях здесь можно было бы предполагать исходное саамское название типа *Raj-jawr* "верхнее озеро", ср. саам. *raje* – "верх-", *rajas*, *bajas* "вверх, наверх", *raiebaž*, *rajabr* "выше, высший" и топонимы Кольского п-ва *Raj-jawr*, *Raiebaž-luobbal*, *Rajmos-keunjes* [Itkonen 1958: 329–331, 1001]. Но указанные выше лимнонимы Карелии не образуют бинарных оппозиций с названиями типа *Вол явр, *Вол-озеро (из саам. *vuoll-* "Нижнее"), ср. с многочисленными в прибалтийско-финской топонимии озерными парами *Юля-/Ала-* ("Верхнее/Нижнее"). Кроме того, саам. *raju-* семантически сомнительно для нижних по течению компонентов озерных систем, в отличие от прибалт.-фин. *раа*, имеющего, как сказано выше, также значение "край, конец".

Существенно для нас то, что аналогичные названия обнаруживаются и на бывших прибалтийско-финских (вепсских или "чудских"), а ныне обрусевших территориях Ср.: р. *Боярка*, впадающая из небольшого озера (*Бояро, *Бойозеро* в 1556 г. [АИ 1841–1842, Т. 1: 308]) в оз. Ситское басс. р. Славянки, пр. Шексны 91492 г. [АСЭИ 1952–1964, Т. 2: 221]), р. *Боярка* (приток Царевны) в бывшем Тотемском уезде, оз. *Боярко* на западе Белозерского р-на Вологодской обл. Особо (в свете вышесказанного) отметим *Боярский наволок* в левобережье Шексны (название фиксируется с 1585 г.), близ которого в конце XVIII в названо оз. *Верхнее* [Кузнецов 1999: 35–36]

Таким образом, похоже, что рассматриваемая модель номинации географических объектов была продуктивна не только в современной (относительно недавней по образованию), но и в древней прибалтийско-финской топонимии, т.е. топонимии, созданной прибалтийскими финнами на землях бывшего их проживания (там, где их "не застала" письменная история). Следовательно, традиция использования данной модели имеет достаточно давние корни. Поэтому сделанное нами наблюдение было бы заманчиво распространить и на некоторые топонимы, предположительно возникшее на базе вымерших языков прибалтийско-финского или родственных ему типов.

Предварительные исследования показали, что по соседству с вышеуказанными вологодскими *Бояр*-лимнонимами (которые потенциально можно трактовать из вепс. *Pa-järv), обнаруживаются сходные географическим положением *Бояр*-лимнонимы оз. *Буерко* (*Буярко*) и оз. *Буерское* в Кирилловском р-не Вологодской обл (ср. *Буйзера* из сотной Кирилло-Белозерского монастыря 1544 г.) [Кузнецов 1995: 14]; *Буозеро* со стоком в низовья Чермжи – приток Куности басс. Белого оз., *Буйлахта* (*Буйлохта*) – нижнее из сцелки озер Долгое-Бабье-Буйлахта на р. Елома, впадающей в оз. Воже. Есть еще *Бояр-курья* в низовьях Двины. С учетом наличия мерянского топонимического субстрата в ряде районов Вологодской и Архангельской областей [Матвеев 1997]¹², приведенные названия можно предположительно интерпретировать именно как мерянские с отсылкой к марийскому *βи* "голова" и *jer, jär* "озеро" (т.е. *Виуер, *Виуар "Головное озеро")¹³ Вряд ли здесь имело место *бий "ручей" (как в многочисленных субстратных потапонимах Белозерья с элементами – *буй*, *-бой* [Субботина 1984]): "ручьевые озера" в целом нехарактерны для прибалтийско-финской гидронимии.

Еще одно предположение – гораздо более гипотетичное, нежели первое, но также имеющее право быть рассмотренным в силу явного наличия на русском Севере и в Карелии древнефинского топонимического субстрата. Этот субстрат автору представляется древним по отношению к прибалтийско-финскому идиому, ибо многими своими фонетическими особенностями (проявляющимися как в субстратной топонимии, так и в русской заимствованной лексике) он подчас соответствует прибалтийско-финско-саамским реконструкциям. Но соответствующий язык (или языки) при этом, скорее всего, не являлся предшественником современных прибалтийско-финских языков, а какое-то время существовал с ними параллельно¹⁴, представляя собой особый вариант развития финских языков (выделившихся из волжско-фин-

¹² Отметим, что указанные *Бояр*-/*Буер* – названия пока обнаружены нами лишь в тех областях Русского Севера, где А.К. Матвеевым и его сотрудниками найдены отчетливые мерянские (или, более осторожно, волжские) "топонимические индикаторы"

¹³ Развивая сказанное, можно, кстати, предложить этимологию названия р. *Пуя* (приток р. Вага), альтернативную той, что была предложена А.К. Матвеевым, причем – с опорой на те же самые реалии (наличие озера в верховьях реки) Именно сопоставить название реки не с марийским *пуй* "пруд, плотина" [Матвеев 1998: 110], а с мерянским *βи "голова" (с оглушением начального гласного в местной языковой традиции).

¹⁴ В частности, этот язык (или группа языков) не разделил с известными прибалтийско-финскими языками судьбу некоторых фонетических сочетаний или отдельных фонем

ской языковой общности) [Матвеев 1975; Mullonen 1990; Муллонен 1994а; 2002; Шилов 1997б; 1999а: 33–38; 1999в].

С учетом всего вышесказанного, мы считаем возможным предположить, что в топонимии Русского Севера потенциально может присутствовать и древнефинское *pää* "голова" (см. подробнее [Шилов 1997а]), реконструируемое на основании данных современных финно-угорских языков [SKES, статья *pää*]. Во всяком случае, пока только эта этимология представляется сколь-либо правдоподобной для объяснения ряда соответствующих "темных" топонимов: залив *Панк-вуэппи* на Кольском п-ве, *Поньга-губа* на оз. *Куйто*¹⁵, *Поньгомозеро* и р. *Поньгома* басс. Белого моря, *Киельская Понги* на Ладожском оз. (т.е. "мысовая голова" при карел. *kieli* "язык; мыс."; топоним приведен в документе 1500 г. [ПКВП 1852]), залив *Конепаньга* на Поньгозере в истоках р. *Поньга* в Архангельской обл. и др.¹⁶. Существовало, что ряд соответствующих названий, опять-таки, явно отвечает объектам, для номинации которых вполне оправдана описанная выше семантическая модель "голова-озеро".

3. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ

Другой фреквенталией в топонимической номинации является образование топонимических микросистем, элементы которых связаны определенными семантическими отношениями. Априорно предсказать появление таких микросистем, т.е. тематически связанных групп топонимов, видимо в общем случае невозможно (здесь мы не говорим об оппозициях, см. ниже). Но, обнаружив один из элементов предполагаемой микросистемы, можно, хотя бы, попытаться вычленить и другие. Если таковые обнаружатся, весомость интерпретации отдельных топонимов данной микросистемы естественно повысится.

Проиллюстрируем сказанное следующими примерами. Название оз. *Пейпус* (в псковской традиции – *Великое*, в новгородской – *Чудское*) на границе Эстонии и России считается темным по происхождению. Мы обратили внимание на то, что озеро находится в "сакральном" топонимическом окружении, принимая воды рек *Эмайыги* (эст. *Emä-jõgi* "Мать-река"), *Пиуза* ~ *Пивжа* (ливск. *Püä-veiž* "Святая река") и *Великой* (ввиду наличия в верховьях реки крупного притока *Исса*, ее название полагалось калькой прибалт.-фин. *Iso-jogi* "Великая река" или *Isä-jogi* "Река Отцов, Предков") [Попов 1965]. Поэтому можно предположить, что в названии *Пейпус* присутствует прибалтийско-финско-саамское *päiv-/peiv-* "солнце; день", связанное с верованиями древних финно-угров [Шилов 2001 в]¹⁷. Так, у саамов солнце – это бог *Пейве*, что отразилось, в частности, в саамском эпосе о сыновьях Солнца – *Peive parne* (А. Кастрен).

Происхождение названия водопада *Кивач* в Карелии, воспетого Ф. Глинкой и Г. Державиным, также является дискуссионным (автору известны четыре версии). Но наличие (в прошлом) на ограниченном участке реки Суна трех водопадов, два из которых почти заведомо носили "оленьи" названия (*Гурвас* – ср. саам. *hirvas* "бык,

¹⁵ Это обособленный залив, замыкающий протоку с цепью озер, верхнее из которых называется *Заднее*; здесь можно видеть оппозицию "голова (начало)" – "зад (конец)".

¹⁶ А.К. Матвеев отмечал: «Топооснова *поньг-* до сих пор не получила убедительной этимологической интерпретации. Фасмер приводит гидроним *Понга* (Костромская обл.) и с большой осторожностью сопоставляет его с марийским *рогге* "гриб", в конце концов резюмируя, что в этом случае ясности нет. Действительно, топоосновы *поньг-* (*понг-*) неоднократно зафиксированы на Русском Севере, а семема "грибной" встречается редко. Уже поэтому с обсуждаемой этимологией согласиться нельзя» [Матвеев 1992].

¹⁷ К этому предположению нас подтолкнул другой комплекс названий: северо-карельское *Пебозеро* (карел. *Piep'arvi*) входит в систему озер *Хиизярви* (карел. *hiizi* "злой дух", ранее "святая роща"), *Воронье* и *Карнизозеро* (ср. с саам. *karnes* "ворон" – священная птица саамов, на которой шаман совершает путешествие в загробный мир).

самец оленя", *Пор-порог* – ср. карел. *poro, peura* "олень"), позволяет и для третьего водопада предположить "оленье" название – из саам. *kievvaš* "оленушка" [Шилов 1993: 29–30].

Хорошо известно, сколь многочисленные толкования предлагались для названия двинского села *Холмогоры* (изначально – *Колмогоры*) (краткая история вопроса и критический анализ версий: [Шилов 1996: 65–69]). В результате, наиболее убедительными были признаны две версии о происхождении основы *Колм-* этого названия: из фин.-угор. *kalm-* "смерть, могила" или фин.-угор. *kolm-* "три". А.К. Матвеев, в развитие версии М. Кастрена, опубликованной в 1862 г., убедительно показал, что название *Колмогоры* (здесь ср. фин., карел. *kolme*, саам. *kollm* "три") является элементом частично разрушенной топонимической микросистемы, включающей также название *Ухтостров* (ср. *yksi*, род. пад. *yhden*, саам. *okta, ehhta* "один") и *Нальостров* (ср. фин., карел. *neljä*, саам. *njællje, nellji* "четыре" [Матвеев 2000а: 109–110]. А это, бесспорно, повышает весомость второй версии¹⁸.

В Домашнюю губу Белого Моря впадают (в километре друг от друга) реки *Березовка* и *Кузема*. Если первое название является не исконно русским, а переводным, можно полагать, что эти два гидронима входили в микросистему, мотивированную преобладающим типом растительности в устьях рек, соответственно – березы и ели (сейчас дело обстоит именно так). Следовательно, основа названия *Кузема* может быть соотнесена с карел. *kuuzi*, саам. *kuzz* "ель".

4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ

Выше мы говорили о "тематических" микросистемах. Наиболее простыми структурно и, вместе с тем, наиболее распространенными топонимическими микросистемами являются те, что образованы парными (реже тройными) оппозициями. Как отметил А.К. Матвеев, топонимы, образующие бинарные оппозиции, легче этимологизируются, а их пространственная соотнесенность подтверждает этимологию с физико-географической стороны [Матвеев 2000б: 7]. Тем самым, большие перспективы открываются перед уже упоминавшимся методом "направленной этимологизации", в рамках которого поиск ведется уже не просто от апеллятива к топониму (поиск, основанный на предполагаемой семантике, структуре и общем фонетическом облике субстратных топонимов), а от группы (в нашем случае – пары) апеллятивов к группе (паре) топонимов.

В то же время, практика показывает, что многие из выявленных топонимических оппозиций низкочастотны (и потому трудно опознаваемы в субстратной топонимии), другие не абсолютны или же непредсказуемы (об этом речь пойдет ниже), т.е. для них метод направленной этимологизации принципиально неприменим. Иное дело, что, будучи языковыми универсалиями, топонимические оппозиции, бесспорно, в той или иной степени должны потенциально проявляться в топонимии, основанной на самых разных языках. Поэтому, при анализе субстратных топонимов, не стоит пренебрегать проверкой "соседних" топонимов на предмет их потенциальной семантической связи с "проверяемым" объектом. Например, уже упоминавшееся название п-ва *Ониш* (Топозеро, Карелия) было сопоставлено с др.-фин. **ontsa* "лоб" не в последнюю степень из-за наличия по соседству п-ва *Нячякка* (ср. кар. *niška*, саам. *n'uatsk'e* "затылок"). По-одиночке ни то, ни другое сопоставление убедительным не выглядит (в силу некоторых фонетических несоответствий), но географическая связанность объектов делает высказанное предположение достаточно правдоподоб-

¹⁸ Справедливости ради, отметим, что впервые эту версию (опирающуюся именно на расположение Колмогор по течению Двины относительно Ухтострова и Нальострова) еще до М. Кастрена выдвинул П. Базилевский [Базилевский 1844]. Правда, он не апеллировал к названию Ухтострова, а лишь сравнивал название *Нальостров* с «финским *наль* "четыре"».

ным. Равным образом, к объяснению названия порога *Синамус* (*Симанус) на р. Видлица в Карелии из саам. *siemmanes* "младший" нас подтолкнуло (наряду с наблюдениями над характером самих порогов) соседство *Синамуса* с порогом *Пярзамус* (ср. саам. *poarsamas* "старший") [Шилов 1999а: 60–62].

Подчас исходная оппозиционность названий оказывается замаскированной позднейшими неточными кальками, либо переосмыслениями. Автору этих строк крупнейшие острова озера Селецкого (Карелия, басс. р. Лужма) были названы местным жителем как *Святой* (на нем растет огромная сосна, почитаемая как святое дерево) и *Вераш* (по объяснению информанта – "Остров веры")¹⁹. По данным же И.И. Муллонен (частное сообщение), второй остров в местной традиции имеет несколько названий: *Vierut suaret*²⁰, *Lehti suaret*, *Raado šoari*, что может быть переведено с карельского соответственно как "Острова чужаков (древней чуди? язычников?)"²¹, "Острова рощи"²², "Остров мертвецов". Здесь уже отчетливо вырисовывается семантическое противопоставление с названием соседнего Святого острова.

Но вернемся к "явным" топонимическим оппозициям. Таковых в русской топонимии как на Русском Севере (см. об этом [Березович 2000: 85–128]), так и в Карелии наблюдается множество – как количественно, так и качественно (в тематическом отношении). Массовы топонимические оппозиции и в прибалтийско-финской, и в самской топонимии Кольского п-ва, Карелии и Вепсского Межозерья, хотя их "тематический инвентарь", по наблюдениям автора, более узок в сравнении с позднейшей русской топонимией²³. Наиболее частотными в прибалтийско-финской топонимии Карелии являются по нашим наблюдениям оппозиции "большой–малый", "верхний–нижний", "ближний–дальний", "белый–черный", "высокий–низкий", "глубокий–мелкий", "передний–задний".

На фоне этой картины труднообъяснимым представляется практически полное отсутствие явных оппозиций в топонимии Русского Севера (Вологодская и Архангельская области) и исторических мерянских земель²⁴. Отдельные члены предполагаемых оппозиций встречаются, впрочем, достаточно часто, но без коррелирующих компонентов. Так, А.И. Попов связал название левого притока Волги *Керженец* (в старых документах – *Лева Керженка*) с мордовск. *керже* "левый" [Попов 1965]. Левыми притоками являются также *Киржач* (басс. Клязьмы) и *Керженьга* (басс. Сухоны). Но отсутствие соответствующих "правых" пар не позволяет безоговорочно принять и для них подобную этимологию (кстати, и у Керженца нет "правой" пары).

¹⁹ Туристы называют их соответственно *Святая Елена* (с референцией к высокому острову в Атлантике – месту последней ссылки Наполеона) и *Продувной Верблюд* – за облик острова с двумя "горбами" и низкой, хорошо продуваемой (от комаров) перетяжкой.

²⁰ *Vierut* – форма множественного числа от карел. *vieraš* "чужой".

²¹ Множественное число в названиях обусловлено тем, что к большому острову, о котором идет речь, примыкают еще два малых островка.

²² Рощу здесь надо, видимо, понимать скорее не как группу лиственных деревьев (на острове растет почти исключительно сосна), но как культовый объект бывшего языческого населения.

²³ Возможно, это в известной степени обусловлено калькированием прибалтийско-финских названий русскими (в условиях длительного двуязычия и при наличии в русской топонимической традиции соответствующих семантических моделей). Для древневепсской территории подобное явление описано И.И. Муллонен [Муллонен 1994б; 1995].

²⁴ Необходимо оговориться, что данное заключение соответствует современному этапу исследования севернорусской топонимии. Можно не сомневаться в том, что развитие топонимических исследований прояснит ряд сложных вопросов субстратной топонимии Русского Севера, в том числе выявив некоторые "отсутствующие" топонимические оппозиции. Основания для такого оптимистического вывода базируются на реальном факте: наличии огромной лексической и топонимической картотеки, созданной трудами Топонимической экспедиции Уральского государственного университета.

Впрочем, ведь и многочисленные реки с названием *Десна* (ср. славянское *деснь* "правый") не имеют "левых" коррелятивов [Шилов 1999а: 48–49]. Н.И. Толстой весьма убедительно показал, что значение гидронимов *Десна* в подавляющем большинстве случаев имеет не узкое ориентационное значение, а оценочное – "правильная, хорошая (для передвижения?)" [Толстой 1997]. Следовательно и финно-угорские гидронимы с основой *Керж-*, *Кирж-* могут потенциально означать не прямолинейно "левая", а нечто иное.

Еще пример. Выше и ниже Шенкурска в р. Вагу справа впадают реки *Шеньга* и *Поча*. Эти названия могут быть истолкованы как мерянские с референцией к соответствующим марийским словам *šengel* "задний" и *potšes* "задний" (*potš* "хвост"). Потенциальных коррелятивных "передних" пар к этим названиям мы не обнаружили²⁵. Так, может быть, эти разные "задние" названия маркировали положение рек относительно селения (как ближайших к нему), т.е. здесь имела место специфическая трактовка семемы "задний", не требующее наличие "передней" пары?²⁶

Это (специфическая семантическая трактовка языковой универсалии) является одной из возможных причин отсутствия "типичных, классических" оппозиций в субстратной топонимии Русского Севера и исторических мерянских земель.

На другую возможность указал А.К. Матвеев, анализируя ситуацию с "верхними" и "нижними" названиями на Русском Севере [Матвеев 2000б]. Он обратил внимание на частотность названий с основой *Ил-*, которую (по положению объектов в системах речных бассейнов) можно сопоставить с прибалт.-финск. *ylä* – "верхний". При этом, тех топонимов, что можно было бы считать коррелирующими "нижними" (скажем, из прибалт.-финск. *ala-*), вовсе не было обнаружено. Объяснение этому А.К. Матвеев видит в "маршрутном видении" местности древним дорусским населением – по преимуществу охотников и рыболовов, для которых были характерны сезонные перекочевки через верховья рек. Таким образом, особенности хозяйственной деятельности того или иного народа на определенном этапе его исторического развития также могут способствовать "перекосу" топонимической картины относительно соседней референтной территории (с родственной в языковом отношении топонимией) или относительно более позднего топонимического пласта той же территории.

Третья и, возможно, главная причина ненаблюдаемости (или, мягче говоря, редкости) явных оппозиций в субстратной топонимии Русского Севера нам видится в следующем. Модель, скорее всего, все-таки реализуется, но мы пока не опознаем отдельные ее компоненты, характерные для данной территории. Иными словами, мы не всегда можем "угадать" лексемы, с помощью которых может быть реализована та или иная топонимическая оппозиция. Для иллюстрации приведем некоторые данные по топонимии Карелии и Вепсского Межозерья, основанные на наблюдениях автора и работах [Муллонен 1994а; СГ 1997].

Оппозиция "высокий–низкий" в прибалтийско-финской топонимии Карелии реализуется почти исключительно соответственно через топоосновы *Korke-/Korge-* "высокий", *Matal-/Madal-* "низкий, мелкий"²⁷. Но в русских названиях мысов, наряду с *Высокий* или *Плоский*, могут встретиться *Толстой*, *Толстик* "высокий (мыс)" или

---

²⁵ Более того, в субстратной топонимии Русского Севера "передне–задние" пары вообще крайне редки; к указанным в [Шилов 2001а, сноска 19] примером можно сейчас добавить лишь названия *Ендо-ручья* (прибалт.-финск. *ende-* "перед-"), впадающего, наряду с р. *Порженьга*, в оз. *Порженское* (*perge* "зад") басс. Кенозера.

²⁶ Заметим, что внешне похожий пример имеется и в Карелии: в р. Святрека (приток Шуи) на небольшом расстоянии друг от друга впадают с разных сторон рр. *Шонга* (ср. саам. *soapp* "задняя сторона") и *Маньга* (ср. саам. *maŋge* "задний").

²⁷ Кстати, топооснова *Matala-* "низкий, мелкий" может встретиться в другой оппозиционной паре – вместе с основой *Syvä-* "глубокий".

Тонкий "низкий", чему не находится семантического соответствия в прибалтийско-финской топонимии

В прибалтийско-финской топонимии понятия "дальний" передается почти всегда топоосновой *Kaug-*, а вот "ближний" (в составе оппозиций) – как топоосновой *Lahe-* "ближний", так и *Kodi-* "домашний" или *Perhe-* "семейный, домашний"

Огромное разнообразие реально используемых лексем выявляется в оппозициях "большой–малый". Оказалось, что в топонимии понятие "большой" может реализовываться через топоосновы (мы не приводим их варианты по разным прибалтийско-финским языкам) *Iso-*, *Suuri-*, *Ena-*, *Aija-*, *Pitka-* ("длинный"), а "малый" – *Pieni-*, *Pikku-* (вепс *Piču-*), *Vaha-* (а в вепсском еще *Muču*, *Tob'*).

Понятно теперь, что априорно в подобных случаях невозможно предсказать фонетический облик топонимических оппозиций (в их полном составе) на территориях с топонимией, созданной на мертвых ныне языках. Это вовсе не означает, что поиск таких оппозиций бесперспективен. Напротив, такой поиск (с опорой на один из "явных" компонентов предполагаемой оппозиции) может оказаться весьма плодотворным. Так, Т.И. Киришева показала, что в субстратной топонимии Русского Севера "нижняя" семантика присуща топонимам с основой, родственной прибалт.-финск *tuvi* "основание, комель, нижний конец" [Киришева 2002]. Тем самым, для ряда "верхних" названий, все же были найдены "нижние" оппозиты (ср со сказанным выше относительно "верхне–нижних" топонимов)

Резюмируя, подчеркнем, что выявление устойчивых семантических моделей, активных в образовании топонимии той или иной территории (с непременным учетом характерных особенностей ее ландшафта), может во многих случаях способствовать установлению языковой принадлежности некоторых групп субстратных топонимов, их этимологизации и, в отдельных случаях, даже выявлению деталей фонетической системы соответствующих субстратных языков. Вместе с тем, механический перенос таких моделей с соседних территорий не всегда оказывается продуктивным в силу богатства лексических возможностей различных языков для реализации той или иной семантической модели в топонимии

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АИ 1841–1842 – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Т 1–5 СПб, 1841–1842
- АСМ 1988 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг Л, 1988
- АСМ 1990 – Акты Соловецкого монастыря 1472–1548 гг Л, 1990
- АОС – Архангельский областной словарь Вып 9 М, 1997
- АСЭИ 1952–1964 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в Т 1–3 М, 1952–1964
- Базилевский 1844 – П. *Базилевский* Догадка о происхождении слова "Колмогоры" // Отечественные записки 1844 Т 37 Ч 8
- Березович 2000 – *Е.Л. Березович* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте Екатеринбург, 2000
- Дерягин, Комягина 1972 – *В.Я. Дерягин* Л.П. *Комягина* Из истории и географии финно-угорских заимствований в северорусских говорах // Вопросы изучения русских народных говоров Л, 1972
- Киришева 2002 – *Т.И. Киришева* "Верхние" и "нижние" названия в субстратной топонимии Русского Севера по данным "направленной" этимологизации // Русская диалектная этимология Материалы IV международной научной конференции, Екатеринбург, 22–24 октября 2002 года Екатеринбург, 2002
- Кузнецов 1995 – *А.В. Кузнецов* Названия Вологодских озер Вологда, 1995
- Кузнецов 1999 – *А.В. Кузнецов* Шексна – река Велеса Вологда, 1999
- Мат 1941 – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв Петрозаводск, 1941
- Матвеев 1969 – *А.К. Матвеев* Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967 М, 1969

- Матвеев 1975 – А К *Матвеев* К вопросу об отражении перехода *š > h в субстратной топонимике Русского Севера // *Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum Tallinae Habitus*, 17–23 VIII 1970 P 1 *Acta linguistica Tallinn*, 1975
- Матвеев 1976 – А К *Матвеев* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // *ВЯ* 1976 № 3
- Матвеев 1977 – А К *Матвеев* Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов // *Вопросы ономастики Вып 12 Свердловск*, 1977
- Матвеев 1992 – А К *Матвеев* Названия с основой *Коне-* в топонимии Русского Севера // *Этимология* 1990 М, 1992
- Матвеев 1997 – А К *Матвеев* К проблеме расселения летописной меры // *Изв УрГУ* 1997 № 7 *Гуманитарные науки Вып 1*
- Матвеев 1998 – А К *Матвеев* Мерянская топонимия на русском Севере – фантом или феномен? // *ВЯ* 1998 № 5
- Матвеев 2000а – А К *Матвеев* Топонимические этимологии XII // *Этимология* 1997–1999 М, 2000
- Матвеев 2000б – А К *Матвеев* Топонимические поиски I // *Финно-угорское наследие в русском языке Вып 1 Екатеринбург*, 2000
- Матвеев 2001 – А К *Матвеев* Субстратная топонимия Русского Севера Т I *Екатеринбург*, 2001
- Муллонен 1994а – И И *Муллонен* Очерки вепсской топонимии СПб, 1994
- Муллонен 1994б – И И *Муллонен* О переводе в топонимии // *Материалы для изучения сельских поселений России Ч 1 Язык Культура М*, 1994
- Муллонен 1995 – И И *Муллонен* “Святые топонимы” в контексте вепско-русского контактирования // *Ономастика Карелии Петрозаводск*, 1995
- Муллонен 2002 – И И *Муллонен* Саранжа // *Финно-угорское наследие в русском языке Вып 2 Екатеринбург*, 2002
- Мурзаев 1984 – Э М *Мурзаев* *Словарь народных географических терминов М*, 1984
- Мурзаев 1995 – Э М *Мурзаев* *Топонимика и география М*, 1995
- НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М, Л, 1950
- НОС – Новгородский областной словарь Вып 1–12 Новгород, 1992–1995
- Озерецк 1812 – Путешествие академика Н Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя СПб, 1812
- ПКВП 1852 – Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 года // *Временник МОИДР Кн 12 М*, 1852
- ПKNЗ 1999 – Писцовые книги Новгородской земли Т 1 М, 1999
- ПКОП 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг Л, 1930
- Попов 1965 – А И *Попов* *Географические названия введение в топонимику М, Л*, 1965
- ПФГЛ 1991 – Н Н *Мамонтова И И Муллонен* *Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск*, 1991
- СГ 1997 – И И *Муллонен И В Азарова А С Герд* *Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) СПб*, 1997
- СлРЯ – *Словарь русского языка XI–XVII вв Т 4 М*, 1997
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий Т 1 СПб*, 1994
- Субботина 1984 – Л А *Субботина* *Географический термин бои и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования Вып 3 Свердловск*, 1984
- Толстой 1997 – Н И *Толстой* Десна – “dextra”? // Н И *Толстой* *Избранные труды Т 1 М* 1997
- Шилов 1993 – А Л *Шилов* *По Суне плыли наши челны М*, 1993
- Шилов 1995 – А Л *Шилов* *Ландшафт и этнос через призму названий порогов Карелии // Этнолическое и языковое самосознание Тезисы научной конференции М*, 1995
- Шилов 1996 – А Л *Шилов* *Чудские мотивы в древнерусской топонимии М*, 1996
- Шилов 1997а – А Л *Шилов* *Паны на Русском Севере // Материалы для изучения селений России (VI конф “Российская деревня история и современность” Нижний Новгород, ноябрь 1997) М* 1997
- Шилов 1997б – А Л *Шилов* *Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // ВЯ* 1997 № 6
- Шилов 1996 – А Л *Шилов* *Заметки по исторической топонимике Русского Севера М* 1999

- Шилов 1996 – *А.Л. Шилов* “Анатомические’ географические термины в топонимии Карелии и Кольского полуострова // Изв РГО 1999 Т 131 Вып 4
- Шилов 1996 – *А.Л. Шилов* К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ 1999 № 6
- Шилов 2001а – *А.Л. Шилов* К происхождению северо-русских топонимов с основой *Анд-* // Этимологические исследования Вып 7 Екатеринбург, 2001
- Шилов 2001б – *А.Л. Шилов* Семантика термина ‘голова’ в номинации географических объектов Русского Севера в контексте межэтнических контактов // Когнитивные сценарии языковой коммуникации Симферополь 2001
- Шилов 2001в – *А.Л. Шилов* О языковой принадлежности некоторых топонимов древней Новгородской земли // Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли Новгород, 2001
- Шилов 2003 – *А.Л. Шилов* Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // ВЯ 2003 № 1
- Itkonen 1958 – *T. I. Itkonen* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja Helsinki, 1958
- Kepsu 1981 – *S. Kepsu* Pohjois-Kymenlaakson kylänimet Hämeenlinna 1981 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 367)
- Mullonen 1990 – *I. Mullonen* Vepsians in Mezhozerye from place-name data // Proc XVII int congress of onomastic sciences V 2 Helsinki, 1990
- Nissila 1975 – *V. Nissila* Suomen karjalan nimistö Joensuu 1975
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja Helsinki, 1955–1978

© 2003 г. Н. В. ПЕРЦОВ

ВОЗВРАТНЫЕ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ В МОРФОЛОГИИ

Nothing is such an enemy to accuracy of judgment as a coarse discrimination

Edmund Burke¹

Настоящее исследование носит двойственный характер – практический и теоретико-методологический одновременно. С одной стороны, оно нацелено на решение некоторых практических задач в области грамматической русистики, с другой стороны, решение этих задач опирается на определенные методологические принципы, поясняемые и развиваемые в работе. Объект исследования составляют возвратные глаголы – одно из самых сложных явлений в русской морфологии, представляющее немалые трудности для описания и классификации. Разумеется, в одной статье сколько-нибудь исчерпывающим образом охватить его невозможно. Основное внимание здесь будет уделено одному из казусов в грамматике русского языка – статусу возвратных глагольных форм совершенного вида со страдательным значением – типа *Весь тираж раскупится посетителями выставки* (иначе, форм возвратного перфективного пассива – ВПП), – которым посвящен раздел 1, самый объемный в работе и наиболее важный для автора (из-за чего пришлось отчасти пожертвовать логикой изложения). В последующих двух разделах будут затронуты проблемы, связанные с возвратными страдательными формами (ВСФ) для обоих глагольных видов: в разделе 2 речь пойдет о возможных обобщениях понятий "страдательное значение" и "страдательный залог", в разделе 3 – о феномене семантической нейтрализации в страдательной конструкции (страдательных и нестрадательных значений у глагольных форм, агентивного и орудийного значений у творительного падежа). Последний 4-й раздел резюмирует выводы работы.

Прежде всего необходимо сделать важное терминологическое замечание относительно понятия возвратности. Под возвратной формой здесь понимается любая глагольная форма, оканчивающаяся на *-ся/-сь* (а под возвратной глагольной лексемой – лексема, содержащая только возвратные формы). Такое терминопотребление как указывается в книге [Янко-Триницкая 1962: 3–5 (сокращенно – ЯТ)], отнюдь не имеет всеобщего распространения в русистике: из области глаголов на *-ся/-сь* в качестве возвратных выделялись только глаголы типа *мыться* (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев), только глаголы без соотносительных невозвратных (Ф. Ф. Фортунатов), только сопоставимые с переходными. Иногда возвратными называют только нестрадательные глаголы на *-ся/-сь* [Зализняк 1977: 6–7 (сокращенно ГС); РЯЭ 1997: 72, 134] или только нестрадательные и небезличные одновременно [Касаткин и др. 1995: 197–198]. Вслед за А. М. Пешковским Н. А. Янко-Триниц

¹ Ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различие. Эту цитату из Э. Берка (английского публициста, экономиста и философа XVIII в.) Пушкин предпочитал предпосылать в качестве эпиграфа первой главе Евгения Онегина [Набоков 1998: 88].

кая [1962 4] исходя из краткости и гибкости термина "возвратные глаголы", пользуется им "применительно ко всем без исключения глаголам, имеющим в своем морфологическом составе аффикс -ся". Автору настоящей работы также представляется удобным располагать единым компактным обозначением для важного класса глагольных форм (непереходность которых маркируется явным сегментным показателем), с его полезным трансформом "возвратность глагола", вместо точного, но "рыхлого" обозначения, ориентированного на план выражения.

1. ВОЗВРАТНЫЙ ПЕРФЕКТИВНЫЙ ПАССИВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

1.1. Возвратный перфективный пассив в лингвистической литературе и в современной речевой практике

В ряде грамматических описаний русского языка формам ВПП отказано в праве на существование; негативное отношение к ним, поддерживаемое авторитетом 'Грамматического словаря А. А. Зализняка [1977], встречается в текущей лингвистической литературе (из недавних высказываний примечательны мнения в [Молошная 2001: 75, Падучева 2001: 53; Апресян 2002: 19], отраженные в приложении к настоящей работе, см. цитаты П15–П17). Иногда такие формы характеризуются как крайне редкие, при этом зачастую неясно, является эта редкость основанием для их полного исключения из русской грамматики или нет. Случается, что статус этих форм в грамматиках не прояснен, т. е. по поводу соединения страдательного залога с возвратностью и совершенным видом не говорится ничего (например, учебники [СРЛЯ 1996] и [Белашапкина и др. 1997] в разделах, посвященных страдательному залогу и возвратности, обходят этот вопрос молчанием).

Нельзя сказать, что исследователи единодушно отрицают существование возвратного перфективного пассива в русском языке и грамматике. Разнообразные мнения по поводу ВПП собраны в приложении, которое представляет собой важный конструктивный компонент настоящей работы. Среди 17 различных источников, отраженных в этом приложении, в восьми высказывается полное неприятие ВПП как факта русской грамматики, в четырех формы ВПП с оговорками и с некоторой неуверенностью признаются, в пяти феномен ВПП признается уверенно (хотя иногда отмечается его маргинальность). Принадлежность источника к одному из трех классов отражена в приложении посредством знака в угловых скобках – минуса для первого класса, вопросительного знака для второго, плюса для третьего; таким образом, в приложении встречается восемь раз символ <->, четыре раза <?> и пять раз <+>. Из этого становится ясно, что мнение об отсутствии ВПП в русском языке отнюдь не является "общепризнанным" – вразрез с уже упоминавшейся цитатой П17²

Ниже предпринимается попытка оспорить распространенное мнение об отсутствии в русском языке глагольных форм возвратного перфективного пассива и прояснить статус этих форм.

Прежде всего, автор хотел бы познакомить читателя с результатами опроса, проведенного им в августе 2002 г. среди коллег-филологов. Информантов я просил оценить степень приемлемости (удачности) для следующих трех фраз, содержащих формы возвратных глаголов:

---

² Цитаты из приложения разбиты на разделы, которые идентифицируются посредством номеров, предворяемых литерой П

- (1) *Мы хотим знать раскупятся ли имеющиеся печатные экземпляры теми, у кого есть рукописи³*
- (2) *Мы передали подсчеты компьютерной программе – и смета составилась за какие-нибудь четверть часа.*
- (3) *Смета составилась программой всего лишь за четверть часа.*

Было опрошено 13 информантов; фразу (1) признали приемлемой 11 респондентов, неприемлемой – 2; для фразы (2) соответствующая пара чисел – 7 и 6, для фразы (3) – 3 и 10.

Фраза (1) искусственного происхождения; однако замечу, что глагол *раскупиться* употребляется весьма активно, ср. реальный пример из Интернета (среди многих прочих)

- (4) *Этот фильм раскупится фанатами да и не только, минимум в 10 миллионов копий.*

Для автора этих строк подобные фразы представляются вполне допустимыми в современной речи, а самая сомнительная фраза (3) – не содержащей синтаксической ошибки, хотя и несколько шероховатой в стилистическом отношении. Как указал мне один из участников опроса, сочувственно воспринявший мой взгляд на проблему ВПП в русском языке, некоторая шероховатость подобных страдательных употреблений глагола *составиться* может быть устранена за счет расширения контекста и замены прошедшего времени на будущее, в подтверждение чего был приведен следующий воображаемый диалог

- (5) *Хорошо ли работает ваша программа бухгалтерского учета? – Ну как вам сказать? Обычная смета расходов составитс^я ею минуты за две*

Синтаксическая шероховатость в (5) заметно меньше, чем в (3). Во всяком случае, она не настолько значительна, чтобы квалифицировать такие фразы как факты явных синтаксических ошибок, подобных, скажем, нарушениям синтаксического управления, столь характерным для текущей прессы и эфира. При обсуждении с автором проблем ВПП тот же респондент привел следующие (придуманные им) примеры:

- (6) *Такой оравой всё это молоко выпьется за два дня.*
- (7) *Новые ботинки разносятся за неделю.*
- (8) *Орех такой твердый – никак не раскусится.*

В тот же период в одном лингвистическом тексте автору встретился следующий фрагмент:

- (9) *Этот признак припишется по общему правилу.*

---

³ Первая фраза сконструирована автором вследствие обращения к фрагментам из двух писем Пушкина к брату Льву Сергеевичу – соответственно, от начала января 1824 и от конца февраля 1825 г. (см. [Модзалевский 1926: 68 и 119], цитаты ниже аутентичны этому источнику) "Остается узнать разкупятся-ли хоть один экземпляр печатный теми у которых есть полная рукопись но это бездѣлица – поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Карниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола", "Читалъ объявленіе объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ: жду шума. Если издание разкупится – то приступи тотчасъ къ изданію другому или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ < >" Надо сказать, меня поразило, насколько непринужденно-естественно для современного русского словоупотребления выглядит в этих цитатах страдательность возвратной перфективной словоформы

Наконец, в телефонном общении с оператором междугородной связи я услышал такую реплику:

(10) *Подождите, пожалуйста, номер не набрался*

В работах В.И. Гавриловой [1998, 2001] (см. П14) приведен материал, убедительно свидетельствующий о том, что употребления ВПП в последнее время – точнее, с внедрением компьютерных технологий в повседневную реальность коммерческих и научных организаций, в нашу жизнь и быт – становятся все более и более привычными и естественными, например:

(11) *Текст уже отредактировался.*

(12) *Смета скоро составится.*

Правда, в примерах Гавриловой отсутствуют фразы с твор. падежом агенса, как в наших примерах (1), (3) – (6); более того, из неверной посылки, что "форма возвратного глагола СВ страдательного залога может иметь только квазипассивное значение" [Гаврилова 1998: 109], исключаящее субъект, следует неверное заключение, что агенс при таких формах невозможен

(13) *Далее прочелся эпитет к слову "Александр" (из доклада А.А. Зализняка в Институте русского языка РАН 22/X–2002; речь идет о дешифровке текста конца X – начала XI в.).*

Для автора примеры (1)–(13) являются вполне приемлемыми русскими фразами, причем большинство из них для меня безукоризненно. Скорее всего, найдутся читатели, которые усомнятся в языковой правильности тех или иных примеров или в том, что в них представлен именно ВПП, а не какая-либо другая интерпретация возвратного глагола (скажем, в (13) может быть усмотрено особое "пассивно-потенциальное" значение у возвратной формы *прочелся* [Падучева 2001: 73]⁴), однако даже такие ригористически настроенные читатели не должны игнорировать мнение большинства моих информантов и только на основании собственной языковой интуиции отвергать, скажем, фразу (1) или отрицать в ней страдательное значение словоформы *раскунятся* (об этом см. ниже разд. 1.3). Мне представляется, что в данной области русской грамматики нет установившейся твердой нормы: мнения и суждения разных информантов по поводу фраз с ВПП иногда расходятся существенным образом.

В литературе встречается утверждение о том, что формы ВПП допустимы или предпочтительны лишь в будущем времени⁵. Автор откровенно признается, что для его языковой интуиции такого предпочтения не существует: для меня равно приемлемы фразы *Тираж раскупится публикой* и *Тираж раскупился публикой*, а также употребления ВПП в форме инфинитива (*Тираж должен раскупиться публикой*) или причастия (*раскупившийся публикой тираж*); в этом меня поддерживает точка зрения Н.А. Янко-Триницкой и приведенные ею примеры <.. > формы прошедшего времени <у возвратных глаголов страдательного значения> встречаются не реже,

---

⁴ В книге [Бондарко 1976: 243] термин "пассивно-потенциальное значение" применен для характеристики возвратной глагольной словоформы в предложении *Книга легко читается* <.. > это значение проявляется лишь в контексте, его нет в отдельно взятой словоформе <.. >, по А.В. Бондарко, это значение лишь сопровождает "значение пассива" и значение интранзитивности в ее рефлексивной реализации".

⁵ Об этом говорил также Ю.Д. Апресян в своем докладе "Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике" на конференции "Русистика на пороге XXI века", прошедшей в Москве 8–10 июня 2002 г.

чем формы будущего времени' [Янко-Триницкая 1962: 141] (см. П4)⁶. Тем не менее различие оценки языковой приемлемости для претеритных и футуральных форм ВПП со стороны ряда исследователей и информантов достойно всяческого внимания. Автор пока не может предпринять попытку раскрытия природы этого различия. Для выяснения статуса форм ВПП в русском языке и различий между их типами требуются гораздо более объемные опросы информантов, чем проведенные автором, а также правильно поставленные психолингвистические эксперименты.

По наблюдениям автора, возвратный перфективный пассив – причем иногда в сопровождении агенса в твор. падеже – в последние десятилетия испытывает нечто вроде ренессанса в русском языке. Верно, что эту форму никак нельзя признать частой и свободно образующей; она не характерна для научно-делового, официального, формального стиля речи – быть может, правильнее сказать, что она в нем почти исключена. Однако для такого стиля практически неприемлем и ряд других грамматических форм – например, вокатив (*мам, пап, Наташ!*), компаратив на *-ей* (*красивей, больней*), формы твор. падежа ед. числа с двухсложным окончанием (*стеною, каплею, новою*) и др., но это обстоятельство никоим образом не выводит подобные "разговорные" или "поэтические" формы ни из русского языка, ни из русского словоизменения. Возможно, одним из источников "гонений" на формы ВПП со стороны ряда русских грамматик и грамматических исследований следует признать закрепленность этих форм за неформальным разговорным стилем речи, устной и письменной, или за поэтической функцией языка⁷.

1.2. Возвратный перфективный пассив в книге Н.А. Янко-Триницкой

Приемлемость ВПП в русской речи была обоснована и богато проиллюстрирована еще сорок лет назад в книге [Янко-Триницкая 1962]. На страницах книги (с. 21, 88, 97, 98, 100, 102, 103, 113, 120, 121, 124, 132–134, 141–145, 147) приведено более 80 примеров, характеризуемых автором как случаи употребления "возвратного глагола совершенного вида со страдательным значением" (с. 132); из этих примеров около пятидесяти мне представляются бесспорными⁸. В 28-ми случаях в примере фигурирует агенс в твор. падеже, причем 20 примеров такого рода, на мой взгляд, бесспорны. Достойно удивления, что трактовка ВПП и материал из этой книги в последующие годы не были по-настоящему усвоены русистикой. Достаточно обратиться к цитатам П4, чтобы убедиться в правомерности включения в русскую грамматику форм ВПП; однако в силу важности данного материала чита-

⁶ В этой связи любопытны результаты другого опроса (проведенного автором в декабре 2002 г.) фразу *Тираж раскупился публикой быстро* четыре информанта признали неприемлемой, три – приемлемой, три – шероховатой, но допустимой, для соотносительной фразы со сказуемым в буд. времени (*Тираж раскупится публикой быстро*) соответствующая тройка чисел – 2, 3 и 5

⁷ В поэзии эти формы – охотно принимаемые гости, например *Мне жаль не узнанной до времени строки / И все ж строка – она со временем прочтется / и перечтется много раз, и ей зачтется, / и все что было в ней, останется при ней* (Ю. Левитанский, "Всего и надо что взглядеться – боже мой") См также стихотворные цитаты в П4 (особенно любит такие формы Некрасов)

⁸ Спорность фразы связана с тем, что в ней возвратный перфективный глагол может интерпретироваться (в особенности противниками ВПП как реального языкового феномена) не в страдательном значении, т. е. не так, как интерпретировала его Н.А. Янко-Триницкая. Скажем, в примере из Лермонтова *Старайтесь смотреть на меня как на пациента, одержимого болезнью еще неизвестной, – и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени* [ЯТ: 132] словоформа *возбудится* может трактоваться не как ВПП от невозвратной лексики ВОЗБУЖДАТЬ (или ВОЗБУДИТЬ), а как форма особой возвратной лексики ВОЗБУЖДАТЬСЯ (или ВОЗБУДИТЬСЯ). Автору, впрочем, предпочтительна первая трактовка

телю предлагается ниже несколько выразительных примеров из [ЯТ] – все с агенсом в твор. падеже⁹:

Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, подтвердится дознанием (К. Станюкович) (с. 133).

Книга Поля де Крюи "Охотники за микробами" прочитается с большим интересом и специалистом-микробиологом и юношей, не издавшим еще ни одной научной книги (Н. Кольцов) (с. 133).

Уверенность эта внезапно впиталась всем существом Рагозина и стала действительностью (К. Федин) (с. 143).

Давно ли вы так поработились ими, о боже (Ф. Достоевский) (с. 145)

С точки зрения моих языковых вкусов и чутья, эти примеры, как и большинство других примеров ВПП в [ЯТ], не расходятся с современной синтаксической нормой¹⁰

1.3. Страдательность в возвратных формах совершенного вида

Может возникнуть вопрос о том, правомерно ли вообще усматривать в формах, которые подводятся здесь под рубрику ВПП, страдательное значение в собственном смысле слова. Существует мнение о принципиальной несовместимости возвратных перфективов с пассивом (со страдательностью); в соответствии с таким мнением даже правильный для большинства пример (1) со словоформой *раскупятся* не содержит проявление пассива, а возвратная словоформа в нем принадлежит к особой возвратной лексеме сов. вида РАСКУПИТЬСЯ. Но тогда носители такого мнения должны аналогичным образом трактовать и имперфективную словоформу, т. е. считать, что словоформы *раскупают* и *раскупаются* принадлежат тоже к разным лексемам.

Рассмотрим соотношения между предложениями¹¹:

- (14) (а) *Публика довольно быстро раскупала книгу* – (б) *Книга довольно быстро раскупалась публикой*
(15) (а) *Публика довольно быстро раскупила книгу* – (б) *Книга довольно быстро раскупилась публикой*

Мне представляются бесспорными следующие факты: 1) смысловые равенства (с точностью до актуального членения) '(14а)' = '(14б)', '(15а)' = '(15б)', 2) смысловая пропорция '(14а)' : '(14б)' = '(15а)' : '(15б)'. Поскольку предложения в каждой паре различаются только глагольными формами, можно перейти к другой смысловой пропорции: 'раскупала' : 'раскупалась' = 'раскупила' : 'раскупилась'. Из этого вытекает, что в отношении залога и в отношении обладания страдательным значением словоформы *раскупалась* и *раскупилась* – и словоформы из других аналогичных пар – должны трактоваться одинаково. Грамматическая трактовка этих словоформ обус-

⁹ Все подчеркивания в примерах принадлежат автору настоящей работы.

¹⁰ Поэтому данные моего языкового чутья (как и ряда других коллег) резко расходятся с замечанием Е. В. Падучевой [2001: 74] (см. П16): "В современном языке такие употребления воспринимаются как устаревшие (что игнорируется в [Янко-Триницкая 1962: 132])".

¹¹ Те читатели, языковая интуиция которых восстает против форм ВПП в прош. времени с агенсом в твор. падеже, но допускает такое в будущем времени, могут перевести эти примеры в будущее время; при этом в (14) сказуемые-словоформы заменятся на аналитические формы.

ловлена тем, к ведению словоизменения или словообразования относятся, во-первых, возвратные страдательные формы и, во-вторых, члены видовых пар. При любой из четырех возможных альтернатив решение по поводу признака страдательности относительно словоформ *раскупалась* и *раскупилась* должно быть единым (т.е. этот признак для каждой из них должен быть либо грамммемой, либо принадлежностью лексемы).

Встречается и менее категоричное мнение: если и признавать возможность страдательного значения у возвратных форм в совершенном виде, то на это значение накладываются в данном случае другие значения – значения неожиданности, случайности или какие-либо другие значения модального характера. Так, в работах Ю.П. Князева говорится следующее:

"<...> в русском языке большинство приводимых примеров пассивных РГ <рефлексивных глаголов> совершенного вида (см., например: Янко-Триницкая 1962: 132–134, 141–143) содержат дополнительный модальный оттенок неожиданности или случайности и в то же время существуют и чисто пассивные РГ, например, *подвергнуть – подвергнуться* <...>" [Князев, Недялков 1985]

«<...> в современном русском языке, в отличие от других славянских языков, возвратные глаголы совершенного вида практически не используются в функции собственно пассива, не осложненного различными смысловыми добавками. Между тем в XIX веке такое их употребление было вполне возможно; ср. примеры, приводимые Л.А. Булаховским: *Письмо тебе вышлетя, На могиле напишетя; Сделаетя новая государственная печать; Произведетя перепись* <...>. Сейчас в подобных употреблениях практически всегда присутствует идея неожиданности или случайности достижения результата: *Может, им еще повезет, и Авдотья, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, еще отыщутся* (П. Проскурин. Снова дома); *К счастью, именно в этот месяц написалась у меня легко "Кречетовка" – прямо для журнала, первый раз в жизни*» (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом) [Князев (в печати) 2002].

Позволю себе выразить несогласие с приведенными цитатами как в отношении примеров из [ЯТ] (в чем читатель может убедиться по П4), так и в отношении современного русского языка: указанные значения отнюдь не всегда сопровождают соединение в глаголе возвратности, сов. вида и страдательности – см. (1) – (6), (11), (12) (среди прочих первых 13 примеров в разд. 1.1). Собственно, приведенные в последней цитате примеры из Проскурина и Солженицына при их преобразовании из страдательного залога в действительный, как представляется, сохраняют "идею неожиданности или случайности достижения результата", привносящую контекстом (если таковую в них усматривать): ... *Авдотью, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, еще отыщут*; ... *именно в этот месяц я легко написал "Кречетовку"* ..

1.4. Факторы, благоприятствующие употреблению возвратного перфективного пассива

В языке русской старины формы ВПП были вполне допустимы; ср. у Л.А. Булаховского [1954: 119–120]:

«Можно отметить отдельные случаи, когда авторы изучаемого времени образуют синтетические (цельные) формы будущего времени совершенного вида страдательного залога, в наше время заменяемые аналитическими: <...> *Закроютя глаза мне чуждою рукою* (Гнедич Танкред. 1809) <...> . Введет, введет меня в их круг священный. Их окружусь блаженною голпой . (Кюхельбекер>. Давид. 1829). <...> Если когда-нибудь . подобная перепись *произведетя* на сем основании, я непременно потребую патента на изобретение (Бестужев>-Марлинский>. Мулла-Нур. 1836). <...> Могила милосерднее ее [старости], на могиле *напишетя* "здесь погребен человек"... (Гоголь. Мертвые> души. I. 1842). На акте нашем в будущем году новый уже ректор должен будет почтить память Балугьянского (если только не от-

бросится обычай, самовластно введенный мною» (Письмо П.А. Плетнева к Я.К. Гроту. 1847)¹².

Читателю предлагается вернуться к цитатам из писем Пушкина в нашем примечании 3; именно с первой из них начинается ряд примеров у Булаковского. Можно предполагать, что полвека назад подобные примеры воспринимались как более архаические, чем в настоящее время. Теперь отнюдь не во всех случаях мы заменяем ВПП на аналитические формы, иногда синтетическая страдательная форма сов. вида выглядит гораздо естественнее или выразительнее; бывают случаи, когда она представляется единственно возможной – см. пример (7) в разд. 1.1. Формы ВПП, например, *составится, составила*, – это словоформы; аналитические же формы страдательного залога, например *будет составлена, была составлена*, – это словосочетания; словоформа обладает большей жготостью, нежели (квази)синонимичное ей словосочетание. В непринужденно-разговорном стиле общения (да и не только в нем) более сжатая, компактная единица нередко предпочитается единице более пространной. Попытаемся понять, почему это происходит.

По длительности произнесения формы ВПП бывают короче аналитических форм на 1–2 слога. В самом деле, они возможны только в прош. и буд. времени (как формы сов. вида). В прош. времени только для мужского рода слоговая длина форм ВПП и аналитических форм пассива совпадает: *со-ста-вил-ся – был со-став-лен*; для других родов и мн. числа первые короче вторых на слог: *со-ста-ви-лась – бы-ла со-став-ле-на* и т. п. А в буд. времени (которое, как считается, более благоприятно для ВПП) синтетические формы короче аналитических для мужского рода на слог (*со-ста-вит-ся – бу-дет со-став-лен*), а для прочих форм – уже на два слога (*со-ста-вит-ся – бу-дет со-став-ле-на* и т. п.).

Форма ВПП отличается от соотносительной аналитической формы не только однословностью и краткостью, есть и семантическое различие (которое, разумеется, в конкретных контекстах может нивелироваться) – различие между акциональным и статальным аспектами ситуации, обозначаемой глагольной формой. Это различие касается не только форм ВПП и аналитических форм страд. залога сов. вида – оно охватывает вообще противопоставление любых возвратных и невозвратных страдательных форм для обоих видов. Рассмотрим следующие пары глагольных форм (третья строка в правом столбце не заполнена вследствие невозможности презенса для перфективных причастий):

НЕСОВ. ВИД	СОВ. ВИД
<i>читается – читаема</i>	<i>прочитается – будет прочитана</i>
<i>читалась – была читаема</i>	<i>прочиталась – была прочитана</i>
<i>читающаяся – читаемая</i>	–
<i>читавшаяся – читанная</i>	<i>прочитавшаяся – прочитанная</i>

Первые – возвратные – члены пар изображают соответствующую ситуацию скорее с акцентом на ее акциональный аспект, вторые – невозвратные – скорее на ее статальный аспект; первые представляют ситуацию скорее в ее развертывании, вторые – скорее с точки зрения ее возможных последствий или результата действия. В особенности статальный аспект ситуации проявляется в невозвратных формах сов. вида (т. е. в правых членах правого столбца). В самом деле, вернемся к словоформе

¹² В письмах Грибоедова имеется 11 таких употреблений (по данным электронного конкорданса к произведениям Грибоедова, разработанного А.Е. Поляковым, – см. <http://www.inforeg.ru/concord/index.htm>), например: *Начались и продолжались толки о перемирии на то время, как пошлетса донесение в С.-Петербург и получитса желаемый ответ, т. е. от 4-х до 5-ти недель* (Письмо И.Ф. Паскевичу от 30 июля 1827).

раскупятся из примера (1) разд. 1.1; спросим себя, полностью ли синонимичны предложения *Экземпляры раскупятся* и *Экземпляры будут раскуплены*. Думается, в первом обращается внимание на процесс будущего раскупания книг, а во втором – на его результат, на то положение дел, которое возникнет после него.

Во всяком случае, отношение между возвратными и невозвратными страдательными формами выглядит не так, как случаи других грамматических дублетов в русском языке. Скажем, обычные и "поэтические" формы творительного падежа (*стеной* – *стеною*) различаются только стилистически; синтетические и аналитические формы компаратива тоже являют собой факт (квази)синонимии в языке (*Первая задача труднее второй* ≈ *Первая задача более трудная, чем вторая*), а выбор между ними, думается, обуславливается не собственно семантическими, а синтаксическими или стилистическими факторами. Нельзя исключить некоторой значимости факторов такого рода и для обсуждаемого противопоставления, однако в нем задействована и семантика, а именно, как было сказано, различие между действием и состоянием¹³.

Иногда фразы с формами ВПП кажутся иным носителям языка шероховатыми и искусственными и потому ими отвергаются (так случается со многими примерами искусственного происхождения). Если мы возьмем, скажем, примеры (14) и (15) и удалим из них обстоятельство образа действия *довольно быстро*, то качество предложений – особенно в (b) – станет хуже:

(16) (a) *Публика раскупала книгу* – (b) *Книга раскупалась публикой*

(17) (a) *Публика раскупила книгу* – (b) *Книга раскупилась публикой*

Предложение (17b) оказывается в данном случае для некоторых носителей языка на грани приемлемости. Это касается и других контекстно бедных примеров с формами ВПП (и вообще с ВСФ), сопровождаемых твор. падежом, в частности, предложений, приводимых В.И. Гавриловой и квалифицируемых ею – на мой взгляд, слишком категорично – как неправильные (в работах [Гаврилова 1998: 98; 2001: 163] и в материалах к ее докладу на аспектологическом семинаре в МГУ 16 октября 2002 г.): *Смета составила <составится>*, *Пыль поднялась ветром*, *Дом построился Х-ом*, *Компьютер отремонтировался*, *Забор покрасился* и т. п. Для меня и в таком бедном окружении подобные фразы остаются приемлемыми, однако при расширении контекста посредством, например, сочетаний типа *сам собой*, *сам по себе* в соответствующем роде и числе (на них указывает – вслед за Янко-Триницкой – и Гаврилова) или посредством обстоятельств образа действия или времени – ср. (15b) и *Книга раскупилась публикой за два часа* – фразы во многих случаях становятся, как мне представляется, безупречными в синтактико-стилистическом отношении.

1.5. Возможности отражения противопоставления возвратных и невозвратных форм страдательного залога в грамматическом описании

Если согласиться с существованием тонкого семантического различия между возвратными и невозвратными формами страдательного залога, тогда в грамматическом описании необходимо предусмотреть средства для отражения их противопоставления. В книге [Перцов 2001: 144] было предложено ввести для этого особую словоизменительную категорию, определенную только для форм страдательного залога, – категорию возвратности – с граммемами 'невозвратность' / 'возвратность'; там же

¹³ Ср. у В.В. Виноградова [1947: 640]: "<...> возвратная форма 3-го лица в страдательном значении гораздо более активна. Она близка к средне-возвратному значению, она гораздо менее выражает пассивное состояние субъекта, чем страдательно-причастная конструкция (ср., например, *поле вспахивалось колхозником* и *поле было вспахиваемо колхозником*). На это обратили внимание Потебня, Овсянко-Куликовский и Шахматов" (подчеркнуто мною – Н.П.).

был указан альтернативный вариант описания (с. 164): ввести квазиграммему 'возвратность'¹⁴, посредством которой характеризуются возвратные формы страдательного залога (тогда невозвратные отличены от возвратных просто по отсутствию у первых квазиграммемы 'возвратность'). В настоящий момент автор считает предпочтительным второй – квазиграммемный – вариант описания. Мотивы такого предпочтения составляют отдельную большую тему, которую автор надеется осветить в другой работе.

1.6. Принцип разграничения грамматических и семантических факторов в морфологии и его применение к возвратному перфективному пассиву

В предисловии к словарю [Зализняк 1977] принята негативная по отношению к ВПП точка зрения: формам ВПП отказано в праве на существование (см. П7), причем этот отказ никак не обосновывается – скорее всего, в предположении, что такая точка зрения общепринята (видимо, из аналогичных предположений в [ГС] постулировано отсутствие в страдательном залоге форм императива, 1-го и 2-го лиц презенса и деепричастия¹⁵). На мой взгляд, такая трактовка противоречит важному и плодотворному методологическому принципу, проведенному в теоретическом предисловии в [ГС], хотя и не сформулированному в нем с полной отчетливостью. Этот принцип можно назвать **принципом разграничения грамматических и семантических факторов** – сокращенно, **принцип РГС**, – а применительно к морфологии сформулировать его можно следующим образом:

В морфологическом описании при оценке предполагаемой невозможности или затрудненности некоторой формы необходимо различать собственно морфологические и семантические факторы.

Этот принцип предписывает такую линию рассуждений в отношении к той или иной "сомнительной" форме *F*: если сомнительность формы *F* обусловлена сутобо семантическими факторами, т. е. странностью соединения некоторых значений, а с точки зрения системы языка (морфологии, фонетики, акцентуации и др.) препятствий для образования *F* нет, тогда форму *F* следует признать потенциально существующей.

Так, в [ГС: 6–7] признано – и совершенно справедливо – морфологическое существование форм, которые ранее принято было отвергать без какого-либо прояснения природы данного отвержения: 1) форм мн. числа для ВСЕХ *singularia tantum* – *еды, диеты, нейтралитеты* ("практически оно почти никогда не употребляется, но при необходимости все же может быть построено и будет правильно понято"¹⁶); 2) кратких форм для значительного круга относительных прилагательных – *пограничен, оловянен, соснов* ("эти краткие формы потенциально существуют <...>: любое из таких прилагательных может приобрести в соответствующем контексте "качественный" оттенок, и тогда краткие формы оказываются вполне естественными"); 3) форм сравнительной степени для того же круга относительных

¹⁴ Квазиграммема – очень важное грамматическое понятие и термин, введенные И.А. Мельчуком [1997: 287] для обозначения изолированного, т. е. внекатегориального, словоизменительного значения. Необходимость в квазиграммемах возникает потому, что в системах словоизменения языков различного строя (в том числе средневропейского стандарта) обнаруживаются словоизменительные значения, не отвечающие принципу обязательности грамматического значения. Подробнее см. [Перцов 2001: 84 и сл.].

¹⁵ Проблема существования таких форм рассматривается в работе [Перцов 2003 (в печати)].

¹⁶ Что подтверждается использованием таких форм в поэтических целях, ср. данные в [Ремчукова 2001; 2002]: формы *золот, нутр* у Маяковского, *тишизн, немот* у Цветаевой.

прилагательных¹⁷. В связи с потенциальными формами существенно следующая цитата из предисловия А.А. Зализняка (с. 7), подчеркнутые (мною – Н.П.) фрагменты которой по существу содержат в себе принцип РГС:

"Сложную проблему для грамматического словаря составляет отражение потенциальных форм, т. е. форм, которые фактически почти никогда не встречаются, но при необходимости все же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения <...>. В силу принятой в настоящем словаре системы индексов словарная статья включает в себе информацию о том, как образуются все формы парадигмы, включая те, которые фактически неупотребительны. При этом степень употребительности форм как таковую настоящий словарь не отмечает, поскольку неупотребительность или малоупотребительность некоторой формы обычно определяется значением слова, а не его морфологическими особенностями. Для настоящего словаря существенно лишь то, возникает ли при окказиональном образовании подобных потенциальных форм какая-либо морфологическая трудность или морфологическая неоднозначность".

По моему разумению, принцип РГС предписывает признание морфологического существования ВПП даже для тех случаев, когда формы считаются "неупотребительными" или "малоупотребительными" (в разд. 1.1 выше была показана сомнительность подобного мнения о формах ВПП – по крайней мере в отношении их неупотребительности). Ясно, что собственно морфологических препятствий для образования форм ВПП – *составится, прочитается, отредактируется, переписется* и т. п. – нет никаких; во всяком случае, такие формы выглядят гораздо естественнее и привлекательнее, нежели большее число форм, которым словарь Зализняка открыл путь в русское словоизменение, что можно только приветствовать. Возьмем, например, лексему КВАРТИРНЫЙ с ее потенциальными словоформами *квартирен, квартирна, ..., квартирнее*, свободно допускаемыми словарной статьей **квартирный** в [ГС]; для таких словоизменительных окказионализмов непросто придумать какой-либо поэтический или юмористический контекст; однако ясно, что сделать это можно и что описание словоизменения должно предусматривать такую возможность. Словоизменительные окказионализмы определенных типов ДОЛЖНЫ предусматриваться в описании словоизменения¹⁸. Окказиональность такой формы компаратива, как *квартирнее*, неравнозначна окказиональности, скажем, такого образования, как *центрее (псевдокомпаратив от существительного ЦЕНТР: *Ваш дом в центре, а наш дом "центрее" вашего*): первая форма, сколь бы игровыми или игривыми ни были ее мыслимые употребления, "вкладывается" в русскую грамматику, а вторая – нет¹⁹.

Для форм же ВПП нужные контексты зачастую создаются легко и свободно, при этом во многих случаях неуместно говорить об окказиональном, "поэтическом" или юмористическом использовании форм – см. примеры (1) – (13) в разд. 1.1 или примеры из П4 в приложении.

¹⁷ Нужно сказать, что в отношении компаратива в [ГС] наблюдается расхождение, отмеченное самим автором словаря, между отнесением компаратива к словообразованию в теоретическом предисловии и оформлением его как словоизменительной единицы в составе самих словарных статей. Мотивы для теоретического "изгнания" компаратива из словоизменения в предисловии не прояснены.

¹⁸ Поэтому ссылка в П17 на окказиональный характер форм ВПП (даже если бы ВПП был окказионален всегда, что не так) не может служить аргументом для их отвержения. О грамматических окказионализах и потенциальных формах см. [Ремчукова 2001; 2002].

¹⁹ А, скажем, в венгерском языке от существительного образовать компаратив можно [Мельчук 1998: 124]: *róka + bb* 'в большей степени лиса [перен.]'; *szamar + abb* 'в большей степени осёл [перен.]'.

2. ВОЗМОЖНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ ПОНЯТИЙ "СТРАДАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ" И "СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ"

В настоящем разделе развивается трактовка понятия, обобщающего прототипическое понятие страдательного значения (залога); к этому понятию здесь тоже применяется термин "страдательное значение" ("страдательный залог"). Я никоим образом не настаиваю на таком терминопотреблении: для меня гораздо более существенно само движение от прототипического понятия к его возможным обобщениям. Если окажется, что использование традиционного термина для обозначения более широкого понятия наталкивается на те или иные трудности, для последнего нужно будет найти другое наименование.

2.1. О спонтанных и статальных значениях страдательного залога

Нередко считается, что при отсутствии явно выраженного агенса при возвратной глагольной форме или форме со страдат. причастием на *-н/-т* страдательность оказывается ослабленной или даже исчезает вовсе, а глагольная форма тогда приобретает какое-то другое значение – общевозвратное в случае возвратного глагола или значение состояния в случае причастной конструкции. Скажем, в [ЯТ: 127–129] утверждается, что в случае присоединения местоимения *сам* (*собой / по себе*) в соответствующем числе и роде – *мина сама управляется, песнь сама собой слагается в уме, ребенок воспитывается сам по себе* и т. п. – в возвратном глаголе происходит "устранение страдательного значения". Аналогичное утверждение делается иногда по поводу причастных форм на *-н/-т* со статальным значением: например, в [Апресян 2002: 21] говорится, что во фразах типа *Собака была привязана к дереву пять минут* такие формы "утрачивают страдательное значение и обозначают не действия, а состояния" – при них "невозможно агентивное дополнение в форме ТВОР".

Назовем указанные употребления возвратных форм **спонтанными**, а указанные употребления причастных форм – **статальными**, и так же будем называть значения, выражаемые соответствующими формами; тогда прототипические употребления страдательных форм – с явным или подразумеваемым агенсом и возможностью соотношения с действительной конструкцией – и соответствующие значения форм можно назвать **акциональными** в случае возвратных форм и **процессуальными** в случае причастных²⁰. Представляется удобным также такое терминологическое разграничение: спонтанные и статальные объекты объединить под рубрикой **несобственно страдательные** (несобственно пассивные), а акциональные и процессуальные – под рубрикой **собственно страдательные** (собственно пассивные).

В чисто семантическом аспекте различия между собственно и несобственно страдательными употреблениями очевидны. Возвратная спонтанная форма не может быть соотносена с действительной конструкцией – в сопровождении ли выражения *сам собой*, под влиянием ли общего контекста, как в примере из Л. Леонова, приводимом в [ЯТ: 129] – *<...> в душе на все лады пелась любимая ее поговорка <...>*. Такого рода выражения или контексты как раз "зачеркивают" всякое представление о внешнем агенсе: ситуация представлена как развертывающаяся либо за счет собственных ресурсов ее участника, в случае, скажем, автономно действующего механизма – *мина сама управляется*, – либо самопроизвольно – *белье само стирается* (допустим, в случае, когда белье сложено в сетку и помещено под чистую родниковую струю). Для приведенных предложений мы не можем построить аналогичные предложения с действительным глаголом: выражения *пел* *<пели>* поговорку или *уп-*

²⁰ Терминология для причастных форм следует разграничению в [Исаченко 1960: 365] "процессуального" и "статального" пассива (*Дом построен в прошлом году ~ Дом построен из кирпича*)

равляют миной привносят представление о внешнем агенте, которое как раз отсутствует в предложениях со спонтанной формой.

Аналогичным образом, в случае стальной причастной формы – *Собака была привязана к дереву пять минут* или *собака, привязанная к дереву пять минут* – мы также лишены возможности соотнести ее с действительной конструкцией: скажем, попытка перевести эти выражения в неопределенно-личный актив приводит к неприемлемым результатам – **Собаку привязали к дереву пять минут* и **собака, которую привязали к дереву пять минут*.

Итак, в спонтанных и стальных употреблениях имеет место очевидный семантический сдвиг в сопоставлении с акциональными и процессуальными. Встает вопрос, является ли этот сдвиг основанием для постулирования в этих случаях других грамматических значений? – На мой взгляд, ни в коей мере.

Мне представляется, что все четыре выделенные значения – акциональные ~ спонтанные, процессуальные ~ стальные – являются разновидностями (подзначениями, интерпретациями) единого грамматического значения – страдательного (пассивного). Это аналогично объединению в рамках одной граммы (одного грамматического значения) разнообразных семантем, связь между которыми обнаруживается подчас с большим трудом. Именно так в рамках граммы ‘мн. число’ объединяются значения ‘прямое’ (более одного объекта), ‘сорта’, ‘протяженность’, ‘интенсивность’, ‘гиперболическое’, ‘пейоративное’ и др. [Перцов 2001: гл. IV]; в рамках граммы ‘наст. время’ – значения ‘прямое’, ‘историческое’, ‘профетическое’, ‘хабитуальное’, ‘гномическое’ и др. (а в рамках граммы двух других времен – их соответствующие значения) [Там же: гл. V]; в рамках граммы императива – значения ‘прямое’ (непосредственное побуждение), ‘оптативное’, ‘дебитативное’, ‘импоссибилитивное’, ‘условное’ и др. [Там же: гл. VI].

Нужно сказать, что возможности спонтанных интерпретаций для страдательных форм носят весьма регулярный характер: ВСФ может получить спонтанное значение – например, в сочетании с выражением *сам собой*; причастные перфективные формы на *-л/т* от очень большого числа глаголов могут, как представляется, под воздействием контекста приобретать стальное значение. Регулярность в этих случаях носит гораздо более четкий и объемный характер, чем в случае семантем числа, времени или императива; скажем, отнюдь не всякое существительное допускает во мн. числе значения ‘сорта’, не всякий глагол в наст. времени – значение ‘профетическое’, не всякая форма императива – значение неожиданного факта в прошлом (*А он и попади в лужу*), и т. п.

Отношение между акциональным и спонтанным значением возвратной формы носит гораздо более регулярный характер, нежели отношения между традиционно выделяемыми возвратными значениями, к каковым относятся [РГ 1980: 617–618]: собственно-возвратное (субъект направляет действие на самого себя: *мыться*), взаимно-возвратное (совместное, направленное друг на друга действие: *целоваться*), косвенно-возвратное (действие, совершаемое субъектом в своих интересах: *запасаться*), активно-безобъектное (действие как постоянное и характерное свойство субъекта: *кусаться*), характеризующе-качественное (действие как характерная для субъекта склонность или способность подвергаться какому-либо воздействию: *нитки плохие, рвутся*), общевозвратное (действие, замкнутое в сфере субъекта как его состояние: *сердиться*), побочно-возвратное (действие как соприкосновение с объектом: *цепляться за руку, ушибиться об угол*), интенсивное (*стучаться*), аттенуативное (*белеться*), безличное (*верится, плачется*). Ни для одной пары <‘m₁’, ‘m₂’> из возвратных семантем, кроме пары <‘акциональность’, ‘спонтанность’>, нельзя построить импликацию ‘m₁’ → ‘m₂’, выражающую возможность для любой формы, интерпретируемой в смысле ‘m₁’, интерпретироваться в определенных контекстах в смысле ‘m₂’. Если считать спонтанность отдельным значением возвратного глагола, то тем самым эта семантема будет поставлена в один ряд с прочими перечисленными возвратными значениями, что представляется совершенно неправомерным.

Теперь обратимся к вопросу о грамматической квалификации процессуальных и стальных причастных форм в случае противопоставлений типа *Собака была привязана хозяином к дереву* ~ *Собака была привязана к дереву пять минут* и *собака привязанная хозяином к дереву* ~ *собака, привязанная к дереву пять минут*. В первом противопоставлении неоднозначную интерпретацию сказуемого можно было бы попытаться отразить посредством неоднозначности словоформы *была*, квалифицируя ее как вспомогательный глагол в первом предложении и как глагол-связку во втором²¹; во втором же противопоставлении неоднозначность интерпретации сосредоточена в причастии. Мне представляется, что это не является основанием для неоднозначной грамматической квалификации причастия: оно допускает интерпретацию в собственно пассивном или в стальном смысле, сохраняя при этом грамматическое единство²².

Добавлю еще, что отнюдь не всегда можно четко отнести то или иное употребление ВСФ или причастной формы к собственно или несобственно страдательному значению – см выразительные примеры их нейтрализации, приведенные и прокомментированные в [Гаврилова 1990: 33–34]: *Все разрушается дома, отнятые у престижных владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбирают на топливо, одним словом, идет всеобщий развал* (В.Г. Короленко); *Здесь сознательно и бессознательно скрещиваются лучи правосознаний, создающих государственную форму* (Семантическая нейтрализация в страдательной конструкции рассматривается ниже в разд. 5)

2.2. Об инварианте страдательного залога

Для экспликации инварианта страдательного (пассивного) значения / залога в русском языке автору потребуется понятие синтаксического субъекта глагольной формы. Под синтаксическим субъектом глагольной формы будет пониматься либо подлежащее при соответствующем сказуемом (*Текст обрабатывается <должен обрабатываться> программой*), либо синтаксический трансформ подлежащего (*Чтобы обрабатываться программой в нужном режиме, текст должен быть проиндексирован, Эта функция заставляет текст обрабатываться в нужном режиме*); под синтаксическим субъектом причастной формы – либо также подлежащее при соответствующем сказуемом или его синтаксический трансформ (*Этот человек был изгнан <должен быть изгнан> нами из общества; Чтобы быть изгнанным из нашего общества, сотрудник должен сильно провиниться*), либо существительное, для которого причастие является непосредственным атрибутом или синтаксическим трансформом атрибута (*человек, изгнанный нами из общества, Я считаю этого человека изгнанным нами из общества*)²³.

²¹ Впрочем, традиционное лексикографическое разъединение связочных и причастно-вспомогательных употреблений глагола *быть* может быть подвергнуто сомнению, ведь при глаголе *быть* могут сочиняться прилагательные и причастия, см. об этом [Тестелец 2001: 251]. Замечу, что утверждение Я.Г. Тестельца о том, что "сочиняться с прилагательными могут только конструкции со значением состояния", нуждается в коррекции, ср., например *Мы могли не бояться собака была зла, но за час до нашего прихода посажена хозяином на цепь*, где второй из подчеркнутых сочиненных членов – причастие – очевидным образом имеет акциональное значение.

²² Поэтому предложение Л.Л. Буланина [1978: 201] предусматривать для любого страдательного причастия "омонимичное" лексикализованное стативное прилагательное представляется мне неоправданным размножением языковых единиц.

²³ Понятие синтаксического субъекта равнозначно с понятием "носитель предикативного признака" у А.В. Бондарко [2002: 585]. "< > подлежащее и другие языковые средства, выполняющие функцию предикативного компонента синтаксической структуры предложения < >". Из приведенной экспликации этого понятия видно, что оно носит скорее синтаксический характер.

Пусть рассматривается глагольная форма V_{der} – возвратная или причастная, синтетическая или аналитическая, – и пусть V_{int} – соотносительная с V_{der} исходная глагольная форма Инвариант страдательного (пассивного) залога в русском языке может быть тогда сформулирован следующим образом

Форма глагола V_{der} выражает страдательное значение (относится к страдательному залогу) = Синтаксический субъект формы V_{der} по отношению к ней играет ту же семантическую роль, какую играет по отношению к форме V_{int} ее второй – но не первый! – семантический актант.

Отрицательное ограничение, касающееся первого семантического актанта, связано с необходимостью не допустить в страдательный залог собственно-возвратные формы типа *мыться* и взаимные формы типа *целоваться*, при которых синтаксический субъект может интерпретироваться и как первый, и как второй актант исходной формы *мыть* и *целовать* соответственно.

Автор полагает, что для собственно страдательных значений и употреблений справедливость предложенного инварианта очевидна. Для несобственно страдательных значений можно предложить следующие экспликации:

для спонтанного значения $N + V_{\text{ся}}$ (*Белье стирается само собой*) = ‘Синтаксический субъект N (*белье*) в данной ситуации интерпретируется как 2-й актант (объект) предиката V (*стирать*), причем внешний агенс (1-й актант) при V в данной ситуации не может быть явно выделен’,

для стального значения $N \text{ быть}_{\text{личн}} + V_{\text{прич}} \text{ -и/-т}$ (*Собака была привязана к дереву пять минут*) = ‘Описывается состояние и/или результат, порожденные воздействием предиката V (*привязать*) на партиципant N (*собака*), который является синтаксическим субъектом для $V_{\text{прич}} \text{ -и/-т}$ и интерпретируется как 2-й актант для V ’.

Если же кого-либо смущает применение термина “страдательность” или “пассив” к спонтанным и стальным употреблением, где синтаксический субъект не подвергается непосредственному воздействию со стороны внешнего агенса, то следует вспомнить об общей условности наименований для грамматических значений – то же наблюдается в упомянутых выше случаях мн. числа, всех трех грамматических времен и императива (повелительного наклонения)²⁴

Предложенное обобщение страдательности – вместе с признанием словоизменительного статуса возвратных страдательных форм (см. [Перцов 2003 (в печати)]) – приводит к одному следствию, существенно расходящемуся как с большим числом грамматических описаний, так и с лексикографической практикой: многие перфективные возвратные словоформы оказываются при этом членами невозвратных лексем, наделенными страдательным значением, – например, формы глаголов “контакта с поверхностью” или “охвата” во фразах типа *Поля покрылись снегом*, *Пруд затянулся тиной*, *Комната окуталась дымом*, *Амур сковался льдом* и т.п. Так же трактуются такие формы у В С Храковского [1991: 179] (“статическое или динамическое, обычно контактное соположение двух предметов”); в частности, Храковский – на мой взгляд справедливо – усматривает страдательное значение у глагола в предложении *Хлев держится на двух столбах*. Надо сказать, что среди традицион-

²⁴ Следует сказать что предложенный инвариант по существу является обобщением и развитием идеи А. В. Исаченко [1960 372–373] «< > единственным семантическим критерием пассива является направленность действия на субъект < >; участие или неучастие “агента” (производителя действия) в самом действии представляется нам для определения пассива irrelevantным». Ср. также «< . > суть пассивности, как это не раз отмечалось исследователями заключается в таком представлении действия-предиката, при котором субъект устраняется с центральной позиции (“первого ранга”) в структуре предложения, и на эту позицию выдвигается объект» [Бондарко 2002. 595–596]

ных инвентарей значений русских возвратных глаголов мне удалось найти единственную рубрику, в которую укладывалось бы грамматическое значение таких возвратных глаголов, – это рубрика страдательного значения²⁵

Отступление Ценная концептуальная трактовка возвратности и залога в русском языке предложена в работах В И Гавриловой (среди прочих см [Гаврилова 1990; 1998; 2001]) Исходя из введенной выше терминологии, некоторые ее предложения можно резюмировать следующим образом (1а) в сфере возвратных форм и форм с причастиями на *-н/-т* проводится чисто семантическое (т е не грамматическое!) разграничение собственно и несобственно страдательных значений (употреблений, конструкций), (1б) первые именуются пассивными, а вторые – квазипассивными (т е пассивные объекты Гавриловой объединяют наши акциональные и процессуальные, а квазипассивные – наши спонтанные и статальные²⁶), (1с) пассивные и квазипассивные значения объединяются под единой грамматической рубрикой – страдательность (страдательное значение, страдательный залог); (2) для характеристики статальных причастных объектов предлагает использовать новый – третий – вид статальный Из нашего изложения видно, что в содержательном аспекте автор настоящей работы полностью солидаризируется с В И Гавриловой в отношении пунктов (1а) и (1с) – причем (1с) особенно существен, – а в пункте (1б) расходится с ней в отношении терминологии Для моего терминологического вкуса устранять в отечественной грамматической терминологии русско-латинскую синонимию "страдательность" = "пассив" нежелательно ведь подобного рода соотношения поддерживаются в других местах, например, в названиях падежей: именительный = номинатив родительный = генитив и др Что же касается пункта (2), мне он представляется необоснованным приемом и здесь я не вижу мотивов для столь резкого отхода от традиции: введение третьего вида порождает серьезные осложнения как в случае словоизменительной трактовки вида (в сфере традиционных перфективных форм выделяется статальный подвид для особых причастных форм – и только для них), так и в случае его словообразовательной трактовки (от традиционных перфективных лексем отделяются лексемы содержащие только особые причастные формы) Для грамматического отделения форм с причастиями на *-н/-т* от прочих страдательных форм мной предложена альтернатива описания либо категория с двумя граммемами для возвратных и невозвратных форм, либо квазиграммама возвратности для возвратных форм (см выше разд 1 5) Что же касается процессуальной и статальной интерпретаций причастных форм на *-н/-т*, то, как ясно из изложенного выше, их естественно трактовать как подзначения единого грамматического значения

Из сформулированного инварианта страдательного значения вытекает важное следствие страдательность не связывается непременно ни с сохранением активности агенса или контролируемости хода ситуации, обозначенной глагольной формой, ни с формой выражения агенса посредством твор. падежа, ни даже с наличием явно-го или подразумеваемого агенса. Это следствие понадобится нам в следующем разделе

2.3. О возможном распространении страдательности на некоторые перцептивные и ментальные глаголы

Прототипической для страдательного залога – такой, в которой страдательность (пассив) выражена наиболее прозрачным образом, – считается трехчленная конст-

---

²⁵ Другая возможная трактовка таких возвратных глаголов может быть построена на основе понятия гиперлексемы в смысле В А Успенского [2002 443] гиперлексема объединяет словоформы хотя бы и разных лексем, но такие, что соотнесенные с ними роли легко сравниваются и опознаются как тождественные или различные" Залоговое (или квазизалоговое) отношение можно распространить на разные лексемы одной гиперлексемы, а возвратные и невозвратные глаголы контакта с поверхностью" / "охвата" считать членами одной гиперлексемы (но разных лексем), связанными залоговым отношением.

²⁶ В квазипассивных конструкциях глагол-предикат может принимать форму либо возвратного глагола, либо причастия на *-н/-т* со связкой' [Гаврилова 1990 29]

рукция " $N_{1\text{им}} + V_{\text{страд}} + N_{2\text{твор}}$ ", где на месте $V_{\text{страд}}$ может стоять либо возвратная глагольная форма, либо аналитическая форма с личной формой глагола БЫТЬ и кратким страдательным причастием Эта конструкция соотносится в действительном залоге с синонимичной конструкцией " $N_{2\text{им}} + V + N_{1\text{вин}}$ ". К возвратным страдательным формам нередко относят только те, которые допускают употребление в первой конструкции (и соответственно синтаксическую трансформацию во вторую конструкцию). При этом референт существительного N_2 в указанных конструкциях принято мыслить как активный агент, "производитель" соответствующего действия, поэтому, скажем, возвратный глагол *восхищаться*, как правило, не наделяется страдательным значением, поскольку в предложениях типа *Художник восхищается пейзажем* референт последней словоформы не выступает в качестве агенса, активно воздействующего на референт подлежащего В таких случаях существенным оказывается то обстоятельство, что глагольная лексема ВОСХИЩАТЬ имеет третий актанта – с семантической ролью 'свойство или действие субъекта', – оформляемый именно твор. падежом: *Пейзаж восхищает художника своими красками*, – что позволяет "нагрузить" данной семантической ролью существительное в твор. падеже и при возвратном глаголе *восхищаться*. Тем самым формы *восхищать* и *восхищаться* обычно не трактуются как соотносительные формы действительного и страдательного залога (т. е. трактуются не так, как пара *анализировать* – *анализироваться*). Значение формы *восхищаться* в традиционной русистике относится к особому – нестрадательному – значению возвратных глаголов (по В.В. Виноградову [1947: 631] – к средне-возвратному, по [РГ 1980: 618] – к общевозвратному); в недавней же статье [Iordanskaja, Mel'čuk 2002: 107–108] – при признании для данной глагольной пары конверсивного отношения – в ней усматриваются две глагольные лексемы, связанные обратным словообразованием.

Аналогичным образом не принято относить к страдательному залогу возвратные перцептивные и ментальные глаголы, управляющие дательным падежом. *Игорю видится вдалеке контур башни*, *Илье видится в мыслях школа*, *Путешественникам слышался странный гул*, *Вере припомнился похожий случай из ее детства* и т.п. Этим предложениям соответствуют предложения с соотносительными невозвратными глаголами *Игорь видит вдалеке контур башни*, *Илья видит в мыслях школу*, *Путешественники слышали странный гул*, *Вера припомнила похожий случай из своего детства*. Верно, что во втором ряду предложений воспринимающий или вспоминающий субъект наделен большей активностью; в первом же – "возвратном" – ряду восприятие или воспоминание представлено как происходящее само по себе, без каких-либо перцептивных или ментальных усилий со стороны субъекта. Надо сказать, что такое привнесение смысла произвольности и саморазвития ситуации вообще нередко сопровождает возвратность глагола (и, возможно, косвенно связано с одной из особенностей русской языковой картины мира). Из раздела 2.1 ясно, что при отсутствии агенса возвратная глагольная форма вполне допускает спонтанное истолкование в смысле 'непроизвольно совершающегося действия': скажем, предложение *Текст редактируется* можно понять как обозначение ситуации компьютерного редактирования без вмешательства человека (в отличие от неопределенно-личного предложения *Текст редактируют*), а *Белье полощется* (в отличие от неопределенно-личного *Белье полощут*) естественно истолковать в смысле отсутствия явного активного (квази)сознательного агенса ('белье подвергается воздействию потока воды без непосредственного участия человека или механизма').

Предложенный в разделе 2.2 инвариант страдательности глагольной формы не накладывает ограничений ни на наличие агенса при ней (даже подразумеваемого), ни на его формальное выражение. Однако верно, что если конкретная глагольная форма управляет агенсом в твор. падеже и допускает трансформацию в синонимичную активную конструкцию, то эта форма несет страдательное значение. Итак, для страдательности возвратной формы R достаточно (но, как ясно из разд. 2.1, не необходимо), чтобы соотносительный с ней невозвратный глагол Q допускал следую-

щую трансформацию из конструкции (ACT) в двухактантную конструкцию (PASS)²⁷.

(ACT) $N_{1\text{ им}} + Q + N_{2\text{ вин}} \Leftrightarrow$ (PASS) $N_{2\text{ им}} + R + N_1$

Падеж актанта N_1 в конструкции (PASS) не определен. Под такую трансформацию подпадают не только случаи "чистого" страдательного залога (*Рабочие* [N_1] *строят* [Q] *школу* [N_2] $\Leftrightarrow$ *Школа* [N_2] *строится* [R] *рабочими* [N_1], *Программа* [N_1] *редактирует* [Q] *статью* [N_2] $\Leftrightarrow$ *Статья* [N_2] *редактируется* [R] *программой* [N_1]), но и другие конструкции и предложения, в которых N_1 не является активно действующим партиципантом и/или не обязательно выражен в (PASS) твор. падежом

Гул сопровождает музыку $\Leftrightarrow$ *Музыка сопровождается гулом*
Пейзаж восхищает художника $\Leftrightarrow$ *Художник восхищается пейзажем*
Все услышат этот призыв $\Leftrightarrow$ *Этот призыв услышится всеми*
Ребенок слышит разговор $\Leftrightarrow$ *Разговор слышится ребенку*
Успехи сына радуют родителей $\Leftrightarrow$ *Родители радуются успехам сына*

На возможность такого обобщения страдательности четко указала еще сорок лет назад Н. А. Янко-Триницкая [ЯТ 100–102] (об использовании двойной вертикальной черты || в цитатах см. сноску в приложении)

«Содействующий объект выражается дательным падежом при глаголах страдательного значения, образованных от переходных глаголов, обозначающих пассивное состояние субъекта (лица или живого существа), происходящее как бы помимо воли этого субъекта, например *видеть слышать вспоминать встретить, встречать* и т. п. < >

"Не успела она поднять трех рыжиков, вдруг *слышится ей*, что кто-то перекликается между деревьями" (Д. В. Григорович)

"*Мне часто вспоминается* и эта темная река, затененная скалистыми горами и этот живой огонек" (В. Г. Короленко Огоньки)

"*Ему вспомнилось* то время, когда он с Антоном Фердинандовичем мечтал сделать переворот в науке" (А. И. Герцен Кто виноват?)

И в молчаливом кабинете *Ему припомнилась* пора, когда жестокая хандра За ним гналась в шумном свете" (А. С. Пушкин Евгений Онегин) < >

||₁₀₁ "Еще не бывших дней жара *Воображалась* в мыслях *кафру*" (Б. Пастернак Варьяции) < >

Поскольку рассматриваемым глаголам полностью свойственны основные черты глаголов страдательного значения – отобъект-||₁₀₂ность и пассивность <субъекта>, – постольку нет никаких оснований отделять их от прочих возвратных глаголов страдательного значения

В пределах же возвратных глаголов страдательного значения эти глаголы, хотя и весьма ограниченные количественно, но отличающиеся широким употреблением, могут быть выделены в отдельную группу страдательных глаголов, обозначающих, что и воздействие со стороны, выявляемое субъектом в качестве собственного признака, носит произвольный, пассивный характер

Выражение содействующего объекта при этих глаголах дательным падежом не отличается строго закономерным характером. Некоторые страдательные глаголы сходной семантики

²⁷ Описываемый этой трансформацией прототипический случай страдательности иллюстрирует логическое понятие конверсивности отношений Q и R: $R(X, Y)$ должно выполняться тогда и только тогда, когда выполняется $Q(Y, X)$ (для любых X и Y). Здесь уместно напомнить о лексической функции Conv из теории моделей "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст" [Мельчук 1974: 83]: равенство " $\text{Conv}_{21}(X) = Y$ " означает, что предикаты, выражаемые словами X и Y, взаимно конверсивны относительно актантов 1 и 2, т. е. что первый семантический актанта предиката X занимает при Y-е место второго актанта, а второй актанта X-а – место первого актанта при Y-е. Страдательный залог (и в частности страдательная возвратность) в его прототипическом проявлении может пониматься как грамматически выраженная конверсивность

могут иметь при себе содействующий объект, выраженный не дательным, а творительным падежом например.

'В нем не было и тени той одуряющей приятности, благодаря которой человек, на деле ничем вам не помогший *запоминается вами* с благодарностью навсегда (О Форш Одеты камнем)

"Такой человек льстит себя надеждою, что слово горькой истины, облеченное в форму искусства, *услышится многими* и произведет желанное плодотворное впечатление, как все в сущности правое и по форме изящное' (А Н Островский Письма)

С другой стороны, дательный падеж содействующего объекта возможен при некоторых глаголах, отличающихся несколько по значению от приведенных выше < >

"У тебя голубые глаза, ну, а *мне полюбилися карие*' (М Исаковский)

И даже.

"Или пойдет бродить окрест, И к ночи лишь вернется, Соленых рыжиков не ест, И чай *ему не пьется* (Н А Некрасов Горе старого Наума) »

Из примеров Янко-Триницкой видно, что при возвратном глаголе "содействующий объект допускает выражение посредством и творительного, и дательного падежей, ср. пример, сконструированный мною "по мотивом" фразы из О Форш

Такой человек запоминается всеми/всем надолго.

Творительный падеж предполагает большую, а дательный – меньшую активность со стороны "содействующего объекта" – в соотносительном же предложении с невозвратным глаголом это противопоставление может оставаться непроясненным *Такого человека запоминают все надолго* Тем самым получается, что на возвратный глагол перцептивного или ментального типа за счет сопутствующего дательного падежа может накладываться дополнительный смысл 'непроизвольность', который не проявляется в случае чистой страдательности, сопровождаемой творительным падежом Отвергает ли это обстоятельство полностью допустимость трактовки конструкций с дательным падежом как частных случаев страдательности? – На мой взгляд, нет Мне представляется, что выражение данного дополнительного смысла привносится именно падежом – ровно так же, как смысл 'некоторое (ограниченное) количество' привносится родительным или партитивным падежом в случаях типа *Он выпил вина/чая*, где грамматическое значение самой глагольной формы не претерпевает никаких изменений по сравнению с предложением *Он выпил вино/чай*

Можно пойти еще дальше по пути концептуального обобщения страдательности на основе конверсивности и рассматривать в этом ряду такие возвратные глаголы, которые соотносительны с непереходными невозвратными (*грезить мечтать*) и управляют дательным падежом Для иллюстрации этой ступени обобщения снова уместна цитата из книги Янко Триницкой

«Сравните также глаголы *грезиться* и *мечтаться*, сопоставимые с ныне непереходными глаголами *грезить* и *мечтать* при них также встречается дательный падеж содействующего объекта

"Она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто *ей грезился* во сне (М.Ю Лермонтов. Герой нашего времени)

"И *ей грезится* происшедшее во всей навязчивой застывшей очевидности (К Федин Первые радости)

"Давно завидная *мечтается мне* доля' (А С Пушкин Пора, мой друг)

"Вся соразмерная, гордая, стройная *Мне* эта женщина часто *мечтается*' (Н А Некрасов Дешевая покупка)» [ЯТ 102]

Наконец, автору этих строк не кажется абсолютно неприемлемым дальнейшее движение по пути обобщений – скажем, объединение под одной грамматической рубрикой какой-то части традиционно выделяемых возвратных семантом, перечисленных в разд 2 1 (или даже всех из них), причем не только в чисто формальном аспекте (по признаку обладания возвратным постфиксом), но и в отношении общности в синтагматике – а, возможно, и в плане содержания Русистике не чужда трактовка всех возвратных глаголов под единой рубрикой, о чем ска-

зано у А. М. Пешковского [1956: 113] 'Русский же единственный глагольный залог, возвратный < > представлен всегда одной формой, именно формой на -ся, -сь (*моется, дерусь и т. д.*)' – а через несколько страниц автор делает попытку сформулировать общее значение категории возвратного залога (с 121–122) Возвратные глаголы обладают синтаксической общностью: все они непереходны. Нельзя исключить, что при более основательном познании глубинных механизмов языка в будущем обнаружится и некая семантическая общность высокой степени абстрактности между какими-то возвратными семантемами (или даже между всеми)²⁸

Итак в настоящем разделе был изложен обобщенный взгляд на страдательность в русском языке: кроме прототипических фактов, к страдательному залогу отнесены (i) спонтанные (*Белье стирается само собой*) и (ii) статальные (*Собака была привязана к дереву пять минут*) употребления глагольных форм; употребления в конструкциях без активно действующего партиципанта (iii) эмотивных глаголов (*Художник восхищается пейзажем*), (iv) перцептивных (*Этот призыв услышится всеми*), (v) ментальных (*Такой человек запоминается всеми надолго*) (vi) употребления глаголов двух последних типов в конструкциях, где второй партиципant не выражен твор падежом (*Нам слышался странный гул. Такой человек запоминается всем надолго*). Была высказана "крамольная" мысль о возможности подверстывания к страдательному залогу даже таких форм, как (vii) *мечтаться* и *грезиться*, – и даже (viii) о полном грамматическом объединении возвратных значений. Как сказано в начале раздела 2, автор никоим образом не настаивает на применении ко всем перечисленным ступеням обобщения единого термина "страдательный залог" – хотя в отношении ступеней (i) – (vi) ему этого хотелось бы. Можно оставить термины "страдательный залог" и "страдательное значение" только за "чистыми" случаями, однако следует признать плодотворными некоторые более общие понятия, базирующиеся на разных признаках описываемых объектов, при сохранении традиционного понимания страдательности: нужно будет для предлагаемых понятий найти особые обозначения²⁹. Самое существенное для автора – различие разных типов объектов в рамках их иерархии (см. эпиграф), обозначение же выделенных типов, сколь бы важным оно ни было, все-таки дело вторичное.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ В ВОЗВРАТНЫХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

В подавляющем большинстве случаев употребление неоднозначной языковой единицы (словоформы, аффикса, граммы, синтаксической конструкции) разрешает неоднозначность в пользу какой-либо одной конкретной интерпретации этой единицы. Данную закономерность можно назвать "принципом однозначности единицы в тексте".

Тем не менее случаи нарушения этого принципа встречаются, причем не в том смысле, что контекст не позволяет выбрать интерпретацию для конкретной текстовой единицы, а в том смысле, что либо (i) само "смысловое задание" языкового вы-

²⁸ В компьютерно ориентированной словоизменительной морфологии объединение возвратных форм под одной граммой (при котором, например, словоформа *ссориться* оказывается формой лексемы ССОРИТЬ) может быть оправдано практическими соображениями: нет необходимости разделять русские возвратные глаголы на допускающие и не допускающие страдательное значение (при таком разделении не обойтись без кропотливого просмотра словарей).

²⁹ В методологическом отношении проводимый здесь принцип обобщения страдательности родствен предложенному Ж. Веренку [1985: 290, 296] объединить в рамках некоторого общего понятия – рецессивные конструкции – разнообразные типы глагольной возвратности, среди которых пассив выступает как частный случай. Правда, объединение наших ступеней (i) – (vi) не совпадает с рецессивностью" по Веренку.

ражения подразумевает более одной интерпретации³⁰, либо (и) выбор какой-либо из некоторого множества интерпретаций (как правило, двухэлементного) вообще нерелевантен. Случай (1) можно подвести под рубрику "совмещения значений" (см [Перцова 1988]; о совмещении значений в поэтическом тексте см [Перцов 2000]), а случай (и) – под рубрику семантической нейтрализации.

О феномене семантической нейтрализации в сфере грамматических значений я упоминал в книге [Перцов 2001 121–122, 166 примеч 8], примеры из которой уместно повторить и здесь во фразе *Эта станция 16 февраля 1925 г впервые транслировала в эфир оперу "Евгений Онегин" из Большого театра*, приведенной и прокомментированной в [РГ 1980· 592], нерелевантной для смысла представляется видовая характеристика двувидовой глагольной словоформы, а в вопросительном предложении *В вашем доме есть какаду?* – числовая характеристика последней словоформы Семантическая нейтрализация ярко проявляется и в сфере русских страдательных конструкций

В литературе отмечались факты "диффузного" употребления единиц в конструкциях с возвратными глаголами – как самой возвратной формы, так и сопровождающей ее формы твор падежа существительного. говорилось о возможности неоднозначного истолкования первой в страдательном или нестрадательном смысле, а второй – в агентивном или орудийном Это восходит к глубокой старине – в статье И Ф Калайдовича 1824 г читаем:

< > знаменование глаголовъ Русскихъ часто опредѣляется другими словами, входящими в составъ рѣчи, такъ, что ежели глаголъ стоитъ отдѣльно, то нельзя рѣшительно относить его къ одному какому либо залогу Ещё чувствительнѣе неточность сия въ примѣрахъ глаголовъ страдательныхъ, возвратныхъ, взаимныхъ На пр въ предложенияхъ *Петръ обогатился торговлею утро вечером смѣнялось* (Жуковский) кроется двусмысленность, которую (и подобныя ей) необходимо объяснять должно Творительные падежи *торговлею, вечеромъ* могутъ быть приняты за орудия, которыми *Петръ, утро* дѣйствовали, и въ семъ случаѣ глаголы *обогатиться смѣняться* будутъ возвратные (*Петръ обогатилъ себя торговлею, утро смѣняло себя вечеромъ*) Сия же падежи могутъ быть приняты за предметы дѣйствующе, коихъ страдательные суть *Петръ, утро* и тогда помянутые глаголы получаютъ знаменование страдательныхъ (*торговля обогатила Петра, вечеръ смѣнял утро*)" [Калайдович 1824 77–78]

В В. Виноградов [1947: 649], указывая на "промежуточные значения, в которых ни страдательное, ни среднее не выступают достаточно ярко, а как бы перебивая друг друга, дают новое сложное значение возвратной формы", иллюстрировал этот феномен примерами из Л. Толстого (*В то время, как Андрей вошел в комнату слова Магницкого заглушились смехом*) и Лескова (*Холодное солнце то выглянет то заблещет то снова занавесится тучами*) Примеры, демонстрирующие возможность двойственного истолкования возвратных глаголов ("и как страдательных и как нестрадательных"), приводит Н А Янко-Триницкая [ЯТ· 129] *Тетя Соня жила у сестры и посвятила жизнь ее детям, которых любила всем запасом чувств, не имевших случая израсходоваться и накопившихся с избытком в ее сердце* (Д Григорович), *Стадней богател с каждым днем и становился непреоборимой силой, а мужики все больше запутывались в его тенетах* (Ф Гладков), *В военной гавани суматоха. Одни суда уже в кампании, другие вооружаются Начинаем и мы вооружать свой трехмачтовый крейсер* (А С. Новиков-Прибой)

В книге [Бондарко, Буланин 1967· 179] пример из Л Толстого – *Партия, в которой шла Маслова, отправлялась с вокзала в три часа* – анализируется следующим образом

³⁰ Причем необязательно такое совмещение интерпретаций должно носить характер языковой игры, см примеры в [Перцова 1988 72–73, Перцов 2001 31–32, 63 примеч 7]

"При соотношении этого оборота с неопределенно-личным (партию отправляли) форму *отправлялась* можно определить как форму страдательного залога. Однако более естественно ее воспринимать как форму действительного залога". – Здесь у авторов сноски "Рассматриваемый пример ставит интересную теоретическую проблему. Оказывается, даже в контексте залоговая форма не допускает однозначной трактовки. По-видимому, в этом и других аналогичных примерах (они не единичны) мы имеем дело с нейтрализацией залогового противопоставления" (подчеркнуто мною. – Н. П.).

Мне представляется, что в данном случае выбор между истолкованиями глагольной формы *отправлялась* нерелевантен. Прагматически обе ситуации в общем контексте эквивалентны: страдательное значение – 'партию отправляли' – в данном случае как бы приравнивается к действительному значению – 'партия сама трогалась в путь'. Дизъюнкция здесь имеет не разделительный, а объединительный характер. Для авторов последней цитаты предпочтительно действительное осмысление, для иных носителей языка оказывается предпочтительным страдательное ("ведь партия Масловой лишена была собственной воли, была пассивна"); для меня же здесь проблемы выбора нет вовсе.

Аналогичные факты отмечаются в [РГ 1980: 617, § 1466]: *Ишь как в старину-то люди хоронились, – сказал мне какой-то старик* (Бунин); *Но жглись костры и обжигал огонь* (О Шестинский); *Больное самолюбие раздражалось изюм изюм* (Панова).

В книге [Белашапкина и др. 1997: 553–554] о предложениях *Мост разводится* и *Билеты продаются* говорится, что в них "глагольные формы можно понимать и как возвратные (обозначаются свойства субъекта), и как формы страдательного залога (обозначаются действия, совершаемые над объектами). Ср предложения с формами страдательного залога: *Мост разводится* в три часа; *Билеты продаются водителем*".

По моему разумению, указанные выше факты говорят об условности противопоставления в ряде случаев страдательного и нестрадательного истолкований возвратных форм. В частности, мне представляется, что нет нужды различать такие истолкования для упомянутых словоформ *разводится* и *продаются* (как и для многих других возвратных форм) и что для обоих употреблений каждой из них естественно усматривать страдательное значение, а на последнее в конкретных употреблениях может наслаиваться значение "свойства субъекта". Подобное наслаивание может обнаруживаться и в действительном залоге: *Здесь билеты продают быстро* ≈ *Здесь билеты продаются быстро*. Если считать, что вторая фраза сообщает о свойстве субъекта, тогда и первую следует трактовать тоже как сообщение о некотором свойстве – свойстве объекта, однако вряд ли кому-нибудь захочется усматривать разные залоговые (и вообще какие-либо) значения у словоформы *продают* в приведенной фразе и во фразе *Билеты наши распространители продают быстро* (здесь вообще неясно, идет речь о свойстве распространителей или билетов или об обычности некоторой ситуации). Можно лишь сказать, что страдательная возвратность благоприятствует проявлению значения "свойства субъекта".

Теперь обратимся к случаям диффузности интерпретации существительного в твор. падеже при возвратном глаголе. Возможность его двойного истолкования в агентивном и орудийном смысле демонстрируется в книге [ЯТ: 94, 98–99]³¹ следующими примерами: *Огромный тяжёлый мальпост трудно возводится в горы даже шестеркой лошадей* (И. Репин) [«эта фраза» допускает двойное истолкование творительного падежа *шестеркою*, а именно как объекта содействующего ("шестерка лошадей возводит на горы мальпост") и как орудия, средства действия ("мальпост возводят на горы с помощью шестерки лошадей")»]; *Компас, покрытый колпаком с*

³¹ В [ЯТ 94] сочувственно приводится цитата из статьи Калайдовича, данная выше.

вырезом, освещался маленькой лампой (А. Новиков-Прибой) [«<...> может быть понято как: "компас освещала лампа" – и тогда творительный падеж воспринимается как выражение содействующего объекта, и как: "компас освещали лампой", – и тогда творительный падеж воспринимается как выражение косвенного объекта, или орудия»]; Стол украшался самоваром и такой же простой народной снесью (К. Федин); Всю ночь он слышал то удаляющуюся, то приближающуюся канонаду Она была как неумолчный стук часов, ею отмеривалось время (К. Симонов).

На мой взгляд, во всех четырех примерах, приведенных Н.А. Янко-Триницкой, имеет место семантическая нейтрализация двух значений твор. падежа – агентивно-го и орудийного: они не исключают друг друга, а объединяются в целое. Ведь и в действительном залоге подобное совмещение может иметь место в подлежащем; скажем, во фразе *Лампа освещала компас* референт подлежащего является и агенсом и орудием одновременно.

В В. Виноградов [1947: 633], отрицая возможность форм ВПП в прош. времени, считал "почти невозможной" фразу *комната осветилась лампой*, но при этом допускал *улица осветилась фонарями*, приписывая глаголу в последней фразе отдельное "средне-возвратное значение" (см. П1). Для моего языкового чутья обе фразы равно хороши; для первой легко придумать улучшающий контекст: *Мы вошли одновременно, брат нажал какую-то кнопку, и вся комната мгновенно осветилась необыкновенно яркой лампой*. Я не вижу существенной смысловой разницы при замене последнего предложения на следующее: ... и всю комнату мгновенно осветила необыкновенно яркая лампа. В обоих окончаниях фразы предмет "лампа" выступает одновременно и как агенс, и как орудие. Глагольная словоформа *осветилась* вполне допускает однозначную трактовку во всех случаях ее употребления как страдательной, и привлечение для нее какого-либо другого возвратно-глагольного значения не требуется.

Отмечу также, что в данном случае замена синтетической страдательной формы на аналитическую приводит к фразе несколько худшего качества: ... и вся комната мгновенно была освещена необыкновенно яркой лампой. Дело в том, что в этой последней фразе не передается смысл акциональности, смысл начала возникновения ситуации освещенности, который присутствует в исходной фразе. Аналитическая форма с кратким страдательным причастием сов. вида акцентирует именно состояние освещенности, тогда как в данной ситуации существенен процесс возникновения этого состояния. См. выше о противопоставлении акционального и статального значений ВСФ в разд. 1.4.

Итак, возвратные страдательные формы и конструкции, содержащие такие формы, ярко иллюстрируют феномен семантической нейтрализации языковых единиц: нейтрализоваться могут, во-первых, страдательное и нестрадательное значения в самой возвратной форме и, во-вторых, агентивное и орудийное значения в сопровождающей форме творительного падежа.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги работы.

- Возвратные страдательные формы от глаголов совершенного вида представляют собой непреложный (хотя и маргинальный) факт в русском языке и в русской грамматике, которому давно следовало бы занять надлежащее место в академической русистике.

- Статус этих форм поддерживается принципом разграничения грамматических и семантических факторов в морфологии (принципом РГС), предписывающим различать несочетаемость семантическую от запретов, диктуемых системой языка, а также принципом потенциального морфологического существования единиц, отвергаемых исключительно семантическими факторами, но допускаемых системой языка.

• Для понятия страдательности можно предложить обобщение, в рамках которого объединяются собственно и несобственно страдательные употребления и значения, среди несобственно страдательных употреблений выделяются возвратные спонтанные (*Белье стирается само собой*) и причастные стальные (*Собака была привязана к дереву пять минут*)

• В качестве инварианта обобщенной страдательности можно принять соответствие синтаксического субъекта глагольной формы второму семантическому актанту у соотносительной нестрадательной формы

• Другой ступенью обобщения страдательности может быть привлечение перцептивных и ментальных возвратных глаголов, управляющих дательным падежом (*Путешественникам слышался странный гул, Ей припомнился похожий случай*).

• В сфере конструкций с возвратными глаголами проявляется феномен семантической нейтрализации, во-первых, значений глагольной формы (акционального и спонтанного у возвратной формы), во-вторых, агентивного и орудийного значений творительного падежа существительного*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цитаты о возвратных формах совершенного вида страдательного значения**

П1 [Виноградов 1947] <?>

[633] Страдательное значение чаще всего обнаруживается у возвратных глаголов в форме 3 го лица и притом в несовершенном виде В соотносительных формах совершенного вида страдательное значение возможно лишь в будущем времени Соответствующие же формы прошедшего времени обычно приобретают средне-возвратное значение Например *комната освещается (освещалась будет освещаться) керосиновой лампой Допустимо комната осветится лампой Почти невозможно комната осветилась лампой (но ср улица осветилась фонарями – здесь осветиться имеет иное, средне-возвратное значение) В силу этой связи страдательного и средне-возвратного значений у многих глаголов на -ся страдательность кажется недоразвившейся или угасающей*

П2 [ГРЯ 1953] <->

[35, § 55, В В Виноградов, Л В Шерба] Формы страдательного залога на -ся образуются только от глаголов несовершенного вида

[506, § 787, Е С Истрина] Глаголы в возвратной форме, имеющие страдательное значение, принадлежат только к несовершенному виду

П3 [Исаченко 1960] <->

[362] Аффиксальные формы пассива от глаголов с/в не образуются В этом отношении русский язык отличается от словацкого или чешского, где свободно образуются пассивные

---

* Автор хотел бы выразить свою искреннюю признательность коллегам, помогшим ему при подготовке этой статьи Н Н Перцовой – за плодотворное обсуждение содержательных проблем и композиции статьи, М И Шапиру – за ценные замечания по первоначальной версии раздела 1, Ю П Князеву – за предоставление электронных версий его труднодоступных работ В октябре 2000 г по тематике работы в Институте языкознания РАН был прочитан доклад, слушателям которого автор благодарен за заинтересованное обсуждение и критику

** Цитаты в приложении разбиты на разделы, идентифицируемые номерами с литерой 'П' (от П1 до П17), после идентификатора указывается источник (источники) Непосредственно перед цитатой в квадратных скобках указываются страницы (иногда еще и параграфы) источника, в случае коллективного автора источника – автор(ы) цитаты При переходе цитаты на другую страницу место перехода отмечается посредством двойной вертикальной черты с указанием внизу номера новой страницы, например ||₁₃₃ в П4 ниже После имени источника в угловых скобках маркируется отношение автора (авторов) к проблеме существования в русском языке возвратных страдательных форм совершенного вида отрицательное – посредством минуса (<->), положительное – посредством плюса (<+>), промежуточное (неуверенно положительное ') – посредством вопросительного знака (<?>)

формы перфективного презенса (со значением будущего времени) < > По-русски нельзя сказать 'все приготовится'.

[372] Формы типа *Вещи уложатся* в русском языке возможны, но они редки и нетипичны

П4 [Янко-Триницкая 1962] <+>

[132–134] Часто указывают на совершенный вид глагола как на особенность глагольной основы, препятствующую образованию возвратных глаголов страдательного значения < > / Возвратные глаголы совершенного вида со страдательным значением, действительно, встречаются значительно реже чем возвратные глаголы этого же значения несовершенного вида, но нельзя рассматривать их только как отступление от нормы, как исключение

Приведем примеры на возвратные глаголы совершенного вида со страдательным значением

А) Без творительного падежа содействующего объекта < >

'Когда науки трудный путь *пройдется*, Когда в борьбе и жизни дух окрепнет (В М Гаршин Когда науки трудный путь) < >

||₁₃₃ [комедия] готова К поведельнику *перепишется*, во вторник *пошлется*, в среду будет у вас" (Н А Островский Письма) < >

"Ему вдруг стало жалко и дома, который развалится и сада, который *запустится*, и лесов, которые *вырубятся*" (Л Н Толстой Воскресение) < >

"Сорок грехов с вас *снимется*, что вспомнили нашу молодость" (Ф Гладков Повесть о детстве) < >

"До чего же много знать надо Клепать могу, чеканить могу, варить швы – тоже, а все строительство в целом не охватывается – *Охватится*' – подбодрил Илья Матвеевич (В Коцетов Журбины)

"Решили, что первым вылетит тот, чей мотор раньше *запустится* (М Водопьянов Полярный летчик).

Б) С творительным падежом содействующего объекта

"Вовек не *забудется Народом* Ефросинюшка" (Н А Некрасов Кому на Руси жить хорошо)

"Умрете но ваших страданий рассказ *Поймется* живыми *сердцами*, И за полночь правнуки ваши о вас Беседы не кончат с друзьями (Н А Некрасов Русские женщины)

"У нас поля обширные, А не гораздо щедрые Скажи-ка чьей *рукой* С весны они *оденутся*, А осенью разденутся (Там же)

"Пустынный Не мной ты создан Не *мною* и суд *свершится* над тобой" (А Н Островский Воевода)

"Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, *подтвердится* *дознанием* (К М Станюкович Отчаянный)

"Но и это не конец рассказа' Пусть же он *допишется* *победой*' (П Антокольский Черноморская баллада) < >

«Книга Поля де Крюи "Охотники за микробами" *прочитается* с большим интересом и *специалистом-микробиологом и юношей*, не издавшим еще ни одной научной книги» (Н Кольцов Предисловие к книге Поля де Крюи Охотники за микробами" 1940) < >

||₁₃₄ Как видно из приведенных примеров, возвратные глаголы совершенного вида могут иметь страдательное значение и даже употребляться в сопровождении творительного падежа содействующего объекта

[141–143] Не вызывает возражений общее положение о том, что глаголы страдательного значения образуются преимущественно от переходных глаголов несовершенного вида, тем не менее имеются возвратные глаголы страдательного значения, произведенные и от глаголов совершенного вида. И в этих страдательных глаголах совершенного вида нет никаких ограничений в употреблении форм времени, и формы прошедшего времени встречаются не реже, чем формы будущего времени, причем не только у писателей прошлого, но и у наших современников, например < >

Закрыта книга – наша повесть *Прочлась* до крайнего листа (Н П Огарев К*** <М Л Огаревой>).

К сожалению, конец песни, которая пелась каким-то замогильным, грустным напевом, *забылся* и не дошел до нас" (Н Г Помяловский Очерки бурсы) < >

Едва огласилось решение суда, Всем было неловко и жутко (Н А Некрасов Русские женщины) < >

||₁₄₂ "Для постройки хозяйственным способом из кирпича целого города Чугуева *основались* громадные кирпичные заводы" (И Е Репин Далекое близкое) < >

"Вот на ящике показался Клычков Шинелишка старая, обтрепанная, она *унаследовалась* от той войны" (Д Фурманов Чапаев)

"Через два-три года в нем [Чапаеве] кое-что отпало бы окончательно из того, что уже начинало отпадать и теперь, *приобрелось* бы многое из того, что его начинало интересовать и заполнять, притягивать к себе неотразимо" (Там же)

"Все это было против правил и инструкций, но в эту ночь как-то *забылись* инструкции, помнилась только общая русская беда, из которой надо было вылезать общими усилиями" (<В Панова Спутники>)

"Отец отрезал кусок колбасы – Лови, Васька! Васька [тигренок], все еще стоя на столе, широко раскрыл пасть Колбаса ловко шлепнулась в нее и мигом *проглотилась* А Васька выпучил на нас глаза это что же за надувательство? Куда же колбаса делась, а?" (О Перовская Ребята и зверята) < >

"Но все кончается Грузовик остановился, и под ногами *ощутилась* твердая, не колеблющаяся опора" (В Солоухин Владимирские проселки) < >

Из приведенных примеров, количество которых легко можно умножить, явствует, что формы прошедшего времени от страдательных глаголов совершенного вида существуют. Причем они довольно широко употребляются не только без творительного ||₁₄₃ падежа содействующего объекта, но и с творительным падежом указанного значения, подчеркивающим и подтверждающим специфическое значение страдательности в данных возвратных глаголах, например

"Скоро вслед за ними все угомонилось, и гостиница *объялась* мертвым сном" (Н В. Гоголь Мертвые души)

"Уверенность эта внезапно *впиталась* всем существом Рагозина и стала действительностью" (К Федин Необыкновенное лето)

"Узнав викария, он сразу настолько *покорился* им, что стал порицать даже тех, кто колебался в признании за монахом неоспоримой безгреховности" (Там же)

"Покупка машины *ускорилась* размолвкой с Ильей Матвеевичем" (В Кочетов Журбины)

П5 [Бондарко, Буланин 1967] <?>

[151] Возвратные формы страдательного залога образуются почти исключительно от глаголов несовершенного вида, страдательно-причастные – от глаголов совершенного вида. Дифференциация форм страдательного залога по категории вида очень характерна для современного русского языка < >

П6 [ГСРЛЯ 1970] <?>

[352, § 853] Оппозиция глагол страдат. залога с постфиксом -ся – глагол действит. залога без постфикса -ся" характерна для глаголов несов. вида *дом строится рабочими – рабочие строят дом, лекция читается профессором – профессор читает лекцию* и т. д. < >

Примечание Оппозиция глагол страдат. залога с постфиксом -ся – глагол действит. залога без постфикса -ся" для глаголов сов. вида непродуктивна. Например *Но нынче получила от него телеграмма* (Л Толст., письмо жене, 3/XI 1892)

П7 [Зализняк 1977] <->

[6–7] В парадигму переходного глагола несовершенного вида включаются также страдательные формы на -ся (личные и неличные). В то же время формы на -ся с нестрадательным значением считаются принадлежащими к отдельному слову – возвратному глаголу. Таким образом, например, во фразе *в клубе показываются кинофильмы* выступает форма слова *показывать*, а во фразе *на горизонте показываются корабли* – форма слова *показываться*. В совершенном виде формы на -ся в современном языке страдательного значения не допускают и, следовательно, ||₇ всегда принадлежат к возвратным глаголам (например, *показаться, разобратся, отвлéчься* и т. д.)

П8 [Милославский 1978] <+>

[210] Формами и действительного и страдательного залогов могут обладать многие переходные глаголы совершенного вида. Вспомним слова известной песни *Сама собою жизнь ведь не построится, вода под камешек не потечет, где построится* явно форма страдательного залога. Ведь согласованное с ним подлежащее *жизнь* является по отношению к *построится* объектом действия

П9 [РГ 1980] <?>

[615–616, § 461] У глаголов несом вида есть другой способ выражения залогового противопоставления это – употребление в пассивной конструкции таких возвратных глаголов, в которые постфикс *-ся* вносит страдательное значение < > *Добро и зло постигается ими* < >

||₆₁₆ **Примечание.** Постфикс *-ся* в страдательном значении иногда имеют и глаголы сов вида *Известие о судьбе этой женщины вылетит мне сюда* (Л Толст), *Скоро из этого самовара дольются крутым кипятком стаканы* (Катаев), *Здесь палец не порежется ножом* (Ахмад) Такое употребление редко

П10 [Князев, Неद्याков 1985] <-->

[П 6.1.1] В русском языке наблюдается довольно строгое разграничение форм пассива в зависимости от вида НГ <нерефлексивного глагола>, рефлексивный пассив в несовершенном виде, аналитический пассив со страдательным причастием – в совершенном

П11 [Храковский 1991] <+>

[154–155] Существует мнение, что "в совершенном виде формы на *-ся* в современном языке страдательного значения не допускают" [Зализняк 1977 6], ср также [Исаченко 1960 362] Вместе с тем такие формы ||₁₅₅ с пассивным значением спорадически употребляются как в прошедшем так и в будущем времени *По отъезде Петра, когда срамота еще не забылась, другая беда нашла на епифанские работы* (А Платонов), *Арматурой оплетено не только днище, но и стены котлована, все это потом забетонируется, будет создана звукоизоляция* (В Чубакова). Примеров, где бы пассивные глагольные формы СВ употреблялись в трехчленной ПК, в нашем распоряжении нет, что, можно думать, соответствует норме XX в Однако в литературе XIX в такие примеры есть *Гениальное "все течет" произнеслось Геракли-том* (А. Герцен) < . >

П12 [Касаткин и др 1995] <-->

[207] Предикативные формы страдательного залога глаголов несовершенного вида образуются прибавлением словоизменительного постфикса *-ся/-сь* или же аналитически, сочетанием предикативных форм вспомогательного глагола *быть* с кратким страдательным причастием. *Николай был уважаем, но не любим в обществе* (Л Т), *Он был бит ими* (Л Т) Предикативные формы страдательного залога переходных глаголов совершенного вида образуются только аналитически *Кузьма не был вами допрошен* (Ч)

П13 [РЯЭ 1997] <+>

[134, статья "Залог", автор И С Улуханов] < > образование глаголов страдательного З с помощью постфикса *-ся* характерно в основном для глаголов несом вида < >, хотя возможны образования от глаголов сов вида *"Но и это не конец рассказа! Пусть же он допишется победой!"* (Антокольский) < >

П14 [Гаврилова 1997, 2001] <+>

[Гаврилова 1997 110] < . > если мы будем находиться не в ситуации составления сметы бухгалтером, а в ситуации работы компьютерной системы по бухгалтерскому учету, где сметы составляются с помощью ЭВМ, то нам просто не удастся обойтись без фраз *Смета скоро составит* или *Смета уже составила*. То, что внедрение компьютеров сделало возможным реализацию квазипассивного значения у глаголов, которые, казалось бы, не способны его выражать, иллюстрирует и следующая фраза, которая встретилась нам в интернетовской конференции *Света, мне хочется, чтобы я не ковырял вручную список статей, а отметил те, которые хочу получить, и письмо сформулировалось само*.

[Гаврилова 2001 163] Компьютеризация превратила во вторичные стихийные такие процессы, как процесс редактирования и перевода текстов на иностранные языки или процесс составления бухгалтерских смет Поэтому невозможные ранее конструкции (17) *Текст уже отредактировался*, (18) *Статья уже перевелась*, (19) *Смета скоро составит* сейчас широко употребляются в устной речи людей, пользующихся услугами автоматизированных систем в области обработки текстов или бухгалтерского учета

П15 [Молошная 2001] <-->

[75] Пассивный залог выражается у глаголов несовершенного вида суффиксом *-ся*, а у глаголов совершенного вида – аналитической формой, состоящей из пассивного причастия прошедшего времени в краткой форме и формы вспомогательного глагола *быть* (в том числе нулевой) < . >

[53] < > в русском языке для возвратного глагола СВ исключена пассивная интерпретация < >

[74] До середины XIX века совершенный вид возвратного глагола еще мог пониматься как форма страдательного залога например, так трактует Л А Булаховский [1954 315] выделенные курсивом формы в следующем отрывке

(56) Домик Дарьи Ивановны как будто снова *оделся* цветом крыша *покрылась* железным листом, стены *законопатились*, снаружи *обились* новым тесом, внутри *обклеились* обоями (Вельтман, 1846–1847)

В современном языке такие употребления воспринимаются как устаревшие (что игнорируется в [Янко-Триницкая 1962 132]) Декаузативному пониманию глаголов *законопатиться*, *обиться* *обклеиться* мешает их очевидная агентивность, а для модального компонента (56) не дает оснований

П17 [Апресян 2002] <->

[19] Как известно, глагол в русском языке имеет четыре залоговые формы – синтетическую форму СТРАД НЕСОВ на -ся и три аналитические с причастиями СТРАД НЕСОВ НАСТ, СТРАД НЕСОВ ПРОШ и СТРАД СОВ ПРОШ Ср *Книга читалась* людьми всех возрастов, *Книга была читаема* людьми всех возрастов и *Книга была прочитана* людьми всех возрастов Можно считать общепризнанным, что естественно ожидаемой пятой залоговой формой СТРАД СОВ на -ся (*Книга прочиталась* людьми всех возрастов) в русском языке нет Эпизодически цитируемые в литературе примеры типа *Все это потом забетонируется* не выходят за пределы окказионализмов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 2002 – Ю Д *Апресян* Взаимодействие лексики и грамматики Лексикографический аспект // *Русский язык в научном освещении* 2002 № 1(3)
- Белошапкова и др 1997 – В А *Белошапкова* В Н *Белоусов* и др Современный русский язык / Под ред В А Белошапковой М, 1997
- Бондарко 1976 – А В *Бондарко* Теория морфологических категорий Л, 1976
- Бондарко 2002 – А В *Бондарко* Теория значения в системе функциональной грамматики на материале русского языка М, 2002
- Бондарко, Буланин 1967 – А В *Бондарко* Л Л *Буланин* Русский глагол Пособие для студентов и учителей Л, 1967
- Буланин 1978 – Л Л *Буланин* К соотношению пассива и статива в русском языке // *Проблемы теории грамматического залога / Отв ред В С Храковский* Л, 1978
- Булаховский 1954 – Л А *Булаховский* Русский литературный язык первой половины XIX века Фонетика Морфология Синтаксис Ударение М, 1954
- Веренк 1985 – Ж *Веренк* Диатеза и конструкции с глаголами на -ся // *Новое в зарубежной лингвистике Вып XV Современная зарубежная русистика* М, 1985
- Виноградов 1947 – В В *Виноградов* Русский язык (Грамматическое учение о слове) М, Л, 1947
- Гаврилова 1990 – В И *Гаврилова* Квазипассивная конструкция и система залоговых противопоставлений русского глагола // *Вопросы кибернетики Язык логики и логика языка (Сб статей к 60-летию проф В А Успенского)* М, 1990
- Гаврилова 1998 – В И *Гаврилова* Краткое причастие на -н/-т как форма статального вида страдательного залога // *Типология вида проблемы, поиски, решения (Материалы Международной научной конференции 16–19 сентября 1997 г, МГУ им М В Ломоносова) / Отв ред М Ю Черткова* М 1998
- Гаврилова 2001 – В И *Гаврилова* Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения стихийных процессов и их место в залоговой системе // *Русский язык исторические судьбы и современность Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, Филологический факультет МГУ им М В Ломоносова 13–16 марта 2001 г) // Труды и материалы / Под общей ред М Л Ремневой и А А Поликарпова* М, 2001
- ГРЯ 1953 – *Грамматика русского языка Т I Фонетика и морфология* М, 1953
- ГСРЛЯ 1970 – *Грамматика современного русского литературного языка* М 1970

- Зализняк 1977 (сокращенно [ГС]) – А А Зализняк Грамматический словарь русского языка Словоизменение М, 1977 (Последнее 4-е издание, испр и доп – 2003)
- Исаченко 1960 – А В Исаченко Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким Морфология Ч 2 Братислава, 1960
- Калайдович 1824 – И [Ф] Калайдович О залогах глаголов русских // Сочинения в прозе и стихах. Труды общества любителей российской словесности Ч IV М, 1824
- Касаткин и др 1995 – Л Л Касаткин Е В Клобуков, П А Лекант Краткий справочник по современному русскому языку М, 1995
- Князев (в печати) 2002 – Ю П Князев Порядок и контроль Способы понижения агентивности в русском языке // (в печати)
- Князев, Недялков 1985 – Ю П Князев, В П Недялков Рефлексивные конструкции в славянских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках Калинин, 1985
- Мельчук 1974 – И А Мельчук Опыт теории лингвистических моделей “Смысл $\Leftrightarrow$ Текст” Семантика, синтаксис М, 1974
- Мельчук 1997 – И А Мельчук Курс общей морфологии Т I Введение, Часть первая Слово М, Вена 1997 (перев с франц)
- Мельчук 1998 – И А Мельчук Курс общей морфологии Т II Часть вторая Морфологические значения М, Вена, 1998 (перев с франц)
- Милославский 1978 – И Г Милославский Какому залогу принадлежит глагол ‘нравиться’? // Проблемы теории грамматического залога / Отв ред В С Храковский Л, 1978
- Модзалевский 1926 – Б Л Модзалевский Пушкин Письма Т I 1815–1825 / Под ред и с примеч Б Л Модзалевского М, Л, 1926
- Молошная 2001 – Т Н Молошная Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках М 2001
- Набоков 1998 – В В Набоков Комментарий к роману А С Пушкина “Евгений Онегин” / Перев с англ Научный ред и автор вступительной статьи В П Старк СПб, 1998
- Падучева 2001 – Е В Падучева Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении 2001 № 1
- Перцов 2000 – Н В Перцов О неоднозначности в поэтическом языке // ВЯ 2000 № 3
- Перцов 2001 – Н В Перцов Инварианты в русском словоизменении М, 2001
- Перцов 2003 (в печати) – Н В Перцов О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола // (в печати)
- Перцова 1988 – Н Н Перцова Формализация толкования слова М, 1988
- Пешковский 1956 (1927) – А М Пешковский Русский синтаксис в научном освещении М, 1956
- РГ 1980 – Русская грамматика Т I М, 1980
- Ремчукова 2001 – Е Н Ремчукова Речетворчество и грамматика // Русский язык исторические судьбы и современность Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, Филологический факультет МГУ им М В Ломоносова, 13–16 марта 2001 г) // Труды и материалы / Под общей ред М Л Ремневой и А А Поликарпова М, 2001
- Ремчукова 2002 – Е Н Ремчукова Способы преодоления грамматического стандарта в разных типах русской речи // Стереотипность и творчество в тексте Пермь 2002
- РЯЭ 1997 – Русский язык Энциклопедия М, 1997
- СРЛЯ 1996 – Современный русский литературный язык / Под ред П А Леканта М, 1996
- Тестелец 2001 – Я Г Тестелец Введение в общий синтаксис М, 2001
- Храковский 1991 – В С Храковский Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики Персональность Залоговость / Ред А В Бондарко и др СПб, 1991
- Успенский 2002 – В А Успенский К понятию диатезы // Успенский В А Труды по нематики С приложением семиотических посланий А Н Колмогорова к автору и его друзьям В 2-х томах Т 1 М, 2002
- Янко-Триницкая 1962 (сокращенно [ЯТ]) – Н А Янко Триницкая Возвратные глаголы в современном русском языке М, 1962
- Jordanskaja, Mel'čuk 2002 – L Jordanskaja I Mel'čuk Conversif ou causatif? // Cahiers Lexicologiques № 80 2002

© 2003 г. А. Г. ПАЗЕЛЬСКАЯ

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ И РУССКИЕ ПРЕДИКАТНЫЕ ИМЕНА*

О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее. Дело в жизни, в одной жизни, – в открывании ее беспрерывном и вечном, а совсем не в открытии!

Ф. М. Достоевский, "Идиот"

0. ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эта статья посвящена предикатным именам русского языка, т. е. таким существительным, которые, подобно предикатам, описывают ситуации. Мы, вслед за [Рахилина 2000] называем эти слова именно предикатными именами, а не отпредикатными или отглагольными, так как включаем в это понятие и имена типа *свадьба, сделка, спектакль*, которые обозначают ситуации, не будучи образованы от какого-либо глагола по стандартной модели. Использование термина "отглагольные имена", кроме того, предполагало бы рассмотрение также отглагольных имен, называющих участников ситуации, которых мы практически не касаемся.

Предикатные имена проявляют свойства как глагола, так и имени, и демонстрируют интересные случаи взаимодействия этих свойств. Эта статья посвящена одному типично "глагольному" свойству предикатных имен – аспектуальным (иначе – видовым) противопоставлениям. Нас будет интересовать аспектуальность "в чистом виде", мы оставляем в стороне такие тесно связанные с аспектуальностью проблемы, как агентивность или состав участников ситуации.

1. ВИД У ПРЕДИКАТНЫХ ИМЕН

У предикатных имен как у слов, описывающих ситуации, естественно предполагать наличие некоторых глагольных категорий, в частности, разного рода видовых и акциональных противопоставлений. Вопрос о виде у предикатных имен – как в русском языке, так и в других языках – обсуждался не раз: см., например [Benveniste 1949] об индоевропейских отглагольных существительных, [Esau 1971–1973] и [Ulmer-Ehrlich 1977] – о немецких, [Giacalone 1975] – о латинских, [Brinton 1995] – об английских, [Gaeta 1997] – об итальянских, [Cornilescu 2001] – о румынских. Многие авторы утверждают, что из нескольких имеющихся в языке номинализирующих суффиксов одни образуют существительные, имеющие значение, аналогичное совершенному глагольному виду, а другие – существительные, соотносящиеся с несовершенным видом.

Как можно заметить, эти исследования посвящены в основном языкам, в которых категория глагольного вида не так сильно грамматикализована, как в русском. Для

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 01-06-40819)

русского языка помимо проблемы аспектуальных противопоставлений у самих предикатных имен дополнительно встает вопрос о соотношении аспектуальности в предикатных именах с глагольной категорией вида

Нам известна также по крайней мере одна работа, в которой понятие вида применяется к предметным именам – это исследование [Rakhilina 1999] Автор рассматривает (на материале русского языка) взаимодействие существительных со значением прилагательного *старый* и выделяет на этом основании четыре "аспектуальных класса" предметных имен, параллельных аспектуальным классам предикатов из набора, разработанного в [Падучева 1994] Мы, однако, ограничимся понятием аспектуальности в его более традиционном понимании, применительно к наименованиям ситуаций и, следовательно, к предикатным именам

Проблема вида у имен ситуаций (обычно сводившаяся к вопросу о виде у отглагольных существительных) в русском языке всегда признавалась достаточно сложной. Большинство исследователей придерживаются мнения, что еще в XVIII в русские имена действия выражали грамматическую категорию вида не менее четко, чем глаголы. В современном русском языке, однако, после того как отглагольные имена перестали регулярно образовываться от перфективных и имперфективных основ и формы типа *падание* (некогда бывшее имперфективным коррелятом к существительному *падение*) практически утратились, картина стала менее систематичной

Так, А.М. Пешковский [Пешковский 1956 111–112], сравнивая пары *прыжок* и *прыгание лет* и *летание*, *опоздание* и *опаздывание*, отмечает, что "в одних из этих существительных мы находим оттенок процесса, собранного в "точку", в других – процесса, разбитого на части и вследствие этого более или менее длительного". Однако "в области совершенного и несовершенного вида здесь нет той строгой парности, которая существует в глаголе", и "самые значения здесь часто завуалированы, бледны". Дальнейшая русская лингвистическая традиция разделилась на два лагеря: одни признают различие по виду грамматической категорией отглагольных существительных в русском языке (часто "в ослабленной степени" только для тех существительных, которые входят в видовые пары, которые регулярно образованы от глагольных основ разных видов и т.д.), другие считают, что отглагольные существительные в русском языке вида не выражают – ввиду слишком большой нерегулярности и нечеткости видовых корреляций см., например, выводы в книге [Хохлачева 1969] и примеры в [Свердлов 1961], обзор истории вопроса и библиографию можно найти в [Иванникова 1972]

Л. Тенбер [Tesnière 1959 447] указывает, что "противопоставление совершенного и несовершенного вида в русском языке проявляется даже в отглагольных существительных", и в качестве примеров разбираются слова *открытие* и *открывание*. С другой стороны, в [Сомпе 1980 43] про пары типа *рассмотрение* и *рассматривание* говорится, что "морфологическое различие лишь в виде исключения соответствует семантическому различию между членами видовой пары существительное, образованное от глагола совершенного вида, относится скорее к абстрактному действию (например, *рассмотрение дел в суде*), тогда как существительное, образованное от глагола несовершенного вида – к конкретному (например, *рассматривание гравюр*)".

Е.А. Иванникова [Иванникова 1972 117] пишет, что "значение вида у них [отглагольных существительных] имеет много общего с грамматическим значением, и считать его лексическим у нас нет оснований". Однако основной способ выражения этого значения – контекст (как и для двувидовых глаголов типа *жениться*, *оборудовать*), иногда подкрепленный морфологическими средствами: если существует два отглагольных имени, образованных от одного глагола, то в имперфективных контекстах скорее будет употребляться то из них, которое образовано от имперфективной основы и/или при помощи суффикса *-ние (-тие)* (например, *при перекрывании русла реки* – имперфективная основа + суффикс *-ние*, *на обрабатывание рукописи* ушло много

времени {рукопись обработана не до конца} – имперфективная основа + суффикс -ние), а в перфективных – то, которое образовано другим способом (после **перекрытия** русла реки – перфективная основа + суффикс -тие; **на обработку** рукописи ушло много времени {рукопись обработана до конца} – перфективная основа + суффикс -ка).

Такой подход имеет по крайней мере две слабых стороны: во-первых, он не учитывает того обстоятельства, что "перфективные" имена все-таки встречаются в "имперфективных" контекстах (ср.: **при обработке** рукописи – *В то время как мы обрабатывали/*обработали* рукопись; **Перекрытие** русла реки закончено – *закончить перекрывает/*перекрыть* русло реки), и наоборот (после **обрабатывания** рукописи – ср. *После того, как мы обработали/*обрабатывали* рукопись; **Считывание** сигнала производится сразу после **перекрывания** потока излучения значит 'последнее, как поток излучения перекрыли', а не '...перекрывали'). Во-вторых, не учитывается то, что у одного глагола может быть не два, а больше производных имен (как **разыскивание** – *розыск* – *разыскание* или приводимые Пешковским *гудок* – *гудение* – *гуд*): ведь предполагается, что видов у существительных, также как и у глаголов, всего два.

2. ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ ТЕОРИЯ ВИДА

Нам представляется крайне перспективным по отношению к русским предикатным именам подход, предлагаемый в рамках двухкомпонентной теории вида (см., например, [Comrie 1976; Vache 1985; Smith 1991¹]). Такой подход предполагает разделение аспектуальных противопоставлений на два отдельных параметра. Первый из них – это собственно вид (Aspect), представляющий собой точку зрения на развертывание ситуации во времени (по определению [Comrie 1976: 3], "aspects are different ways of viewing the internal temporal constituency of a situation"). Различаются совершенный и несовершенный вид.

Совершенный вид (perfective) предполагает взгляд на ситуацию целиком, без отдельного рассмотрения ее фаз; несовершенный (imperfective) концентрирует внимание на внутренней структуре ситуации². Выражаясь метафорически, можно сказать, что совершенный вид – это взгляд на ситуацию снаружи, позволяющий увидеть ее границы, но не внутреннюю структуру; тогда как несовершенный вид – это взгляд изнутри, при котором, наоборот, плохо видно внешние границы, зато хорошо выделяется по крайней мере одна из фаз развития ситуации (ср. толкование значений совершенного и несовершенного видов в [Wierzbicka 1967; Mehlig 1981; Падучева 1996]), а также так наз. аспекта V в [Мельчук 1998]. Это как раз то, что выражается в русском языке противопоставлением основного значения совершенного вида и основного значения несовершенного вида у глаголов. Необходимо подчеркнуть, что речь идет только о возможности видеть структуру ситуации, но не о том, какова она; о способе рассмотрения ситуации – иными словами, о перспективе.

За "внутреннюю структуру" ситуации, ее развитие во времени "отвечает" второй параметр, имеющий много разных названий (аспектуальный класс, таксономичес-

¹ Изложение подхода К. Смит на русском языке можно найти в работах [Смит 1998; Раппапорт 1998].

² "Perfectivity indicates the view of a situation as a single whole, without distinction of the various separate phases that make up that situation; while the imperfective pays essential attention to the internal structure of the situation" [Comrie 1976: 16]. В дальнейшем мы будем называть прилагательным "перфективный" то, что имеет отношение к совершенному виду, а прилагательным "имперфективный" – то, что соотносится с несовершенным видом. Термин "перфектив" не следует путать с термином "перфект" – названием глагольной формы, описывающей ситуацию прошлого как релевантную для настоящего.

кая категория [глагола], аспектуальная характеристика, тип ситуации, а также акциональный класс и Aktionsart – в одном из значений, и т. д.)³. Это разделение возводится к знаменитой работе [Vendler 1957], восходящей, в свою очередь, к различию между процессами и событиями, выдвинутому еще Аристотелем в его "Метафизике". Знаменитая вендлеровская классификация делит глаголы на 4 типа: состояния (States), деятельности (Activities), действия (Accomplishments) и свершения (Achievements) и представляет собой некоторый компромисс между делением ситуаций (причем только таких, в которых может участвовать человек) на чисто логические типы и классификацией английских глаголов на основании их взаимодействия с временными граммемами и наречиями. Подобная классификация независимо построена в [Kenny 1963].

Можно, таким образом, назвать первый параметр "грамматической" аспектуальностью, а второй – "лексической", так как это, по сути, часть лексического значения слова, называющего ситуацию. Как нам представляется, именно по параметру лексической аспектуальности, а не по собственно виду, и различаются в современном русском языке такие слова, как, например, *рассмотрение* и *рассматривание*: слово *рассмотрение* принадлежит к предельному аспектуальному классу (Accomplishment по Вендлеру), а слово *рассматривание* – к неопредельному (вендлеровский класс Activities). В пользу такого подхода говорит продемонстрированная выше возможность употребления имен, образованных от глаголов совершенного вида, в перфективных контекстах, и наоборот, а также нерегулярность семантических соотношений между именами, образованными от глаголов разных видов. Действительно, когда члены "видовой" пары имеют разное значение (например, *открывание двери* и *открытие выставки*⁴), или один из них просто отсутствует (*решение*/*решание задачи), то такие формы уже нельзя рассматривать как грамматикализацию "разных взглядов на одну и ту же ситуацию", различие между ними переходит из грамматической сферы в лексическую⁵.

Однако, как показало применение сходных с вендлеровскими методов к другим языкам и к описаниям других ситуаций, классификация Вендлера нуждается в уточнении, расширении и дроблении [Bache 1985; Dik 1994; Dowty 1979; Durst-Andersen 1994]; на аспектуальные характеристики ситуации оказывают влияние и подчиненные глаголу слова [Verkuyl 1972; Declerck 1979; Tenny 1994]. Только для русских глаголов предлагалось несколько различных аспектуальных классификаций (см. прежде всего классификации, предложенные в [Булыгина 1982; Mehlig 1981; Падучева 1996]). При этом не всегда понятно, насколько мелкое дробление классов и насколько сильное расширение их списка могут потребоваться в каждом конкретном случае и для каждой конкретной задачи.

В этой ситуации может быть полезным другой подход: можно пытаться, не имея списка возможных глагольных классов, построенного на априорных основаниях, выделить аспектуальные классы непосредственно из языкового материала по зара-

---

³ О семантических основаниях разделения вида и аспектуального класса см. [Bache 1995]; о взаимодействии вида, аспектуального класса и временной соотнесенности ситуации см. [Bertinetto 1994]. Положения, сходные с идеями двухкомпонентной теории вида, можно найти в работах [Agrell 1908; Jakobsohn 1926; Маслов 1962; 1984], где, однако, "внутреннее устройство" ситуации не отделяется от так наз. "способа действия".

⁴ В такой ситуации нет ничего удивительного: не раз отмечалось (см., например, [Свердлов 1961]), что отглагольные имена наследуют только часть значений производящего глагола. В таком случае, если один глагол образует несколько производных имен, то вполне естественно, что они соотносятся с разными значениями этого глагола: *открывание* – со значением "открыть дверь", *открытие* – со значением "открыть выставку".

⁵ Слово *открывание* в примере из Достоевского, вынесенном в эпиграф, представляется нам языковой игрой, подкрепленной к тому же глаголом *открывать* в том же отрывке.

нее определенной процедуре, без каких-либо предположений о том, сколько и каких классов должно получиться.

3. ПРОЦЕДУРА ВЫДЕЛЕНИЯ КЛАССОВ

Такой подход был разработан С. Г. Татевосовым и изложен им в работах [Татевосов 2001; Татевосов 2002]. Этот подход имеет типологическую ориентацию и используется для построения аспектуальной классификации глаголов различных языков. Мы определим его применительно к русским предикатным именам.

Метод, предложенный С.Г. Татевосовым, состоит в следующем. Из всех видовременных форм в языке (предполагая, что в языке есть по крайней мере две различные видовременные формы) выбираются две противопоставленные по признаку вида граммы (перфективная и имперфективная – в смысле, описанном в п. 2). Для каждого исследуемого глагола строится два множества: множество значений, которые он может иметь в перфективной форме, и множество значений, которые он может иметь в имперфективной форме. Значения выбираются из закрытого инвентаря {состояние, процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультипликативный процесс}. Иными словами, видовое значение каждого глагола в обеих выбранных формах описывается на метаязыке, словарь которого составляют вышеперечисленные пять "слов". Глаголы, у которых множества значений совпадают, попадают в один аспектуальный класс.

При классификации (выделении аспектуальных классов) учитываются только те значения глагольных форм, в которых они выражают описанное выше основное противопоставление перфективности и имперфективности. Так, имперфективная форма, помимо основного значения – указания на то, что речь идет о единичном действии, рассматриваемом "изнутри" (*Я подошел к окну и увидел, что сосед заводит свою машину*), – во многих языках, в том числе и в русском, имеет еще и привычное значение, указывая на регулярно повторяющееся действие (*Каждое утро сосед заводит под окном свою машину*). При этом, однако, интересующее нас основное значение имперфективной формы (рассмотрение ситуации "изнутри", противопоставленное рассмотрению ее "снаружи" в случае перфективной формы) стирается, и поэтому привычное употребление имперфективной формы не учитывается при классификации.

Охарактеризуем более подробно вышеперечисленные пять аспектуальных значений на примерах из русского языка.

Состояние – стабильная ситуация, которая не меняется с течением времени и не требует притока энергии для своего поддержания: *книга лежит на столе; Петя знает французский.*

Процесс – ситуация, которая изменяется со временем и требует притока энергии: *Петя бежит; Петя гуляет.*

Вхождение в состояние – это ситуация, которая достигает внутреннего, естественного предела (может быть, и за "нулевое" с точки зрения языка время), в результате чего наступает новое состояние: *Петя сел; Петя построил дом; Петя упал.* "Вхождение в состояние" является в данном случае не более чем ярлыком для всех ситуаций такого типа: акцент может быть как на итоговом состоянии, так и на предшествующем процессе, и этот предшествующий новому состоянию процесс может быть как протяженным во времени, так и мгновенным (тогда ситуация будет концептуализироваться так, как если бы его вовсе не существовало).

Вхождение в процесс также предполагает достижение внутреннего предела, только результатом этого является не наступление нового состояния, а начало нового процесса: *вода закипела; Вася запел.*

Мультипликативный процесс – это ситуация, которая состоит из нескольких мелких подобных друг другу событийных квантов, происходящих с одними

и теми же участниками и занимающих единый непрерывный промежуток времени: *Вся кашляет: мальчик стучит в окно; собака машет хвостом.*

Итак, задав набор значений, мы можем теперь классифицировать глаголы. Каждый глагол может быть охарактеризован по двум параметрам: набор значений его перфективной формы (= набор перфективных значений) и набор значений его имперфективной формы (= набор имперфективных значений). Имперфективная форма не может иметь значений вхождения в состояние и вхождения в процесс: она задает такую перспективу, когда мы видим только один момент развития ситуации, а эти значения предполагают рассмотрение и сравнение двух отрезков ситуации – до перехода и после. Некоторые глаголы не могут употребляться в имперфективной форме в интересующем нас значении (**Он сейчас приходит*); им не приписывается никакого имперфективного значения.

Таким образом, получается, что набор перфективных значений – это одно или более значение из множества {состояние, процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультипликативный процесс}, а набор имперфективных значений – это ни одного, одно или более значений из множества {состояние, процесс, мультипликативный процесс}. Например, глагол *открывать* в русском языке в имперфективной форме (*Вся открывает окно*) имеет аспектуальное значение 'процесс', а в перфективной (*Вся открыл окно*) – значение 'вхождение в состояние'. Такой же набор аспектуальных значений имеет, например, глагол *резать* (*Мама режет хлеб* и *Мама разрезала хлеб*, соответственно), который попадет в один аспектуальный класс с глаголом *открывать*. А глагол *читать* попадет в другой класс, так как он имеет отличный от них набор аспектуальных значений: и в имперфективной (*Маша читает*), и в перфективной (*Маша почитала*) формах этот глагол имеет аспектуальное значение 'процесс'.

Обратимся теперь к русским предикатным именам. Прежде чем изложить саму процедуру их аспектуальной классификации, рассмотрим "дедуктивную" классификацию русских предикатных имен, предложенную в [Падучева 1991]. Автор выделяет четыре типа предикатных имен: процессы (как *курение*), события (как *рождение*), состояния (как *тревога*) и свойства (как *новизна*). При этом отмечается, что однозначно процессными или однозначно событийными являются имена, соотносящиеся с глаголами, имеющими форму только одного вида, – соответственно, несовершенного или совершенного; а практически все остальные существительные (такие как *исследование*, например) неоднозначны – они могут иметь как процессное, так и событийное понимание (т.е. могут встречаться и в контекстах, характерных для событий, и в контекстах, характерных для процессов). В качестве основного различия процессов и событий указывается, что "события отличаются от процессов тем, что имеют ретроспективного наблюдателя", а у процесса наблюдатель синхронный.

В свете вышесказанного об отделении вида как грамматической категории от аспектуального компонента лексического значения можно сделать утверждение, что различие между событийным и процессным значением у имен аналогично противопоставлению значений перфективной и имперфективной формы у глаголов, так что у имен противопоставление процесс/событие можно считать не лексическим, а своего рода "видовым", параллельным грамматическому видовому противопоставлению у глаголов. Таким образом, если мы хотим построить классификацию предикатных имен на тех же основаниях, на которых строилась классификация глаголов, не стоит брать словоформы двух разных видов глагола и рассматривать предикатные имена от каждого вида; достаточно взять имя в типичном "процессном" контексте и имя в типичном "событийном" контексте (такие контексты выделены в [Падучева 1991]) – первое будет соответствовать несовершенному виду глагола, а второе – совершенному виду. Контексты для совершенного и несовершенного вида должны быть сопоставимы между собой. С учетом этого требования, наиболее простым выбором нам представляются контекст *во время...* (иногда также *в ходе...* и *при...* в том же значе-

нии⁶) в качестве аналога глагольного несовершенного вида и контекст *и после...* в качестве аналога глагольного совершенного вида. Первый контекст мы в дальнейшем будем называть имперфективным, а второй – перфективным. Для упрощения задачи мы будем рассматривать предикатные имена в каждом из контекстов только в единственном числе; это, в частности, позволяет практически исключить из рассмотрения хабитуальные ситуации.

Мы рассмотрели около 500 предикатных существительных разных семантических групп (семантическая классификация русских предикатных имен была построена на основании глагольной классификации из работы [Levin 1993]) и разбили их на аспектуальные классы, исходя из их поведения в перфективном и имперфективном контекстах.

В некоторых случаях наличие у имени того или иного значения трудно определить. Так, не всегда бывает легко отличить предельное значение (вхождение в состояние или процесс) от неопредельного (т. е. процессного). Например, про слово *охота* сложно сказать, обозначает ли оно в контексте "после охоты" неопредельный процесс или же вхождение в состояние. Для различения этих значений у глаголов используются тесты, предложенные еще в [Vendler 1957; 1967] и затем суммированные и дополненные в [Dowty 1979]. Главным из них является сочетаемость с обстоятельствами времени типа *два часа* и *за два часа*: неопредельные процессы обычно сочетаются с первым и не сочетаются со вторым (*Погулял два часа/*за два часа*), а предельные сочетаются со вторым, но не сочетаются с первым (*Построил дом за два года/*два года*).

Применение этого теста к предикатным именам затруднено тем, что они в принципе плохо сочетаются с обстоятельствами. Однако в качестве эквивалента обстоятельству *два часа* при глаголе для имен можно использовать прилагательные типа *двухчасовой, многолетний*: *многочасовая прогулка, охота*, но **многолетняя постройка дома*. А некоторые предельные имена все-таки можно поставить в такой контекст, что обстоятельства типа *за два часа* допустимы, например: *В июле 2001 года Дания и Польша подписали договор о постройке за два года 320-километрового газопровода*. Во всяком случае более уместно, ввиду затрудненной сочетаемости имен с обстоятельствами, говорить лишь о сравнительной правильности различных конструкций. Иногда такой сочетаемости способствует контекст обобщения и слово *всего*: *Постройка дома, и всего за два года, – это полностью его заслуга*.

Данная классификация не принимает во внимание имен свойств (таких как, например, *глупость, ясность, красота*): это вневременные ситуации, соотносящиеся в большинстве своем не с глаголами, а с прилагательными, и вопрос об их аспектуальных свойствах надо ставить особо. Скорее всего, имена свойств следует выделить в отдельный, "отрицательный" аспектуальный класс как слова, не сочетающиеся ни с какими показателями локализации во времени и, как следствие, не вкладывающиеся ни в перфективный, ни в имперфективный контекст.

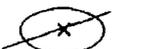
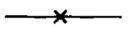
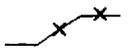
4. АСПЕКТУАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ПРЕДИКАТНЫХ ИМЕН

Аспектуальные классы русских предикатных имен, выделенные в соответствии с изложенными критериями, с примерами показаны в таблице:

---

⁶ Предлог *при* во временном значении следует отличать от предлога *при*, например, в причинном значении: *При его появлении все замолкли = Его появление вызвало то, что все замолкли*.

Таблица

№	Аспектуальный класс имени	Контекст "при/во время..." (имперфективный)		Контекст "после..." (перфективный)		Пример	Общая схема
		тип ситуации	схема	тип ситуации	схема		
1.	предельный	процесс		вхождение в состояние		<i>переезд</i>	
2.	предельно-непредельный	процесс		вхождение в состояние, процесс		<i>нагрев</i>	
3.	непредельный	процесс		процесс		<i>прогулка</i>	
4.	ингрессивный ⁷	процесс ⁸ _{подгот.}		вхождение в процесс		<i>взлет</i>	
5.	процессно-ингрессивный	процесс _{результир.}		вхождение в процесс, процесс _{результир.}		<i>встреча</i>	
6.	мультипликативный	мультипликат. процесс		мультипликат. процесс		<i>стук</i>	
7.	пунктивный	***		вхождение в состояние		<i>изобретение</i>	
8.	стативный	состояние		состояние		<i>болезнь</i>	
9.	предельно-инцептивный	процесс, состояние		вхождение в состояние		<i>понимание</i>	
10.	предельно-стативный	процесс, состояние		вхождение в состояние, состояние		<i>погружение</i>	

Условные обозначения к схемам: — — состояние, / — процесс, ○ — перфективное значение, x — имперфективное значение; два знака ○ или x обозначают, соответственно, два перфективных или два имперфективных значения.

⁷ Термин "инцептивный" обозначает наступление нового состояния, термин "ингрессивный" — начало нового процесса.

⁸ Слова "подгот." и "результир." используются для различения подготовительного и результирующего процессов в тех ситуациях, где их два, и имеют чисто технический смысл.

Некоторые из выделенных нами классов имен аналогичны аспектуальным классам глаголов, предложенных Вендлером: класс 1 (предельный) выступает как аналог вендлеровских Accomplishments, класс 3 (непредельный) соотносится с классом Activities, класс 7 (пунктивный) – с классом Achievements, а класс 8 (стативный) – с классом States. Класс 2 (предельно-непредельный) совмещает в себе свойства сразу двух классов – Accomplishments и Activities. Класс 9 (предельно-инцептивный) похож на Achievements в том смысле, что в имперфективном контексте слова этого класса обозначают процесс, ведущий к результирующему состоянию, а в перфективном – вхождение в это состояние; однако, в отличие от Achievements, в имперфективном контексте имена этого класса допускают также и стативную интерпретацию. Класс 10 (предельно-стативный) – это своего рода совмещение States и Accomplishments. Для классов 4 (ингрессивного), 5 (процессно-ингрессивного) и 6 (мультипликативного) невозможно найти аналог в вендлеровской классификации, так как ни мультипликативные процессы, ни ситуации, в которых после достижения предела начинается новый процесс, Вендлером не рассматривались.

Рассмотрим полученные классы по порядку их следования в таблице

4.1. Однозначно предельный класс

Это самый многочисленный из полученных классов. В имперфективном контексте (*при/во время*...) имена этого класса имеют значение предельного процесса, а в перфективном контексте (*после...*) – значение состояния, вхождением в которое завершился этот процесс. Примеры:

(а) *Во время переезда на новую квартиру разбился старый дедушкин шкаф*

(б) *После переезда на новую квартиру началась новая жизнь.*

К этому классу относятся практически все предикатные имена со значением перемещения (*помещение, вешание, наполнение, переезд*), удаления (*уборка, выбивание, ограбление*), изменения принадлежности (*покупка, снабжение, приобретение*), разделения на части (*разрезание, распиливание, отклеивание*), присоединения (*смешивание, связывание, прилипание*), создания изображения (*вышивание, написание, украшение*), создания и преобразования (*изготовление, превращение*), некоторые имена со значением появления (*зарождение, формирование*), многие имена со значением изменения состояния (*разбивание, сгибание, переодевание*) и т. п.

Предельность ситуации, называемой данным предикатным именем, подтверждается возможностью употребления при нем обстоятельства *за два часа*: *Переезд на новую квартиру всего за два часа.*

4.2. Неоднозначный предельно-непредельный класс

Имена этого класса проявляют как предельные, так и непредельные свойства. В отличие от имен предыдущего класса, в контексте *после...* они допускают не только интерпретацию ‘вхождение в состояние’, но и непредельную, процессную (т.е. после окончания процесса, без достижения предела, что доказывается возможностью употребления прилагательных типа *трехминутный*). Примеры:

(а) *Во время нагрева духового шкафа до установленной температуры на передней панели горит индикатор*

(б) *После десятиминутного нагрева колбы на кипящей водяной бане начинается сильное газовыделение*

(в) *После нагрева заготовки в новой печи всего за три минуты мастер опустил ее в воду.*

Такое поведение характерно для имен со значением градуированного изменения состояния (обычно соотносимых с глаголами-градативами в терминологии [Падучева 1996: 117–118]) Ср. толкование глаголов с подобной семантикой в [Апресян 1974/1995: 86]. *исправлять* = ‘делать лучше или хорошим’. Видимо, в значении ‘де-

лать лучше' слово, описывающее такую ситуацию, будет иметь неопредельные свойства, а в значении 'делать хорошим' – предельные. Иными словами, в этом классе предельное значение предполагает, что существует какая-то норма, какое-то заданное извне количество результата, при достижении которого наступает предел⁹.

Другие примеры имен того же класса: *размораживание, надувание, заточка*.

Имена класса 1 в некоторых специальных условиях также проявляют неопредельные свойства:

(i) *После двухчасового отклеивания обоев мы поняли, что сами не справимся.*

(ii) *После двухчасового наполнения бассейна водой сторож понял, что тот подтекает*¹⁰.

Такое употребление возможно в том случае, если контекст однозначно показывает, что предполагаемый предел не был достигнут – чаще всего из-за того, что этому что-то помешало. Так обычно употребляются делимитативы от глаголов, описывающих предельные ситуации: *'После того, как сторож два часа понаполнял бассейн водой,...*

Практически для каждого имени класса 1 можно найти контекст, в котором оно будет употребляться таким образом. Нам, однако, представляется, что это не является основанием для объединения классов 1 и 2, по следующим двум причинам. Во-первых, в классе 1 для такого употребления нужны достаточно сильные (и при этом достаточно определенные) контекстные условия, в то время как для имен класса 2 предельное и неопредельное употребление в общем равноправны. Во-вторых, у имен класса 1 неопредельная интерпретация возникает только в том случае, если предел на самом деле не достигнут. У имен класса 2, напротив, она возможна даже тогда, когда предел достигается (в частности, примеры (2а) и (2б) могут описывать одну и ту же ситуацию действительности). Это позволяет считать неопредельную интерпретацию имен класса 1 контекстной модификацией значения.

4.3. Неопредельный класс

Второй по численности класс предикатных имен по нашей выборке. В имперфективном контексте имеет значения процесса, в перфективном – также значение процесса (ограниченного во времени), что доказывается возможностью употребления прилагательных типа *двухнедельный*:

(3а) *Во время утренней прогулки мы обсудили планы на предстоящий день.*

(б) *После (двухчасовой) прогулки мы вернулись домой.*

К этому классу относятся предикатные имена со значением ненаправленного движения (*бег, ходьба, полет, гребля*), со значением удерживания и хранения (*хранение, сжимание, стискивание, ношение*), названия интранзитивных ситуаций со значением потребления пищи (*обед, перекус*) и транзитивных ситуаций, называющих способ потребления пищи (*жевание, питье*); имена, описывающие уход за телом (*купание, бритье, чистка*); имена, называющие ситуации поиска и близкие к ним (*поиск, слежка, охота, осмотр*); большинство названий ситуаций социального взаимодействия (*свадьба, ссора, консультация*) и речевого общения (*рассказ, спор, ответ, беседа, переговоры*); волеитивные ситуации восприятия (*исследование, наблюдение*) и названия "природных" ситуаций (*ветер, вьюга, ливень, цветение*).

4.4. Однозначно ингрессивный класс

Предикатные имена этого класса в контексте выражения *во время* имеют значение подготовительного процесса (т. е. не результирующего – *лететь*, – а того, который ему предшествовал), а в контексте предлога *после* – значение вхождения в процесс:

⁹ См также толкование различия в видовой паре *расширяться* – *расшириться* в книге [Гловинская 2003: 134].

¹⁰ Примеры Е.А. Лютиковой.

(4а) После взлета самолета бортпроводник сделал несколько объявлений.

(б) Во время взлета запрещается ходить по салону.

Так же ведут себя имена, описывающие процессные "начинательные" ситуации: *закипание, запевание* и т. д.

Имена, описывающие ситуации такого типа, иногда исключают из аспектуальных классификаций по той причине, что они выражают так наз. "начинательный способ действия" в смысле [Исаченко 1960]. Оказывается, однако, что некоторый способ действия получает осмысленную характеристику в рамках предположенной классификации. При этом такие, например, слова, как *засыпание, замолкание* тоже выражают начинательный способ действия, но они явным образом относятся не к этому аспектуальному классу – потому хотя бы, что в перфективном контексте они, в отличие от слов этого класса, имеют значения вхождения в состояние, а не в процесс.

4.5. Процессно-ингрессивный класс

Этот класс отличается от предыдущего тем, что в имперфективном контексте (*во время...*) существительное обозначает не подготовительный, а результирующий процесс, а в перфективном контексте (с предлогом *после*) оно имеет, помимо значения 'вхождение в процесс' (как в (5б)), значение 'результирующий процесс', т. е. такой, который наступил после того, как ситуация достигла предела (как в (5в)):

(5а) Во время всей нашей встречи меня не покидало чувство, что все это со мной уже было.

(б) После встречи на вокзале они два часа не могли расстаться.

(в) После встречи с друзьями я вернулся домой поздно.

Имена с такими аспектуальными свойствами редки; сходные свойства мы обнаружили у слова *запуск (летательного аппарата в космос)*: *после запуска* может обозначать и 'когда аппарат был в полете', и 'после того, как слетал и вернулся', однако *во время запуска* обозначает только подготовительный процесс, поэтому аспектуальное поведение этих имен все-таки не идентично.

4.6. Мультипликативный класс

Имена этого класса во всех контекстах имеют единственную интерпретацию – мультипликативный процесс:

(ба) Вор вроде бы дружески похлопал приятеля по плечу, а на деле незаметно во время похлопывания вынул кошелек.

(б) После похлопывания друг друга по плечу и традиционных "здравствуйте" началась беседа.

Такие свойства обычно демонстрируют наименования ситуаций издавания звука (*храп, сопение, кашляние, чихание*), мелких, часто непроизвольных жестов и телодвижений (*махание, дрожь, кивание*), различных типов ударов (*похлопывание, битье*).

Названия некоторых мультипликативных процессов имеют соотносимые с ними названия квантов этих процессов: *махание – мах, кивание – кивок, битье – удар*. Названия этих квантов из-за своей малой протяженности и значимости в основном принадлежат к пунктивному классу: *'во время маха, 'во время удара*, хотя именно названия таких ситуаций в первую очередь допускают переход от пунктивности к обычной предельности путем рассмотрения "в замедленной съемке": *Новая форма ласты позволяет увеличить полезную площадь во время маха вверх и уменьшить сопротивление во время маха вниз.*

4.7. Пунктивный класс

Имена этого класса в имперфективных контекстах не употребляются, а в перфективных имеют значение вхождения в состояние:

(7а) *Во время изобретения инструмента для черчения фирму Rotring еще никто не знал.

(б) Мировая известность пришла к фирме Rotring именно после изобретения инструмента для черчения, получившего название "Рапидограф".

К этому типу принадлежат отдельные имена разных семантических классов: *обещание, предложение, гарантия, признание, появление, исчезновение, потеря, разрешение* (см. о семантических характеристиках ситуаций с таким аспектуальным поведением [Падучева 1998]).

4.8. Стативный класс

Имена этого класса имеют значение 'состояние' во всех контекстах:

(8а) Во время болезни меня никто не навещал.

(б) После двухнедельной болезни я наконец вышел на работу.

Достаточно многочисленный класс. Он включает в себя имена, обозначающие психические и физические состояния человека (*головокружение, радость, болезнь*; ср. булгаковское *Фотографирован во время улыбки при магнии*), положение в пространстве и местонахождение (*соположение, проживание*).

Как неоднократно отмечалось, состояниям, особенно нефизическим, свойственно не иметь четких границ и фиксированной временной локализации, поэтому имена этого, а также и следующего (предельно-инцептивного) класса плохо сочетаются с выражениями *после* и *во время*. В принципе уже самую затрудненную сочетаемость с предложениями временной локализации можно считать диагностическим свойством для состояний, но для соблюдения общей процедуры классификации, а также для того, чтобы отличить состояния от вневременных свойств, в качестве имперфективного контекста для состояний можно использовать контекст предложения с (ср. *Она встретила меня с радостью*, но **Она встречала меня с глупостью*). Кроме того, названия таких состояний могут сочетаться с *во время*, по крайней мере в специальной терминологии: *Во время радости в организме вырабатываются одни вещества, положительные, во время злости, зависти – другие, отрицательные*.

4.9. Предельно-инцептивный класс

Этот класс включает имена, которые в имперфективных контекстах обозначают состояние (9а) или процесс, приведший к нему (9б), а в перфективных – вхождение в это состояние (9в):

(9а) {У Будды спросили: почему ты не отвечаешь? Или ты не понимаешь, что мы говорим?} "Именно при понимании возможно такое глубокое молчание", – ответил Будда.

(б) Студенты испытывают некоторые трудности при понимании незнакомого материала.

(в) Не стоит пытаться понять вещи, после понимания которых остается времени – разве что написать завещание!

Такое поведение характерно для имен, называющих вхождение в эмоциональное или когнитивное состояние: *понимание, восприятие, постижение, осмысление, осознание*.

4.10. Предельно-стативный класс

В отличие от предыдущего класса, имена этого класса в имперфективных контекстах имеют значение процесса и состояния, а в перфективных – значение состояния и вхождения в состояние. В примерах (10а) и (10б) представлено слово *погружение* в имперфективном контексте, а в примерах (10в) и (10г) – в перфективном контексте. При этом в примере (10а) оно имеет процессное значение, в примере (10б) – значе-

ние 'состояние', в примере (10в) – значение 'вхождение в состояние' (*после погружения прибора в воду за полчаса*), а в примере (10г) – значение состояния (*двухчасовое погружение в воду* = двухчасовое пребывание в воде).

(10а) *Во время погружения в воду с легкого судна водолазу нужно соблюдать осторожность.*

(б) *Во время погружения водолазу необходим кислород.*

(в) *Этот стандарт предусматривает сохранение работоспособности прибора после погружения его в воду на глубину 1 м.*

(г) *После пятого погружения в воду он понял, что водолаза из него не выйдут.*

Такие аспектуальные свойства проявляют имена, обозначающие перемещения людей (*ссылка, эвакуация, депортация*), а также разного рода повреждения и нанесение ущерба телу человека (*травма, ранение, перелом, воспаление*) (ср. трактовку таких имен в [Кравченко 1986: 67], где говорится, что они содержат в своей семантике указание на заболевание, на его симптомы и на событие, их вызвавшее).

5. ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ РУССКИХ ПРЕДИКАТНЫХ ИМЕН

Теперь, когда выделены основные аспектуальные классы русских предикатных имен, можно поставить вопрос о том, как эти классы соотносятся друг с другом, какие из обнаруженных противопоставлений наиболее важны.

Наиболее многочисленными (по крайней мере, по нашей выборке) и наиболее отличными от других оказались классы 1 (однозначно предельный), 3 (непредельный), 6 (мультипликативный) и 8 (стативный). При этом мультипликативные процессы (класс 6), если отвлечься от их внутренней "квантовой" структуры, практически не отличаются от обычных процессов (класс 3). Эти же классы оказались и наиболее семантически мотивированными в том смысле, что можно достаточно легко указать основные тематические классы, имена из которых попадают в данный аспектуальный класс.

Три из этих четырех классов практически соответствуют классам вендлеровской таксономии: класс 1 соотносится с классом Accomplishments, класс 3 – с классом Activities, класс 8 – с классом States. Между тем, пунктивный класс (класс 7) получился не таким представительным, как Achievements Вендлера. Во многих случаях для предсказания языкового поведения предикатного имени (в той мере, в какой это поведение зависит от его аспектуальных характеристик) такой грубой аспектуальной классификации оказывается достаточно.

Все остальные классы оказались семантически неоднородными и немногочисленными (например, класс 4 – однозначно ингрессивный, класс 7 – пунктивный), а некоторые из них являются своего рода гибридами, т. е. имена, входящие в эти классы, получают в разных контекстах интерпретацию, характерную для разных классов. Так, класс 2 (предельно-непредельный) совмещает свойства классов 1 (однозначно предельного) и 3 (непредельного); имена класса 5 (процессно-ингрессивного) проявляют свойства, характерные как для имен класса 4 (ингрессивного), так и для имен класса 3 (непредельного); имена класса 9 (предельно-инцептивного) ведут себя как имена класса 1 (предельного) в том отношении, что они тоже обозначают вхождение в состояние в перфективном контексте и процесс, ведущий к этому состоянию, в имперфективном контексте, но при этом они, также как и имена класса 8 (стативного), допускают в имперфективных контекстах стативную интерпретацию; имена класса 10 (предельно-стативный) отличаются поведением, характерным, с одной стороны, для имен класса 1 (предельного), а с другой стороны – для имен класса 8 (стативного).

Мелкие классы, как правило, не проявляют себя систематическим образом на фоне русских предикатных имен в целом. Так, имена пунктивного (класс 7) и ингрессивного (класс 4) классов в подавляющем большинстве случаев ведут себя так же,

как и имена предельного класса (класс 1), имена предельно-инцептивного (класс 9) класса – как имена стативного класса (класс 8), а имена "гибридных" классов ведут себя как имена одного из тех классов, которые в них "пересекаются" – в соответствии с тем, признаки какого класса проявляет данное слово в данном употреблении. Однако есть случаи, когда как раз имена одного из таких мелких классов противопоставлены по своему поведению всем остальным предикатным именам.

Так, например, имена класса 2 (предельно-непредельного) – единственные, которые допускают многозначность типа 'действие' – 'количество действия' в смысле [Апресян 1974/1995: 200]: *нагрев тела – необходимый нагрев, накал лампы – красный накал*. Здесь имя во втором значении, 'количество действия', как раз и обозначает ту "норму" осуществления действия, которая позволяет рассматривать подобные ситуации как предельные.

6. СООТНОШЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫХ КЛАССОВ ИМЕН С АСПЕКТУАЛЬНЫМИ КЛАССАМИ ГЛАГОЛОВ

Выделив независимым образом аспектуальные классы предикатных имен русского языка, можно сравнить их с аспектуальными классами русских глаголов.

Первое, что бросается в глаза – это количество неоднозначных классов. Практически все русские глаголы проявляют свойства, характерные только для одного аспектуального класса, и имеют по одному перфективному и имперфективному значению (по крайней мере, если рассматривать один набор участников) [Tatevosov 2001]. Единственным исключением, возможно, являются градативы, которые допускают как предельные, так и непредельные употребления; они соотносятся с выделенным нами классом 2 (предельно-непредельным), ср. *Поточил нож пять минут/за пять минут*.

Между тем, у предикатных имен в дополнение к этой неоднозначности обнаруживается неоднозначность типа 'достижение предела (т. е. переход в новое состояние/процесс)' – 'само это состояние/процесс', при том что глаголы, которые можно соотносить с такими именами, имеют обычно значение только перехода в новое состояние/процесс, но не самого состояния/процесса. Можно попытаться объяснить такое расхождение тем, что имя соотносится с глаголом несовершенного вида в общефактическом значении (см., например, [Падучева 1996: 46–48]). Так, можно предположить, что употребления слова *погружение* в примерах (10б) и (10г) аналогичны употреблению формы *погружался* (= 'погрузился, побыл под водой и всплыл'). Ср., например, предложение (11):

(11) *Ты открывал окно? [сейчас окно закрыто]*

Однако есть слова, для которых такое объяснение не работает. Так, слово *ссылка* также может обозначать и собственно высылку людей (переход в состояние "сослан"), и их пребывание в ссылке (состояние). При этом у глагола несовершенного вида *ссылать* такого употребления нет: предложение (12) имеет скорее конативную интерпретацию, 'ссылали, но не сослали', 'ссылали (возможно, неоднократно), но (всякий раз) он убежал', или 'собирались сослать, но тут вышел указ о помиловании', чем результативную 'был сослан, отбыл наказание и вернулся'.

(12) *Его ссылали на два года в Сибирь*.

Следовательно, такое поведение следует признать особенностью именно предикатных имен.

Возможность возникновения значения 'результатирующий процесс/состояние', отсутствующего у соответствующих глаголов (там, где такой глагол имеется), частично объясняет и то, что пунктивный класс у имен получился гораздо менее многочисленным, чем у глаголов. Так, например, слово *приход*, соотносящееся с пунктивным глаголом *приходить*, принадлежит к классу 8 (стативному), а не к пунктивному [ср. (13а–в), где слово *приход* фактически синонимично слову *визит*, т. е. обозначает ситуацию 'пришел, побыл и ушел']:

(13а) После его **прихода** я долго не мог успокоиться.

(б) Во время его **последнего прихода** в наш дом они с отцом долго разговаривали в кабинете.

(в) Его **приход** был кратковременным.

Вторая причина, по которой среди предикатных имен пунктивов гораздо меньше, чем среди глаголов, кроется в том, что предикатные имена легче допускают "процессуализацию" ситуации, т. е. введение в рассмотрение процесса, приведшего к результирующему состоянию. Так, например, предложение (14а) с предикатным именем *достижение* представляется более приемлемым, чем предложение (14б) с глаголом *достигать* в актуально-длительном значении:

(14а) *Нет побед и поражений, есть лишь безупречность действий во время **достижения** цели.*

(б) *Он (сейчас) **достигает** своей цели.

Все рассмотренные различия в аспектуальном поведении предикатных имен и глаголов можно свести к одной общей закономерности: предикатные имена чаще, чем соответствующие глаголы, обозначают неопределенные ситуации, будь то подготовительный процесс, приведший к переходу в новое состояние или процесс, или само это результирующее состояние или процесс.

Для объяснения этого факта можно привлечь понятие внутренней и внешней "ограниченности" (boundedness) ситуации (об этом различии см., например, [Бондарко 1987], где этот параметр назван "лимитативностью", а также [Lindstedt 1995; Smith 1995]). Внутренняя ограниченность предполагает, что ситуация достигает некоего присущего ей внутреннего предела; такую возможность имеют только предельные ситуации. Внешняя ограниченность, напротив, возможна у любой ситуации, и она означает только, что ситуация завершилась по каким-то внешним причинам (например, подошел к концу отведенный ей отрезок времени). Внешняя ограниченность может задаваться временными наречиями, контекстом, некоторыми глагольными формами.

Как представляется, предикатные имена (по крайней мере такие, которые обозначают процессы и физические состояния) предполагают внешнюю ограниченность ситуации: произнося предложение типа (3а), говорящий подразумевает, что прогулка происходила какой-то ограниченный период времени в прошлом и уже завершилась, т. е. что процесс гуляния, хотя и рассматриваемый изнутри, имеет внешние границы. Возможно, это еще одна причина, которая объясняет затруднения в употреблении в подобных контекстах предикатных имен со значением нефизических состояний, не имеющих четких границ: *'во время радости, 'при гнев¹¹*. И поскольку ситуации, обозначаемые предикатными именами, уже ограничены снаружи, внутренних границ им не требуется, и предикатные имена, таким образом, с большей легкостью обозначают ситуации, не имеющие внутреннего предела.

Приложение. Аспектуальность и сочетаемость имени с полувспомогательными глаголами

Приведем пример того, как аспектуальный класс предикатного имени влияет на его языковое поведение. А именно, обратимся к сочетаемости предикатных имен с так называемыми полувспомогательными глаголами в оборотах типа *производить расследование, оказывать влияние* или *подвергать обработке*.

Аспектуальный класс предикатного имени в некоторых случаях позволяет сформулировать правила, которые предсказывают, с каким глаголом данное имя будет сочетаться, а с каким – нет. Существуют полувспомогательные глаголы, для которых аспектуальный класс присоединяемого предикатного имени является основным параметром, определяющим их сочетаемость.

¹¹ Наряду с тем фактом, что такие ситуации не локализованы во времени и не фиксируют точек на временной оси.

Мы рассмотрим влияние аспектуального класса имени на его сочетаемость с глаголами, присоединяющими название ситуации в качестве одного из своих актантов, а именно, в качестве второго актанта (в аппарате лексических функций модели "Смысл ↔ Текст" это глаголы лексической функции *Oper*) с дополнительными фазовыми оттенками значения¹². Также будут рассмотрены глаголы, присоединяющие имя ситуации в качестве третьего актанта, а в качестве второго – название участника, на которого оказывается воздействие (так наз. *Labor*).

Сочетаемость с такими глаголами обычно считается словарной характеристикой существительного (см., соответствующие разделы монографий [Апресян 1974/1995; Мельчук 1974/1999]). Лишь сравнительно недавно стали появляться работы, в которых делаются попытки сформулировать некоторые закономерности такой сочетаемости – см., в частности, статью [Reuther 1998], где рассматриваются словосочетания, в которых имя ситуации выступает в роли подлежащего фазового глагола, типа *вечер наступил или разговор прекратился*.

Источниками материала, помимо примеров из вышеперечисленных работ, а также из Грамматики русского языка [Грамматика 1960], для нас послужили словари [НОССРЯ 1997; ТКС 1984; Золотова 1988; Дерibas 1975; Ожегов, Шведова 2001].

1. Глаголы типа *Labor*

К этому типу относятся такие глаголы, как *окружать* <кого-л. чем-л.>, *подвергать* <кого-л. чему-л.>, *предавать* <кого-л. чему-л.>.

С именами не предельного аспектуального класса сочетается глагол *подвергать: подвергать обработке*.

С именами предельного аспектуального класса сочетается глагол *предавать*, привнесо дополнительный компонент негативной оценки: *предавать казни, предавать суду*.

С именами стативного аспектуального класса глаголы этого типа практически не сочетаются; исключением является глагол *окружать*, который, однако, сочетается не столько с именами стативов (названиями эмоциональных отношений), сколько с именами неопределенных действий, которые являются выражением этих отношений, например: *окружать вниманием, окружать заботой*.

2. Фазовые глаголы типа *Oper*

К этому типу принадлежат такие глаголы, как *начинать, приступать, приобретать, приходиться, погружаться, впадать* (со значением 'начинать'); *продолжать, сохранять* (со значением 'продолжать'); и, наконец, *заканчивать, терять, утрачивать, выходить* (со значением 'заканчивать').

С именами предельного и неопределенного аспектуальных классов практически всегда (при условии контроля над ситуацией со стороны субъекта) сочетаются глаголы *начинать, продолжать и заканчивать: начинать/продолжать/заканчивать борьбу, начинать/продолжать/заканчивать постройку дома*; имена этих классов также сочетаются с глаголом *приступать* с предложением к со значением *начинательности*: *приступать к работе, к учебе, к постройке дома*.

С именами свойств сочетаются глаголы *(при)обретать, сохранять и терять (утрачивать): приобретать/сохранять/терять/утрачивать известность*.

Имена, принадлежащие к стативному классу, не так однородны: практически все они сочетаются с глаголом *сохранять* со значением 'продолжать' (*сохранять спокойствие, равновесие*), однако глаголы со значением *начала и окончания* у разных групп стативных глаголов разные.

¹² Сочетаемость с нефазовыми глаголами типа *Oper* в меньшей степени зависит от аспектуального класса присоединяемого имени и в большей степени – от его тематического класса.

По сочетаемости с глаголами со значением *о к о н ч а н и я* названия ментальных и эмоциональных состояний примыкают к свойствам они также сочетаются с глаголами *терять* и *утрачивать* (*терять/утрачивать спокойствие, уверенность*) Названия физических состояний сочетаются с глаголом *выходить* с предлогом *из*. *выходить из равновесия, выходить из горизонтального положения.*

Из глаголов со значением *н а ч и н а т е л ь н о с т и* с наименованиями состояний сочетаются глаголы *приходить* с предлогами *в* и *к* (*приходить к согласию, в бешенство, в равновесие*), *впадать* с предлогом *в* (*впадать в беспамятство, в отчаяние*) и *погружаться* с предлогом *в* (*погружаться в сон, в задумчивость*). Сформулировать критерии выбора одного из этих вариантов не представляется возможным, здесь работают уже не аспектуальные, а тематические факторы¹³

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974/1995 – Ю Д *Апресян* Лексическая семантика М, 1995
Бондарко 1987 – А В *Бондарко* Лимитативность // А В *Бондарко* (ред) Теория функциональной грамматики Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис Л, 1987
Булыгина 1982 – Т В *Булыгина* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов М, 1982
Грамматика 1960 – Грамматика современного русского литературного языка Т 1 М, 1960
Гловинская 2001 – М Я *Гловинская* Многозначность и синонимия в видовременной системе русского глагола М, 2001
Иванникова 1972 – Е А *Иванникова* К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке // ИАН СЛЯ 1972 № 2
Исаченко 1960 – А В *Исаченко* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким Ч 2 Братислава, 1960
Кравченко 1986 – О Г *Кравченко* Имена состояния как грамматико-семантический подкласс существительных // НДВШ ФН 1986 № 5
Маслов 1962 – Ю С *Маслов* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Ю С *Маслов* (ред) Вопросы глагольного вида М, 1962
Маслов 1984 – Ю С *Маслов* Очерки по аспектологии Л, 1984
Мельчук 1998 – И А *Мельчук* Курс общей морфологии Т II М, Вена, 1998
Мельчук 1999 – И А *Мельчук* Опыт теории лингвистических моделей Смысл ↔ Текст М 1999
НЗЛ XV – Новое в зарубежной лингвистике Вып XV (Современная зарубежная русистика) М, 1985
Падучева 1991 – Е В *Падучева* Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ Сер 2 1991 № 5
Падучева 1994 – Е В *Падучева* Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика Вып 34 1994
Падучева 1996 – Е В *Падучева* Семантические исследования Семантика времени и вида в русском языке Семантика нарратива М, 1996
Падучева 1998 – Е В *Падучева* Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // М Ю *Черткова* (ред) Типология вида проблемы поиска, решения М 1998
Пешковский 1956 – А М *Пешковский* Русский синтаксис в научном освещении М, 1956.
Раппапорт 1998 – Г *Раппапорт* Перфективация состояний // М Ю *Черткова* (ред) Типология вида проблемы, поиска, решения М, 1998
Рахилина 2000 – Е В *Рахилина* Когнитивный анализ предметных имен семантика и сочетаемость М 2000

¹³ Автор выражает благодарность Е В Падучевой за ценные замечания как при работе над данной темой, так и по готовому тексту, С Г Татевосову за консультации в процессе работы Е А Лютиковой, А.Е Кибрику, П М Аркадьеву, О Н Ляшевской и В Н Partee за чрезвычайно ценную критику первоначальных вариантов этой статьи

- Свердлов 1961 – *Л Г Свердлов Семантика отглагольных имен существительных на -ие, тие в русском языке // НДВШ ФН 1961 № 2*
- Смит 1998 – *К С Смит Двухкомпонентная теория вида // М Ю Черткова (ред) Типология вида проблемы, поиски, решения М, 1998*
- Татевосов 2001 – *С Г Татевосов Аспектуальные классы глаголов // А Е Кибрик (ред) Багвалинский язык Грамматика, тексты, словари М, 2001*
- Татевосов 2002 – *С Г Татевосов Теория акциональности и марийский глагол // А Е Кибрик (ред) Лингвистический беспредел Сборник статей к 70-летию А И Кузнецовой М, 2002*
- Хохлачева 1969 – *В Н Хохлачева К истории отглагольного словообразования существительных в русском языке нового времени М, 1969*
- Agrell 1908 – *S Agrell Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte, Ein Betrag zum Studium der indogermanischen Praverba und ihrer Bedeutungsfunktionen Lund, 1908*
- Bache 1985 – *C Bache Verbal aspect a general theory and its application to present-day English Odensee, 1985*
- Bache 1995 – *C Bache Another look at the distinction between aspect and action // P M Bertinetto, V Bianchi O Dahl M Squartini (eds) Temporal reference, aspect and actionality V 2 Torino, 1995*
- Benveniste 1949 – *E Benveniste Noms d'agent et noms d'action en indo-européen Paris, 1949*
- Bertinetto 1994 – *P M Bertinetto Temporal reference, aspect, and actionality their neutralization and interactions, mostly exemplified in Italian // C Bache, H Basbøll C E Lindberg (eds) Tense, aspect and action Empirical and theoretical contributions to language typology Berlin, 1994*
- Brinton 1995 – *L J Brinton The Aktionsart of deverbal nouns in English // P -M Bertinetto, V Bianchi O Dahl, M Squartini (eds) Temporal reference, aspect and actionality V 2 Torino, 1995*
- Comrie 1976 – *B Comrie Aspect An introduction to the study of verbal aspect and related problems Cambridge, 1976*
- Comrie 1980 – *B Comrie Nominalization in Russian lexical noun phrases or transformed sentences? // C V Chvany, R D Brecht (eds) Morphosyntax in Slavic Columbus, 1980*
- Cornilescu 2001 – *A Cornilescu Romanian nominalizations case and aspectual structure // Journal of Linguistics V 37 2001*
- Declerck 1979 – *R Declerck Aspect and the bounded/unbounded (telic/atelic) distinction // Linguistics V 17 1979*
- Dik 1994 – *S Dik Verbal semantics in functional grammar // C Bache H Basbøll C-E Lindberg (eds) Tense, aspect and action Empirical and theoretical contributions to language typology Berlin, 1994*
- Dowty 1979 – *D R Dowty Word meaning and Montague grammar Dordrecht 1979*
- Durst-Andersen 1994 – *P Durst-Andersen Russian aspect as different statement models // C Bache H Basbøll C E Lindberg (eds) Tense, aspect and action Empirical and theoretical contributions to language typology Berlin, 1994*
- Esau 1971 – *H Esau Some facts about German Nominalizations // Neophilologus V 55 1971*
- Esau 1973 – *H Esau Nominalization and complementation in modern German Amsterdam, London, New York, 1973*
- Gaeta 1997 – *L Gaeta La nominalizzazione deverbale morfologia e semantica Tesi presentata per il conseguimento del titolo di Dottore di Ricerca dal candidato dott Livio Gaeta Anno accademico 1996/1997 Università degli Studi di Roma Tre*
- Giacalone 1975 – *A Giacalone Probleme der lateinischen Wortbildung das Suffix -tura // G Rix (ed) Flexion und Wortbildung Akten der V Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft Wiesbaden 1975*
- Jacobsohn 1926 – *H Jacobsohn Gnomon Bd 2 Hf 7 1926 Rec J Wackernagel Vorlesungen über Syntax*
- Kenny 1963 – *A Kenny Action, Emotion, and Will London, 1963*
- Levin 1993 – *B Levin English Verb Classes and Alternations A preliminary investigation Chicago, 1993*
- Lindstedt 1995 – *J Lindstedt Understanding perfectivity – Understanding bounds // P M Bertinetto V Bianchi O Dahl M Squartini (eds) Temporal reference, aspect and actionality V 2 Torino, 1995*
- Mehlig 1981 – *HR Mehlig Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen (zur Verbklassifikation von Zeno Vendler) // Slavistischen Beiträgen Bd 147 München, 1981*

- Rakhilina 1999 – *E V Rakhilina*. Aspectual classification of nouns: a case study of Russian // *W Abraham, L Kulikov* (eds.). Tense-aspect, transitivity, and causativity: essays in honor of Vladimir Nedjalkov. Amstredam, 1999.
- Reuther 1998 – *T Reuther*. О сочетаемости фазовых глаголов с существительными в чешском и русском языках // *E Hajcova* (ed.). Issues of valency and meaning. Studies in honour of Jarmila Panevova Prague, 1998
- Smith 1991 – *C S Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991.
- Smith 1995 – *C S Smith*. The range of aspectual situation types: derived categories and a bounding paradox // *P M Bertinetto, V Bianchi, O Dahl, M Squartini* (eds.). Temporal reference, aspect and actionality V. 2. Torino, 1995.
- Tatevosov 2001 – *S G Tatevosov* The parameter of actionality. Ms., Moscow State University, 2001.
- Tenny 1994 – *C Tenny*. Aspectual roles and the syntax-semantics interface. Dordrecht, 1994
- Tesnière 1959 – *L Tesnière* Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.
- Ullmer-Ehrich 1977 – *V Ullmer-Ehrich* Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen in Deutschen. Kronberg, 1977.
- Vendler 1957 – *Z Vendler* Verbs and times // *The Philosophical Review*. 66 1957.
- Vendler 1967 – *Z Vendler*. Linguistics in Philosophy. Cornell, 1967.
- Verkuyl 1972 – *H J Verkuyl*. On the Compositional Nature of the Aspects. Dordrecht, 1972.
- Wierzbicka 1967 – *A Wierzbicka* On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday The Hague; Paris, 1967

СЛОВАРИ

- Дерябас 1975 – *В М Дерябас* Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М., 1975.
- Золотова 1988 – *Г А Золотова* Синтаксический словарь Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Ожегов, Шведова 2001 – *С И Ожегов, Н Ю Шведова* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 2001
- НОССРЯ 1997 – *Ю Д Апресян* и др Новый объяснительный словарь синонимов русского языка М, 1997.
- ТКС 1984 – *И А Мельчук, А К Жолковский* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

© 2003 г. В. А. ЛУКИН

**ПРОТИВОРЕЧИЕ И СОГЛАСИЕ:
ЯЗЫКОВЫЕ КОНЦЕПТЫ, ДИСКУРСНЫЕ СТРАТЕГИИ,
ТЕКСТОВЫЕ СВОЙСТВА**

Категория противоречия, противоречивость и непротиворечивость теории, а также ее когерентность – это проблемы первого плана в логике и философии науки. Однако в центре нашего внимания будет не научная теория, а естественный язык, который, по словам Г. Гийома, "сам является теорией": "Было бы правильнее сказать, несмотря на некоторую, может быть, странность формулировки, что именно за счет самого теоретизирования, путем какого-то природного теоретизирования мысль обеспечила себя языком" [Гийом 1992: 46]. То, что можно узнать о противоречии и согласии из языка-теории, его бытования в дискурсе и реализации в тексте, не должно напрямую зависеть от знаний из области логики и философии. По мере возможностей целесообразно следовать языку-теории, сообразуясь с языком-материалом. И, поскольку "теория, которую мысль создала из самой себя, отражается только косвенно в речи, она записана в самой глубине мысли, в языке" [Там же: 46], начнем с языковых концептов ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ. Точнее говоря, со слов *противоречие* и *согласие* ("слово – наиболее частотная единица естественной лингвистики" [Арутюнова 2000а: 18]).

Языковые концепты ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ понимаются как инварианты значений слов, объединенных в соответствующее семантическое поле [Лукин 1996]. В основе определений лежат, в частности, следующие наблюдения.

Слова со значением согласия могут обозначать результат речевого общения, но не сам процесс коммуникации. Отсюда тот факт, что большинство глаголов со значением согласия в русском языке обладают предельной грамматической семантикой и образуют видовые пары (*договориться* – *договариваться*, *разделить* – *разделять*, *сговориться* – *сговариваться*...), в то же время глаголы со значением противоречия, обозначая процесс, а не результат речевого общения, в большинстве своем являются абсолютно непарными глаголами несов. вида (*дискутировать*, *конфликтовать*, *перечить*, *полемизировать*, *прекословить*, *препираться*, *пререкаться*, *противоречить*, *противостоять*, *разноречить*). Если же глаголы противоречия образуют видовые пары (*возразить* – *возражать*, *противопоставить* – *противопоставлять*, *разладить* – *разлаживать*...), их семантике свойственна своего рода ослабленная результативность: существительные, образованные от данных глаголов (*возражение*, *противопоставление*, *разлад*), не обозначают ни цели, ни результата действия, обозначенного, в свою очередь, глаголом. Далее, существительные согласия со смыслом 'результат общения как реализация совместной цели его участников' *договор*, *сговор*, *соглашение*, *уговор* не могут иметь антонимов, соответственно, к существительным *дискуссия*, *диспут*, *полемика*, *препирательство*, *спор*, обозначающим тип речевого общения, который организован как противоречие, противостояние его участников, нет антонимов со значением согласия... (см дополнительно [Лукин 1996]).

Концепт ПРОТИВОРЕЧИЯ – исторически сложившаяся, общая и устойчивая часть семантики слов русского языка со значением противоречия – истолковывает-

сы следующим образом: это диалог двух абстрактных собеседников (семантических актантов), объединяющий их в известное целое (вплоть до тождества), в ходе которого они обмениваются "репликами", вступающими в отношения от несоответствия до противоположности. Концепт СОГЛАСИЯ – "антоним" противоречия, их общий гипероним – РЕЧЬ (не лексема, а концепт). Свойства концептов, вбирающие в себя лексическую и грамматическую семантику слов семантического поля, таковы: концепт ПРОТИВОРЕЧИЯ обнаруживает способность быть своего рода моделью для организации некоторых типов речевого общения, обладает процессуальной семантикой, при этом как процесс всегда нерезультативен и нетелеологичен...; концепт СОГЛАСИЯ обладает непроцессуальной семантикой результативности, поэтому соотносится не с процессом речевого общения, а с его итогом...

Отсюда цель настоящей работы: поскольку слова со значениями противоречия и согласия имеют своими денотатами различные аспекты речевого общения, являясь тем самым "словами о коммуникации", а концепты соотносятся с типами текстов (дискуссия, диспут, полемика, спор; договор, соглашение, уговор; парадокс, прения, протест...) и дискурсных стратегий (сговор, сговорчивость, соглашательство; спор, прекословие, препирательство, полемизировать...), постольку правомерно, (1) дополнив сведения о семантике ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ, (2) на примере конкретного дискурса проследить реализацию этой семантики и (3) определить сопряженность ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ со свойствами цельности и связности художественного текста.

1

АСИММЕТРИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ, СОЧЕТАЕМОСТИ И АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОГЛАСИЯ

Прозрачность внутренней формы *противоречия* и *согласия* обуславливает целеобразность сопоставления семантики их морфем.

Приставка *с-/со-* и соответствующий предлог семантически проще приставки и предлога *против*. Если *с* имеет общую семантику 'контакт', то значение *против* включает смысл 'контакт' наряду со смыслом 'агрессия'. Смыслы 'контакт' и 'агрессия' находятся в отношении однонаправленной обусловленности: если 'агрессия', то 'контакт'. В самом деле, нельзя бороться, возражать, высказываться, выступать, сражаться *против* кого-, чего-либо, не вступая в соприкосновение (физическое, коммуникативное, когнитивное) с "собеседником". Различие между *против* и *с* нейтрализуется в контекстах, где присутствуют слова со смыслом 'агрессия', дублирующим тот же смысл в значении *против*. Например, синонимичны *бороться против врагов* и *бороться с врагами*, *война с печенегами* и *война против печенегов*, где *бороться* и *война* помимо смысла 'агрессия' имеют валентность *против кого-, чего-л.* Когда в силу сочетаемостных ограничений употребление *против* невозможно, связка 'если агрессия, то контакт' выражается раздельно: 'агрессия' – знаменательным словом, 'контакт' – предлогом *с* (*ссора с соседом, конфликт с начальником, скандал с женой*). В любом случае *с* не содержит смысл 'агрессия', *против* всегда содержит смысл 'контакт' при вариативности смысла 'агрессия'. Так, в контекстах с различной семантикой – *лекарство против болезни, мероприятия против обледенения, плыть против течения, смотреть против солнца...* – смысл 'агрессия' ослаблен до 'противодействия', 'сопротивления'. Только пространственное значение хотя и возможно, но не характерно для предлога *против* (ср. *напротив*), оно почти всегда осложнено и в таком своем качестве более разнообразно и динамично, чем пространственное значение предлога *с*. Пространственные ассоциации (словареакции с пространственным значением), вызываемые словом-стимулом *с* у носителей русского языка, однообразны, и всем им присущ смысл 'контакт': *вместе, в, к, по, тебе с ним* (однако наряду с ними – *без и до*) [РАС I 1994: 145]. Ассоциативные

связи слова-стимула *против* создают объемный пространственный образ: *течения, движения, поворот головы, поднятия цен, поперек, центр* [РАС III 1996: 142–143]. Одновременно с не вызывает ассоциаций с "агрессивной" семантикой в отличие от *против*, среди слов-реакций которого *агрессия, война, драться, ссора* [Там же].

Речь и однокоренные слова со значением противоречия отличаются большей абстрактностью и сложностью семантики от лексемы *голос* и однокоренных слов со значением согласия (см. [Лукин 1996: 145–146]; подтверждение этой точки зрения в историческом аспекте см. в [Макеева 2000: 104, 108, 120]). Любопытно в связи с этим различие "ассоциативно-пространственных" образов *речи* и *голоса*. В целом *речь* ассоциируется с пространством, подвижным и организованным по горизонтали: *прямая, длинная, течь, долгая, льется, река, короткая, лилась, словно речка течет* (но там же – *внутренняя, объемная*) [РАС I 1994: 142]; *голос* ассоциируется с пространством, относительно статичным и организованным по вертикали: *высокий, с небес, низкий, с неба, сверху, свыше, глубокий, высокий, из глубины, из-под небес, не повышай* (однако *внутренний, извне*) [Там же: 37].

Несимметричность слов *противоречие* и *согласие* проявляется в различной сочетаемости. *Противоречие* и слова со значением противоречия хорошо сочетаются со словами пространственной семантики. *Противоречие* может быть *внутренним, внешним, глубоким*; его *обнаруживают, выявляют, вскрывают, сглаживают*; в *противоречия впадают, вступают, в клубке противоречий запутываются* (ср. узел противоречий). *Согласие* и слова со значением согласия плохо сочетаются с подобной лексикой.

В Русском ассоциативном словаре наблюдается аналогичная картина. Слова-реакции пространственной семантики к стимулам со значением противоречия многочисленнее и разнообразнее, чем к стимулам со значением согласия. Правда, из всего семантического поля в названном словаре присутствуют только *диспут, нет, против, спор и спорить*, а также *да, договор, согласие, согласиться, договориться, за*. Из них для слов со значением противоречия показательны *диспут* и *спор*, слова-стимулы, имеющие своими денотатами и тип текста, и соответствующую дискурсную стратегию. *Диспут* вызывает реакции с семантикой расширения пространства и изменения его границ: *пре-рван, про-должили, про-шел, раз-вели, раз-вернулся, раз-водить, рас-тянулся, рас-ширенный* [РАС III 1996: 52–53]; *спор* – *за-тянувшийся, за-шел, от-крытый, про-должительный* [РАС I 1994: 160]. Обращает на себя внимание обилие среди реакций слов "агрессивной" семантики: *спор – драка, яростный, ссора, злость, ругаться, жестокий, ругань, брань, жестокость, насмерть, удар, ярый; диспут – драка, брань, ругань; против – агрессия, война, ругаться, ссора*. Факторы агрессии и пространства связаны: агрессия требует все больших пространств, в том числе коммуникативных, и стремится к расширению имеющихся.

Слова-реакции к стимулам со значением согласия немногочисленны и не дают оснований для надежных обобщений. В качестве предположения отметим, что в целом согласие представлено образом относительно закрытого и компактного пространства, ориентированного вовнутрь: *да – здесь, в наше время* [РАС III 1996: 149]; *договор – в бизнесе, двусторонний, между нами* [Там же: 53]; *согласие – в доме, в, заключено, к, с, с обеих сторон* [Там же: 165]; *согласиться – с мнением, с ним, со всем, с решением, в доме, на, с* (но *уклоняться, упасть*) [Там же: 165]; *договориться – с, обоюдно, прийти* (присутствуют два слова со значением агрессии – *ругаться* и *убить*) [РАС I 1994: 46]; *за – за, перед, под* [Там же: 54].

Максимум признака 'противоречие' vs. 'согласие'

Асимметричность обсуждаемых концептов становится предельной при рассмотрении максимума признака 'противоречие' vs. 'согласие'. Попытаемся гипотетически представить содержание концептов с предельным "количеством" основного при-

знака, установив затем, что может в языке и тексте соответствовать 'максимуму противоречия' и 'максимуму согласия'.

ПРОТИВОРЕЧИЕ и СОГЛАСИЕ имеют общую часть содержания, которую можно назвать тематическим единством. Грубо говоря, и чтобы противоречить, и чтобы соглашаться, участники диалога должны принимать то основание (тему), по которой они высказывают либо противоположные, либо сходные мнения. Тематическое единство – это а) тривиальное содержание, которое в равной мере приемлется сторонами коммуникации и б) не является причиной для вступления в коммуникацию.

В словах со значением противоречия или согласия тематическое единство может соответствовать одной из валентностей: *дискуссия, диспут, полемика, спор, прения vs. договор, договоренность, договориться, соглашение о чем; возражать, противоречить, прекословить, перечить vs. сговор, согласие, сойтись по поводу чего* и т.п.

В репликах спорящих сторон тематическое единство чаще всего соответствует теме высказывания:

– Потом грамотный мужик, работник тебе же нужнее и дороже.

– Нет, у кого хочешь спроси, – решительно отвечал Константин Левин, – грамотный как работник гораздо хуже (*Л.Н. Толстой. "Анна Каренина"*).

Здесь тематическое единство в обоюдном принятии информации, обозначенной словосочетанием *грамотный работник*. Тематическое единство может как совпадать, так и не совпадать с темой высказывания, изменяя свой объем по ходу диалога. Ср.:

– Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможен и брак, – сказала дама.

– Да-с, но что разуметь под любовью истинной? <...>

– Всякий знает, что такое любовь, – сказала дама, очевидно желая прекратить с ним разговор.

– А я не знаю, – сказал господин. – Надо определить, что вы разумеете...

– Как? очень просто, – сказала дама, но задумалась. – Любовь? Любовь есть исключительное предпочтение одного или одной перед всеми остальными, – сказала она.

– Предпочтение на сколько времени? <...>

– Нет, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.

– Нет-с, я про то самое (*Л.Н. Толстой. "Крейцера соната"*).

Если тематическое единство отсутствует или утрачено, коммуникация, предполагающая обмен информацией, невозможна. Тогда речь должна идти не о противоречии, а скорее о несообразности, недоразумении, недопонимании, об осознанном стремлении к подрыву коммуникации или о подмене тезиса как приеме из арсенала эристики.

і. Максимум признака 'противоречие' – ситуация, при которой в рамках тематического единства имеют место интенсивные отношения крайней противоположности между участниками речевого общения. Такое содержание выражается лексически, осложняясь нередко смыслами 'агрессия' и 'возможность, опасность невербального противостояния'. Здесь любопытны примеры из древнерусского и старославянского, где *возразити* – означало 'возразить' и 'отразить, ударить, напасть'; *противление* – 'возражение', 'противоречие' и 'восстание, мятеж'; *противлятися* – 'возражать' и 'поднимать мятеж, смуту', *пърѣние* – 'спор, возражение' и 'тяжба'; *прѣкословие* – 'противоречие' и 'распря'; *спор* – 'схватка, драка'.

В разное время в разных контекстах слово может либо приобретать, либо утрачивать семантику максимума 'противоречия'. Ср. *возразити* в древнерусском языке и современном русском, где значение 'отразить, ударить, напасть' утрачено; любопытен в этом плане пример из "Дворянского гнезда" И.С. Тургенева: "– Вы желали меня видеть, – сказал он холодно кланяясь. – Да, – возразила Марья Дмитриевна и отпила немного воды".

ii. Максимум признака 'противоречие' можно понимать, кроме того, как ситуацию, в которой участники речевого общения вступают в отношения противоположности по любой теме, то есть всякое тематическое единство является стимулом для противоречия. Назовем такое содержание **тотальным противоречием**. Лексически оно не выражается, за исключением ФЕ *дух противоречия*. Тотальное противоречие чаще бывает принципом, по которому строится дискурс (см., например, дискурс главного героя рассказа В.М. Шукшина "Срезал").

Семантика максимума 'противоречия' при любом его понимании не приводит к выходу за границы своего семантического поля: сколь бы интенсивным ни был диалог противоположных сторон, как бы ни было велико множество поводов (тем) для противоречия, оно всегда остается противоречием – отвечает определению концепта ПРОТИВОРЕЧИЕ (см. выше).

Отступление. Разумеется, антагонистические противоречия неречевого характера могут быть препятствием для общения, приводить либо к срыву речевой коммуникации или ее неадекватности, либо к конфликту, протекающему невербально. Наше допущение лежит в ином плане: эффективная коммуникация, сопровождаемая интенсивным обменом информацией, всегда предполагает наличие противоречий; всякий обмен информацией вызван тем или иным видом ПРОТИВОРЕЧИЯ (от *несогласованности, несогласия и разногласия до противоречия, спора и перепалки*); фатическая коммуникация не предполагает противоречий, но и не позволяет говорить о согласии в коммуникативном смысле. Рассматривая противоречия, мы в дальнейшем опираемся на определения концепта ПРОТИВОРЕЧИЕ, поэтому не всегда разграничиваем противоречия на уровне содержания (семантика) и на уровне взаимоотношений партнеров по коммуникации (прагматика) (о целесообразности их различения см. [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000: 79–80]).

Что касается агрессии, то как и противоречие, она также может быть препятствием для общения. Все определяется мерой и видом агрессии и, кроме того, тем, что понимают под этим термином. И в этом случае кажется целесообразным, обойдя лингвистические аспекты проблемы (см. об отрицательных и положительных сторонах агрессии в [Лоренц 1994; Берковиц 2001]), полагать, что интенсивный обмен информацией всегда означает наличие известной степени агрессии у собеседников.

ii. Максимум признака 'согласие' – ситуация абсолютного тождества позиций участников речевого общения в рамках данного тематического единства. Такая семантика не свойственна процессу речевого общения, поскольку не предполагает обмена информацией, но может характеризовать итог речевого общения как достижение полного согласия. Выражается лексически: *единство, единение, единогласие, единодушие, солидарность, спеться* и т.п.

ii.i. По аналогии с противоречием определим **тотальное согласие** как отсутствие каких бы то ни было противоречий между участниками речевого общения при любом тематическом единстве. Данная формулировка является самопротиворечивой. Во-первых, нельзя говорить о коммуникации, если нет вообще никаких противоречий, во-вторых, отсутствие каких бы то ни было противоречий при абсолютном любом тематическом единстве означает, что согласием как результату коммуникации не предшествовала никакая коммуникация. Проще говоря, когда все со всем согласны, нет нужды договариваться о чем бы то ни было¹. С одной стороны, следовательно, тематическое единство оказывается предельно расширенным, но, с другой, оно уже не существует, так как может быть определено только относительно актуальной информации – того в той или иной степени неопределенного, неясного,

---

¹ Ср.: "Я ведь и сама сержусь всегда, когда не соглашаются со мной! Но зачем вам нужно, чтоб я согласилась с вами? И мне тоже... Зачем вообще все люди всегда спорят и хотят, чтоб с ними согласились? Ведь тогда говорить нельзя будет ни о чем". (А.М. Горький. "Варенька Олесова").

противоречивого .. , что требует для своего прояснения и устранения коммуникации. Стирая различия между тривиальной и актуальной информацией, тотальное согласие предопределяет ненужность коммуникации, а потому ее невозможность. Иными словами, тотальное согласие, как оно было определено, – это искусственный знак молчания, коммуникативно-семиотический нуль. Искусственность в том, что лексически тотальное согласие не выражается² Однако искусственна лишь формулировка итога вполне естественного процесса – сближения слов и выражений со значением максимума 'согласия' с семантическим полем и концептом МОЛЧАНИЯ. В этом еще раз проявляется асимметрия ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ: максимум признака 'согласие' и прежде всего тотальное согласие приводят к трансформации концепта СОГЛАСИЕ в концепт МОЛЧАНИЯ

Противоречие, согласие и молчание

Слова и выражения с максимумом 'противоречия' предполагают в прямом и/или метафорическом употреблении максимум 'голоса' ср *кричащие противоречия, вопиющие противоречия*, спор, диспут, перепалка зачастую проходят на повышенных тонах, спор, конфликт, противостояние, протест, когда они имеют место одновременно в вербальных и невербальных формах, сопровождаются расширением коммуникативного пространства и физической активностью сторон (происходит интенсивный обмен не только информацией, но и энергией), в частности, усилением голоса и шума

И, наоборот, слова с максимумом 'согласия' предполагают малые изолированные пространства при доверительности (*спеться, уговор*), минимуме огласки (*сговор, сговориться*), немногословии (*сговорчивый*), полное согласие ассоциируется с *молчаливым*, наличие абсолютного единодушия и единомыслия не предполагают интенсивной коммуникации, слова "не-противоречия" со смыслом 'покорность' *безгласный, безропотный, бессловесный* передают отсутствие голоса и речи своей внутренней формой. Уверенность говорящего в необходимости согласия или невозможности каких бы то ни было возражений со стороны собеседника могут выражаться посредством отрицания речи, говорения: *нет слов, говорить не о чем, нечего и говорить*, ср. *И! помилуйте, как это можно! есть ли о чем говорить! сделайте милость, не беспокойтесь* (В. Ф. Одоевский)³. Что равносильно призыву к молчанию, принуждению к непротиворечию и непротивлению *Да, да, уж это так, не говори, смейся, а молчи! – прибавила она, заметив, что он хочет возразить* (И. А. Гончаров). Таким образом, семантика максимума 'согласия' влечет за собой ослабление коммуникации и смещается в сторону концепта МОЛЧАНИЯ

Молчание в коммуникативном смысле, в качестве ответной реплики диалога, приобретает функции означаемого. Поскольку коммуникация предполагает противоречия, означающим "диалогического молчания" чаще бывает не 'согласие', а 'противоречие' или 'несогласие' "Как правило, молчание скрывает за собой тот или иной вид оппозиции" [Арутюнова 2000б: 426]. Использование говорящим формулы *Молчание – знак согласия* не влечет за собой согласия собеседника, но может означать либо "напоминание адресату, что возражения следует эксплицировать" [Там же], и тогда диалог может быть продолжен, либо желание адресанта взять на

² *Соглашательство* – наиболее вероятный кандидат на выражение семантики тотального согласия – отвергается по той причине, что предполагает готовность носителя коммуникативной стратегии "соглашательство" не замечать, игнорировать любые и м е ю щ и е с я или возможные противоречия

³ Те же конструкции используются для "симуляции согласия" *Что и говорить! – огрызнулась она, – и мое житье не худое! В затрапезах не жую, и то слава те господи!* (М.Е. Салтыков-Щедрин)

себя коммуникативное лидерство, истолковав в свою пользу молчание собеседника, и прекратить диалог.

Когда согласие – причина молчания, тогда молчание может расцениваться как знак согласия. В этом случае согласию предшествуют противоречия, которые обсуждаются сторонами диалога и так или иначе разрешаются ими. То, что собеседники обоюдным молчанием сигнализируют о согласии вследствие исчерпанности противоречий, отмечается наблюдателем; по преимуществу с этой позиции Молчание – знак согласия получает буквальную интерпретацию: *Долго ночью слышали люди горячий спор до крика, почти до визга, по временам смех, скаканье его, потом поцелуи, гневный крик барыни, веселый ответ его – и потом грбовое молчание, признак совершенной гармонии* (И. А. Гончаров "Обрыв"). То же – в эссе "Молчание" М. Антониони:

Сначала диалог. Короткий. Из него становится очевидным полный крах отношений, который оба скрывали годами.

Привычное смирение, привычная боль. Но теперь, когда чисто случайно они затронули то, что накопилось в душе, женщина хочет разобраться во всем до конца.

– Согласись, что пора поставить точку. Тогда все прояснится, и мы будем знать, что делать дальше. Главное – знать, чего мы хотим. Разве не так? Ну скажи, разве не так?

Мужчина молча кивает. Замыкается она. Теперь, когда все ясно, теперь, когда они искренни, им больше нечего сказать друг другу. (Иностранная литература. 1985. № 7)

Коммуникативное молчание содержит внутреннее отрицание, под отрицанием – смысл 'голос'. Не попадает под отрицание презумпция 'иметь возможность говорить' [Арутюнова 2000б: 418]. При этом коммуникативное молчание, выражающее протест, под влиянием противоречия (= область-источник максимум признака 'противоречие' → максимум 'голоса', 'шума') может быть осмыслено метафорически как *громогласное, гулкое, оглушительное*.

Некоммуникативное молчание (см. его анализ безотносительно к ПРОТИВОРЕЧИЮ vs СОГЛАСИЮ в указанной выше статье Н. Д. Арутюновой) предполагает не предшествующие ему противоречия, а наделение субъекта молчания свойством знаковости, свойством "быть текстом", как будто дающими получателю-интерпретатору надежду на истолкование знаков, выяснение их смысла.

Таково отрицание немoty природы (субъект молчания) и утверждение возможности ее "прочтения" у Ф. И. Тютчева (*Не то, что мните вы, природа < > В ней есть любовь, в ней есть язык* (1836)). И следующая затем констатация безуспешности герменевтических усилий того, кто наделяет природу знаковым характером, стремясь прочесть ее как текст: *Природа – сфинкс. И тем она верней. Своим искусом губит человека, Что, может статься, никакой от века Загадки нет и не было у ней* (1869).

Молчание в некоммуникативном смысле как правило не актуализирует семантическую валентность *о чем*, поэтому возможно ослабление семиотического характера молчания и, как следствие, сближение с 'тишиной'. *Лишь сон на смертных налетает, Амур в молчании ночном. Фонарь любовнику вручает* (А. С. Пушкин), *В душе воздушной молчанье, Как предчувствие грозы, Жарче роз благоуханье, Звонче голос стрекозы* (Ф. И. Тютчев). При этом молчание противопоставляется не 'речи', а 'шуму'. *Все молчит, Лишь море темное шумит* (А. С. Пушкин), *Затих повсюду шум и гам, и воцарилось молчанье* (Ф. И. Тютчев). И, наоборот, тишина может сближаться с 'молчанием'. *Оплачьте, милье, мой жребий в тишине. Страшитесь возбудить слезами подозренье* (А. С. Пушкин).

Молчание, как известно, ассоциируется со смертью – вечным молчанием (иногда и в коммуникативном смысле). *А когда они были очень уж дружны, то молчали как убитые, пока тот или другой не прервет молчания каким-нибудь замечанием, вызывающим непременно противоречие с другой стороны* (И. А. Гончаров). Близость

концептов МОЛЧАНИЯ и СМЕРТИ вне соотнесения с СОГЛАСИЕМ рассматривается в статье Л Г Невской 'Молчание как атрибут смерти' [Невская 1999. 123–134] В свете данных семиотики славянской культуры МОЛЧАНИЕ – центральный концепт, характеризующий сферу смерти, в ряду других БЕЗМОЛВИЕ, НЕМОТА, НЕВНЯТНАЯ РЕЧЬ, ТИШИНА, ТАЙНА, БЕЗЫМЯННОСТЬ, СЛЕПОТА, ГЛУХОТА, КРИВИЗНА, ХРОМОТА, ИСТОЩЕНИЕ, ДЕСТРУКЦИЯ, ХАОС Комплекс БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ТАЙНА объединяется сквозным признаком 'исчерпанность, уменьшение, исчезновение' (см подробнее в указанной работе).

Если вернуться к тотальному согласию, которое всегда некоммуникативно, то оно обязательно предполагает молчание – прекращение существования коммуникации и, следовательно, говорящего и слушающего как актантов коммуникативной ситуации Когда участники речевого общения по той или иной причине полностью исчерпываются своими коммуникативными ролями, тотальное согласие означает их абсолютное несуществование, то есть смерть Ср

Вы спросите, может быть, меня, что же будет, когда эта столько лет разрозненная антиномия – человек и внешняя природа – сольется наконец в один величественный синтез? Отвечаю тогда прекращается прогресс человека, тогда наступает период его успокоения, и так как жизнь обуславливается движением и исключает идею инерции – наступает период смерти (М Е Салтыков-Щедрин Противоречия)

Логично было бы ожидать, что "смертельный" исход тотального согласия должен обнаруживать связь со всеми соответствующими концептами И само тотальное согласие, и его закономерно ожидаемые связи – реальность, но не языковая, а текстовая Это реальность возможного мира, создаваемого в художественном тексте

2

ТОТАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК СМЕРТЬ ВЕРБАЛЬНОГО ГЕРОЯ

Полное и последовательное воплощение тотального согласия мы находим в дискурсе Порфирия Владимырыча (Иудушки) из романа М Е Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы"⁴

Существенно, что речь пойдет о дискурсе, "погруженном" в текст Здесь важен тип текста – художественный, поскольку он является той средой для дискурса, которая ad hoc формирует специфику категориальных свойств последнего Отвлекаясь от ставшего традиционным обсуждения многозначности термина "дискурс", примем в рабочем порядке, что для дискурса первостепенны внешние и внутренние условия его создания и функционирования Внешние, экстралингвистические – экономические, политические, религиозные и т п , соответствуют элементам плана содержания текста, то есть точки соприкосновения дискурса с внешней для него реальностью заключены в возможный мир художественного текста Внутренние, всегда связанные с внешними, – идеология автора дискурса, его мировоззрение в целом, предрассудки, интенции , могут быть эксплицированы настолько, насколько это позволяет сделать план содержания текста, включающего дискурс

Особенность дискурса Иудушки в том, что его предопределенность суммой внутренних и внешних факторов "среды" не просто изображается в тексте, но еще и комментируется повествователем Всеведущий, оценивающий и исполняющий роль интерпретатора, повествователь в своем дискурсе истолковывает условия и обстоятельства становления и эволюции дискурса главного героя На этом основании

---

⁴ Далее текст романа цитируется по изданию М Е Салтыков-Щедрин Собрание сочинений в 20 тт Т 13 М , 1972, указываются только страницы данного тома

допустимо расценивать комментарии повествователя в качестве метадискурса, в котором создается дискурсный портрет Иудушки – автора дискурса-объекта Портрет этот таков, что из него следует Иудушка – герой по преимуществу вербальный, он говорун, словоблуд, демагог и пустослов, он лицемерит и, лицемеря, поучает, празднословит, спорит, срамословит, лжет, тиранит словом, на протяжении всего повествования Порфирий Владимырьч практически не совершает никаких иных поступков, кроме вербальных В тексте романа нет описаний того, как он женится, служит, продает, покупает, куда-либо едет, над чем-либо работает, что-либо зарабатывает или тратит Логично предполагать совершение им реальных поступков, но о них можно судить лишь как о следствиях из описаний и воспроизведений его речевых действий и его дискурсного портрета

Его страшила мысль [констатирует в своем метадискурсе повествователь – В.Л.] о необходимости личного вмешательства в обстановку жизни С ужасом представлял он себе, что может наступить минута когда ему самому придется распоряжаться, приказывать, надсматривать В предвидении этой минуты он старался подавить в себе всякий протест закрывал глаза на наступавшее в доме безначалие, стусывывался, молчал (с 583–584)⁵

Если же Иудушка и вмешивается в течение жизни, то только словом, которое, впрочем, может быть весьма действенным При этом он постоянно рассуждает о слове, речи, говорении, строит на метаязыковой и метадискурсной основе свои аргументы в споре Отказав сыну Володеньке (в форме весьма софистической – см пример далее) в финансовой помощи, он оказался виноват в его самоубийстве, отказывая в деньгах другому сыну, говорит в ответ на знаменательную реплику "Много у вас на языке слов "

Постой, *попридержи свои дерзости дай мне досказать* Что это не одни слова – это я тебе сейчас докажу И так, я тебе давеча сказал < > На дрянные дела у меня денег нет, нет и нет! И не будет – ты это знай! И не смей *говорить*, что это одни 'слова', а понимай, что эти слова очень близко граничат с делом (с 128, курсив здесь и далее мой – В.Л.)

Обобщая, можно сказать, что со стороны внешних условий дискурс Иудушки формируется "апофатически" – на основе неприятия, неучета, нежелания принимать в расчет реальную жизнь Идеологически такая позиция обусловлена внутренним фактором (надо полагать, он, в свою очередь, сформирован социальной средой) – "болезненной жаждой стяжания" (с 585) Однако и сам повествователь не истолковывает "жажду стяжания" буквально Порфирий Владимырьч был жаден, но в то же время хлебосол, склонен к злобному фантазированию и потому нерасчетлив, "сам чаще всего терял от своей затейливости" (с 585) Другие внутренние стимулы, цели и интенции Иудушки, сформулированные повествователем, также нуждаются в анализе и уточнении

Иудушка 'не столько лицемер, сколько пакостник, лгун и пустослов', надо сказать, его приверженность ко лжи не очевидна, так как ложь в собственном смысле – осознанное и преднамеренное вербальное действие, а наш герой "лгал самому себе, сам, впрочем, не понимая, лжет ли он или говорит правду" (с 184) Пустословие, празднословие, словоблудие, демагогия служат цели заставить собеседника отказаться от возражений, противоречий с тем, что говорит и чего хочет вербальный герой, и тем самым достичь некоммуникативного согласия

В каждом конкретном случае его коммуникативная тактика может быть объяснена нарушением того или иного постулата общения Грайса

---

⁵ Текст главы Выморочный цитируется как по журнальной редакции [Салтыков-Щедрин, указ изд., т. 13 565–599], так и по книжной [Там же 201–227]

i. Нарушение постулата связности – "Не отклоняйся от темы" (племянница Аннинька аргументирует свой отказ от предложения дяди остаться у него жить):

– А то, что нечего мне здесь делать. Что у вас делать! Утром встать – чай пить, за чаем думать: вот завтракать подадут! за завтраком – вот обедать накрывать будут! за обедом – скоро ли опять чай? А потом ужинать и спать... умрешь у вас!

– И все, мой друг, так делают. Сперва чай пьют, потом кто привык завтракать – завтракают, а вот я не привык завтракать – и не завтракаю; потом обедают, потом вечерний чай пьют, а наконец, и спать ложатся. Что же! Кажется, в этом ни смешного, ни предосудительного нет! (с. 321).

Здесь Иудушка игнорирует презумпцию 'чай пить, завтракать, обедать и т.п. – это не дело'.

ii. Нарушение постулата истинности/искренности (Категория Качества) – "Старайся, чтобы твое высказывание было истинным":

– Я, папенька, казенные деньги проиграл... <...> Я проиграл три тысячи, – пояснил Петенька, – и ежели завтра их не внесу, то могут произойти очень неприятные для меня последствия. – Что ж, внеси! – любезно молвил Порфирий Владимырьч (с. 289).

Здесь Иудушка вполне осознанно игнорирует пресуппозицию 'у меня нет денег', содержащуюся в реплике собеседника, отвечая косвенным речевым актом, в котором под видом согласия дает знать о том, что занимает позицию "вне проблемы".

Однако дискурс Иудушки как целое не может быть описан посредством указаний на несоблюдение постулатов Грайса. Тут было бы более уместно говорить о принципе некооперации, который, в частности, находит выражение в "стремлении уйти от ремо-предикативного аспекта беседы, т.е. от обмена новой, характеризующей информацией" [Николаева 1990: 226]. Но и такой подход вряд ли будет адекватен, потому что необходимо выйти за рамки прагматики высказывания – в дискурс и далее в текст, где создается дискурсный портрет Порфирия Владимырьча. В качестве ближайшей цели нужно найти общий принцип, управляющий каждым шагом вербального героя в диалоге (с какой целью он почти всегда стремится быть некооперативным собеседником?).

Из приведенных примеров, показательных для коммуникативного поведения Иудушки, видно, что он точно определяет область тематического единства с собеседником, стремясь затем расширить ее за счет игнорирования актуальной информации. Получается, что Порфирий Владимырьч всегда готов к согласию в некооперативном смысле, оказывается "настолько сильным, ... что бороться с таким человеком, который на все готов и на все согласен, совершенно нельзя" (с. 189).

Средством расширения тематического единства может быть самоинтерпретация, основанная на многозначности наряду с игнорированием презумпции: "Да ведь вы же позволили?" – говорит Петенька отцу, имея в виду женитьбу другого сына – Володеньки.

– Никогда я не позволяю! Он мне в то время написал: хочу, папа, жениться на Лидочке. Принимаешь: "хочу", а не "прошу позволения". Ну, и я ему ответил: коли *хочешь* жениться, так женись, я препятствовать не могу! <...> Я что сказал? я сказал: не могу препятствовать – только и всего. А позволяю или не позволяю – это другой вопрос. Он у меня позволения и не просил, он прямо написал: *хочу*, папа, жениться на Лидочке – ну, и я насчет позволения умолчал. *Хочешь* жениться – ну, и Христос с тобой! женись, мой друг, хоть на Лидочке, хоть на разлидочке – я препятствовать не могу! (с. 132–133).

Доведя аргументацию до достаточного расширения тематического единства, Иудушка констатирует наличие согласия – некооперативного, так как мнение собе-

седника его не интересует – и призывает к завершению коммуникации, нередко требует его.

Таким образом, он строит свой дискурс в соответствии с принципом, который можно было бы назвать "против противоречий", или "за тематическое единство", что, разумеется, не приводит к согласию в коммуникативном смысле.

Этим объясняется коммуникативная позиция Иудушки: он герой-адресант, который стремится всегда быть отправителем сообщений. Как и всякий отправитель, он "идеалист" в том смысле, что всегда идет от идеи, мысли, замысла к материи звучащей речи. Оказываясь в роли получателя (адресата), что неизбежно в диалоге, Порфирий Головлев вступает в противоречие со своей "коммуникативной судьбой". Отсюда его нежелание считаться с собеседником, следование принципу некооперации, стремление разрушить противоречия, которые необходимы для продления коммуникации. Причем можно трактовать коммуникацию в широком смысле – как коммуникацию с миром, жизнью. Последнее особенно опасно для Иудушки-идеалиста, ведь жизнь исполнена противоречий, и в отличие от других собеседников она практически всегда и коммуникативный лидер, и отправитель.

Иными словами, Иудушка – субъект монологический, поэтому его не особенно интересует реакция собеседника и эффект, оказываемый его дискурсом на получателя; в целом он стремится не столько убеждать в своей правоте, сколько доказывать ее, используя в качестве доводов отсылки к высшим инстанциям (Бог, вера, закон ...).

Конечная цель проведения в дискурсе принципа "против противоречий" и итог его всецело успешного применения – тотальное согласие. С другой стороны, идеология тотального согласия довлеет над всем дискурсом Иудушки, предопределяя его эволюцию – от диалогов с маменькой в начале романа, когда принцип "против противоречий" еще только складывается, до предпоследней главы "Выморочный", в которой абсолютное воплощение этого принципа влечет за собой наступление тотального согласия.

Обратим внимание на парадоксальность дискурса Порфирия Владимырыча. Выступая против всяческих противоречий, он тем самым выступает против коммуникации средствами самой коммуникации, то есть нуждается в том, что отрицает. Иудушка – говорун и словоблуд, он словообилен, но его дискурс, подчиненный идеологии тотального согласия, неминуемо должен привести своего автора к молчанию как коммуникативно-семиотическому самоубийству. Кроме того, он постоянно подыскивает себе собеседника, точнее говоря, слушателя; хотя в диалоге стремится к монологу, по существу, строит монолог в форме диалога.

Отступление. Парадоксальность дискурса Порфирия Головлева напоминает коммуникативное поведение шизофреников. Ср. описание так называемой "шизофренической дилеммы": "Если наблюдать поведение больного шизофренией в латентный период, то создается впечатление, что он *пытается не общаться*. Но поскольку даже бессмыслица, молчание, неподвижность (молчание поз) или любая другая форма отказа сама по себе является коммуникацией, то больной шизофренией вынужден отрицать то, что его отказ является коммуникацией" [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000: 46]. Однако наш герой любит общение, каким бы своеобразным с его стороны оно ни было. Его патология имеет не клинический, а сугубо литературный характер. Поэтому дискурс Иудушки не отвечает данным классического анализа [Якобсон 1987] языковых, речевых и текстовых особенностей коммуникации шизофреника. Помрачение вербального героя – фрагмент его дискурсного портрета. Последний имеет черты сходства с коммуникативно-семиотической спецификой русского литературного сумасшедшего. Так, интересно пристрастие Иудушки к цифре и счету (ср. в этой связи с Поприщинным из "Записок сумасшедшего", Германном из "Пиковой дамы" или Теглевым из рассказа И.С. Тургенева "Стук, стук, стук").

Цифра, знак числа, в значительной мере асемантична, счет – самоверифицируем, и вместе они независимы от противоречий реального мира. Между тем практическая деятельность требует числа и расчета. Иудушка в своем внутреннем дискурсе имитирует целесообразную реальную работу посредством постоянных вычислений, которые по мере утверждения прин-

ципа против противоречий приобретают самоценность и обесмысливаются Мало-помалу начинается целая оргия цифр Весь мир застилается в глазах Иудушки словно дымкой, с лихорадочной торопливостью переходит он от счетов к бумаге, от бумаги к счетам Цифры растут, растут " (с 600) Всеобщая вера в 'истину' числа и счёта при нерепрезентативности цифры относительно реального мира используются Порфирием Владимировичем как аргумент в споре и как средство для расширения тематического единства

'– На-тко, брат, смотри, что вышло! – показывает Иудушка воображаемому Илье какую-то совсем неслыханную цифру

– Что-то как будто уж и многовато! – говорит он < >

– Чудак, братец, ты! Это уж не я, а цифра говорит Наука, братец, такая есть, арифметикой называется уж она, брат, не солжет!' (с 591) "Цифра – святое дело, она уж не солжет!" (с 595)

Противопоставление лжи и цифры не случайно Расширение тематического единства всегда приводит в соответствие слова Иудушки с тем, о чем он говорит Возникает иллюзия истины как тривиального согласия с моралью, высшими ценностями, традицией Частная цель Иудушки в диалоге состоит в том, чтобы подвести отстаиваемый тезис под банальную истину (например, истину цифры и счёта) Тогда ложью оказывается то, что противоречит общепринятым ценностям, значит, и точке зрения Порфирия Владимировича, поэтому вербальный герой не приемлет лжи 'Я только по справедливости сужу что правда, то правда – терпеть не могу лжи! с правдой родился, с правдой жил, с правдой и умру! И всегда скажу правду, хоть, может быть, она и не для всех приятна! Правду и бог любит, да и нам велит говорить" (с 595)

Эти и другие свойства дискурса Иудушки иллюстрируются далее частными принципами (по большей части относящимися к идеологии героя), которые призваны обеспечить дискурсу параметры, оптимальные для достижения тотального согласия В силу того, что все приводимые ниже принципы не что иное, как черты дискурсно-портрета героя, каждый из них представлен формулировкой из метадискурса повествователя

Принцип противодействия, или *Дискурс против мира*

Что бы ни случилось, Иудушка уже *ко всему* готов заранее Он знает, что *ничто* не заставит его врасплох и *ничто* не заставит его сделать какое-нибудь отступление от той сети пустых и насквозь прогнивших афоризмов, в которую он закутался с головы до ног Для него не существует ни горя, ни радости, ни ненависти, ни любви Весь мир в его глазах есть гроб, могущий служить лишь поводом для бесконечного пустословия (с 119)

Поскольку столкновения с жизнью неизбежны, необходимо средство для нейтрализации противоречий, то есть для расширения тематического единства. Это средство – пустословие Его механизм в общем случае таков актуальная информация, несущая угрозу противоречий, подводится под более общее и тривиальное понятие, а затем подменяется таким понятием, вследствие чего утрачивается основание для противопоставления Иудушка всегда держал наготове множество подобных пустых абстракций (содержание всякой абстракции, как известно, стремится к "нулю", за счет чего его объем увеличивается вплоть до некоторой универсальной совокупности), хранящихся в его памяти в форме прецедентных текстов

Нет сомнения, что с Петенькой случилось что-то недоброе, но, что бы ни случилось, он, Порфирий Головлев, должен быть выше этих случайностей Сам запутался – сам и распутывайся, умел кашу заварить – умей ее и расхлебывать, любишь кататься – люби и саночки возить Именно так, именно это самое он и скажет завтра, о чем бы ни сообщил ему сын (с 120)

Это позволяет Иудушке пребывать в постоянной готовности выступить против любых противоречий "Ну, ладно Только я, брат, говорю прямо никогда я не обдумываю. У меня всегда ответ готов < ..> У меня брат вывертов нет! Я весь тут, на ладони" (с 126)

В диалоге с таким трудным собеседником, как реальный мир, все намного сложнее. Когда стало известно о беременности от Порфирия Владимыча прислуживающей ему девки Евпраксеюшки, Иудушка "понял, что отныне расчеты на счастливое соединение роли прелюбодея с ролью постороннего наблюдателя результатов собственного прелюбодеяния окончательно рухнули для него" (с 343–344). То есть он столкнулся с явным противоречием, для выхода из которого прибегает к аналогу пустословия – пустомыслию:

Пустомыслие сослужило и тут свою обычную службу, и Иудушке в конце концов удалось-таки, с помощью невероятных усилий, утопить предствление о "беде" в бездне праздных слов Нельзя сказать, чтобы он сознательно на что-нибудь решился, но как-то сама собой вдруг вспомнилась старая, излюбленная формула "Ничего я не знаю! ничего я не позволяю и ничего не разрешаю!" < > Теперь он уж смотрел на предстоящие роды как на дело, до него не относящееся < > Он почти игнорировал Евпраксеюшку и даже не называл ее по имени, а ежели случалось иногда спросить об ней, то выражался так "А что *та* все еще больна?" (с 189)

На этот раз повествователем описывается не сам дискурс, а "внутренняя речь" Иудушки и одновременно замысел и механизм будущей коммуникативной тактики. Идеология остается прежней – тотальное согласие в ситуации с Евпраксеюшкой Порфирий Владимыч "оказался настолько сильным, что даже Улитушка поняла, что бороться с таким человеком, который на все готов и на все согласен, – совершенно нельзя" (с. 189). Что касается собственно дискурса, то для осуществления принципа "против противоречий" он приобретает следующие свойства.

Отсутствие глобальной связности – свойство, необходимое для постоянной готовности устранить любое тематическое единство, то есть разрушить какое бы то ни было основание для противопоставления. Отсутствие глобальной связности характеризует как этап замысла, коммуникативной готовности, так и реализацию дискурса В случае оппозитивного диалога (спора) коммуникативная готовность предполагает максимум аморфности:

Чует он, что приезд сына предвещает что-то не совсем обыкновенное, и уже заранее в голове его зарождаются всевозможные пустословные поучения Поучения эти имеют то достоинство, что они ко всякому случаю пригодны и даже не представляют собой последовательного сцепления мыслей Ни грамматической, ни синтаксической формы для них тоже не требуется они накапливаются в голове в виде отрывочных афоризмов и появляются на свет Божий по мере того, как наползают на язык (с 119)

Вместе с тем сам дискурс Иудушки-спорщика выстроен весьма последовательно (Иудушка выходит несомненным победителем во всех спорах), поскольку он всегда преследует одну и ту же идеологическую цель, для достижения которой сознательно пренебрегает единством обсуждаемой темы, лжет, пустословит, то есть лишает свой дискурс и диалог в целом глобальной связности (наиболее полно все эти черты коммуникативного поведения Порфирия Владимыча переданы в споре с сыном Петькой, см конец главы "Семейные итоги")

В бесконфликтных бытовых беседах, где противоречия не возникают, отсутствие глобальной связности является следствием фатической коммуникации, а с другой стороны, это необходимо для предотвращения внезапных или случайных противоречий, ср о беседах Иудушки с "милым другом маменькой"

Собравшись вместе, они с утра до вечера говорили и не могли наговориться Говорили обо всем

Эти разговоры имели то преимущество, что текли, как вода, и без труда забывались, следовательно, их можно было возобновлять без конца с таким же интересом, как будто они только сейчас в первый раз пущены в ход (с 106)

Неинформативность следует из отсутствия глобальной связности, несовместимой с выполнением коммуникативной функции (см. выше пример на нарушение постулата информативности). Неинформативность как объективное свойство дискурса Иудушки воспринимается и оценивается его собеседниками всегда отрицательно.

С одной стороны, это – страх как результат воздействия дискурса: "Страшно, – подытоживает Аннинька, – когда человек говорит и не знаешь, зачем он говорит, что говорит и кончит ли когда-нибудь" (с. 162). С другой, – вербальная тирания как способ, "манера" ведения диалога:

- Что так? неужто дядя так страшен?
- Не очень страшен, а тиранит, слов не жалеет. Словами-то он сгноить человека может (с. 174).

Таким образом, отсутствие глобальной связности вызывает неинформативность, вместе они лишают слушателя каких-либо ориентиров (оппозиций), вызывая страх перед тотальным согласием как отсутствием противоречий, неким *ничто*, противоположным жизни. Ср.:

... Порфирий Владимырьч, как только встретит живого человека, так тотчас же начинает опутывать его целою сетью тягучих словесных обрывков, в которых не за что уцепиться невозможно, но от которых делается невыносимо скучно, почти тяжело... (с. 567).

Принцип изоляции, или *Дискурс без реальности*

Едва начинал он "соображать", как целая масса пустяков обступала его со всех сторон и закрывала для мысли всякий просвет на действительную жизнь. Лень какая-то обуяла его, общая, умственная и нравственная анемия. Так и тянуло его прочь от действительной жизни на мягкое ложе призраков, которые он мог перестанавливать с места на место, одни пропускать, другие выдвигать, словом, распоряжаться, как ему хочется (с. 577).

Казалось, всякое общение с действительной жизнью прекратилось для него. Ничего бы не слышать, никого бы не видеть – вот чего он желал (с. 584).

Принцип изоляции дополняет принцип противодействия: когда опасность вторжения реального мира становится слишком велика, ее следует избежать, максимально ограничив контакты с миром. Стремление к изоляции с целью избежать противоречий и достичь тотального согласия нарастает от начала романа, достигая своего апогея в конце главы "Выморочный". Сначала изоляция в Головлеве от остального мира, потом, со смертью "маменьки" – "последнее живое существо, с которым он мог делить прах, наполнявший его", – изоляция от живого слушателя, затем, с уездом племянницы Анниньки, "порвалась всякая связь с миром живых", наконец, осознанное стремление к тотальной изоляции как к условию устранения всех возможных ад-ресантов-конкурентов:

Порфирий Владимырьч был счастлив. Он плотно запирает окна и двери, чтобы не слышать, спускает шторы, чтобы не видеть. Все обычные жизненные отправления, которые прямо не соприкасались с миром его фантазии, он делал на скорую руку, почти с отвращением (с. 587).

Принцип замещения, или *Дискурс как мир вместо мира*

Ничем не ограничиваемое воображение создает мнимую действительность, которая, вследствие постоянного возбуждения умственных сил, претворяется в конкретную, почти осязаемую (с. 587). Существование его получило такую полноту и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь мир был у его ног, разумеется, тот немудреный мир, который был

доступен его скудному созерцанию. Фантазия, отвернувшись от действительности, питала себя сама, самостоятельно создавая новые и новые основы для своих полетов (с. 587).

Данный принцип – компенсация предыдущего и дополнение к нему: Иудушка, желая восполнить отсутствие неугодных ему реального мира и реальных собеседников, создает "возможный мир" собственного дискурса.

Запершись в кабинете и засевши за письменный стол, он с утра до вечера изнывал над фантастической работой: строил всевозможные несбыточные предположения, учитывал самого себя, разговаривал с воображаемыми собеседниками и создавал целые сцены, в которых первая случайно взбредшая на ум личность являлась действующим лицом (с. 585).

Коммуникативное пространство дискурса сужается, перемещаясь во внутреннее ментальное пространство вербального героя. Он устраняется от реальных собеседников, вследствие чего дискурс утрачивает все физиологические параметры, становится беззвучным и отделяется молчанием внешнего мира:

– Неужто и на бобах разводить перестал?

– Нынче они, барышня, молчат. Все говорили и вдруг замолчали. Слышим иногда, как промеду себя в кабинете что-то разговаривают и даже смеются будто, а выдут в комнаты – и опять замолчат (с. 230).

Возможный мир дискурса, замещающий мир реальный, характеризуется отсутствием противоречий и вседозволенностью для его автора:

Теперь эти свойства [сообщает повествователь, имея в виду свойства Иудушкиного дискурса до замещения им реального мира. – *В.Л.*] всецело перенесли на отвлеченную, фантастическую почву, где уже не имелось места ни для отпора, ни для оправданий, где не было ни сильных, ни слабых, где не существовало ни полиции, ни мировых судов (или, лучше сказать, существовали, но единственно в видах ограждения его, Иудушкиных, интересов) и где, следовательно, он мог свободно опутывать целый мир сетью клеуз, притеснений и обид (с. 585).

Впрочем, и здесь Иудушка по инерции, приобретенной им в общении с реальными адресатами, создает мнимые противоречия в мнимых диалогах, однако опять-таки для достижения своего полного и победоносного согласия – тоже мнимого. Мнимость его в том, что он воображает того или иного собеседника, заранее предопределяя результат диалога – согласие. Тем самым Иудушка сводит коммуникацию к безголосому ритуалу, в центре которого – саморасширяющееся тематическое единство. Диалог и вообще обмен информацией прекращается, наступает тотальное согласие.

* * *

Если определять Иудушку как вербального героя, судьба которого неотделима от его коммуникативной стратегии, то надо признать, что полное осуществление идеологии тотального согласия, управляющей коммуникативной стратегией вербального героя, означает его смерть: противоречий больше нет, принцип "против противоречия" исчерпан, коммуникация отсутствует.

Как вербальный герой Порфирий Головлев умирает в предпоследней главе "Выморочный" романа "Господа Головлевы". Его физическая смерть описана в последней главе "Расчет"⁶. Не имея в виду дать интерпретацию целого текста, мы не пред-

---

⁶ Немаловажно то обстоятельство, что сначала Салтыков-Щедрин публиковал в "Отечественных записках" отдельные рассказы о Головлевых, которые позже объединил в единый текст романа.

полагаем также и "раскрытие образа" Иудушки. В то же время дискурсивный портрет вербального героя оказывается полностью завершенным именно в главе "Выморочный"; об этом свидетельствует и само ее заглавие, и весь текст главы.

Выморочный, по Далю, современнику Салтыкова-Щедрина, – 'вымерший', 'умерший без наследников' – от *вымаривать*, *выморить* – 'маять, истомить', 'гнести невыносимо'; *выморочный* тесно связано с семантикой тьмы и сумасшествия: *мрак*, *морок* – 'мрак' и 'умопомрачение'; *выморочный* имеет также речевую семантику в силу близости к *морочить* – 'обманывать', 'запутывать' и одновременно *морочить* – 'пограться', 'темнеть'.

В тексте главы пространство действия, изначально ограниченное локусом головлевской усадьбы, сужается до кабинета Иудушки; реальное коммуникативное пространство свертывается до автокоммуникативного и ментального. Оба этих изолированных пространства пусты. Само ключевое слово *выморочный* приобретает смысл 'пустой': "Покуда в головлевском доме было людно – он, конечно, предпочитал празднословие...; но ежели празднословить будет не с кем и не для кого, то он не отступит перед полной выморочностью, потому что и ее он найдет средство населить призраками своего праздномыслия" (с. 566). Выморочность как внутренняя пустота – определяющая характеристика Порфирия Владимырыча: "Как в сфере мысли он был пустословом, в сфере религии – пустосвятом, в сфере домашнего обихода – пустодомом, так в сфере семейных отношений явился пустоутробным" (с. 569). Пустота – одно из следствий смерти – "Все вокруг него опустело: одни перемерли, другие ушли" (с. 566) – и стремления к изоляции, в частности, нежелания видеть реальность, вступать с ней в диалог: "целая масса пустяков обступала его со всех сторон и закрывала для мысли всякий просвет на действительную жизнь" (с. 577); "спускал шторы, чтобы не видеть" (с. 587); "никого бы не видеть – вот чего он желал" (с. 584). Нежелание видеть сочетается с желанием стать невидимым – для общения с иным, невидимым миром, населенным мертвецами: "Он представляет себя невидимкою и в этом виде инспектирует свои владения, в сопровождении старого Ильи, который еще при папеньке, Владимире Михайловиче, старостой служил и давным-давно на кладбище схоронен" (с. 589). Глава заканчивается введением в текст множества адресатов-мертвецов, с которыми Иудушка интенсивно общается в своем дискурсе-как-мире. Отсюда обилие обозначений болезни и смерти: (*организм изнашивается и сгорает, страдательное разложение, агония, порча, (источал из себя) массы словесного гноя, анемия, недуг, страдал болезнью, болезненная жажда стяжания, перемерли, прах, помертвел, все вымерло, на кладбище схоронен, мертвый, покойник, покойница, из могилы явилась*).

3

ПРОТИВОРЕЧИЕ И СОГЛАСИЕ В ИХ ОТНОШЕНИИ К СВЯЗНОСТИ, ЦЕЛЬНОСТИ И СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Коль скоро языковые концепты ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ значимы для дискурса, языка в действии, они должны получить отражение в свойствах текста – готовом результате дискурсивной практики.

Концепт СОГЛАСИЯ – единство или тождество позиций абстрактно понимаемых собеседников (актантов) относительно обсуждаемой в диалоге (также в широком смысле) темы – соотносится с содержанием терминов *согласование*, *когезия*, *изотопия*. Все они предполагают сходство или тождество повторяющихся в тексте (чаще – в синтагме) граммем, смыслов, сем. Данные виды связности относятся к локальным, они тяготеют к линейности, в значительной мере обусловлены не текстовым, а языковым кодом и безразличны к типологической специфике текста.

При переходе к цельности и глобальной связности (когерентности), лежащей в основе структуры художественного текста, повышается значимость ПРОТИВОРЕЧИЯ.

С одной стороны, это противоречия в изображаемом, в референтной области текста. Они замечаются получателем, потому что формально удовлетворяют определению противоречия в логическом смысле. Однако нереперентность художественного текста относительно внешней для него действительности, автореперентность его отдельных знаков и авторефлексивность текста как целого вместе создают предпосылки для реабилитации противоречий в изображаемом. Логические оценки здесь не всегда адекватны, ср. известный тезис о нерелевантности истины и лжи в возможном мире художественного текста. Противоречие остается самим собой, но расценивается не как ошибка или недостаток, что характерно для позиции получателя нехудожественного текста, а как самоценный эстетический факт. Используя иконическую для данной темы формулировку, можно сказать, что противоречие – это не противоречие:

Художественное противоречие, восхищающее вкус верный и изысканный, вовсе не есть противоречие, но особенный путь души достигать красоты. Когда ребенок, захваченный глубоким чувством, лепечет своей матери: "Я люблю тебя больше всех на свете", а отец, услышав его лепет, спросит: "А меня?" – ребенок, не колеблясь, ответит: "И тебя больше всех на свете". Эти божески верные слова покажутся противоречием лишь тому, кто тусклыми своими глазами не умеет читать слова человеческие и божеские [К. Бальмонт. "Русский язык (Воля как основа творчества)"].

Это не касается тех фрагментов художественного текста, которые сохраняют референтную связь с реальностью. Несоответствие фактам в той части исторического романа, в какой он является историческим, логические упущения в сюжете детективного романа и т.п. – все это противоречия как они есть. Поэтому Пушкин считает возможным говорить о соединении несоединимого в некоторых стихах К.Н. Батюшкова *Это все друг другу слишком уж противоречит*. Кроме того, текст может быть просто плохим, небрежным, но художественным (это, по Ц. Тодорову, не может быть причиной для отнесения его к какому-либо другому типу текстов)⁷.

С другой стороны, противоречие как форма и принцип организации плана содержания текста может выполнять функцию его глобальной связности. Здесь интересен пример предельно малых текстов, в которых локальная связность (vs. СОГЛАСИЕ) и глобальная (vs. ПРОТИВОРЕЧИЕ) совпадают. Так, в метафоре и метафорическом высказывании, если их рассматривать в качестве текста⁸, "можно видеть сокращенное сравнение, но в нем можно видеть и сокращенное противопоставление" [Арутюнова 1998: 382]. Основание для сравнения то же, что и для противопоставления. Например, в метафоре *спор – это война*, в сравнении *спор – это как война* и в метафорическом высказывании с восстановленным отрицанием *это не спор, а война* таким основанием является смысл 'агрессивное противостояние собеседников'. Сопоставляемые по общему основанию объекты не обязательно противоположны (спор и война не противоположны), но "образцовая" метафора, по выражению Х. Вайнриха, преддицирует противоречие; ср. приведенные выше примеры *громогласное, гулкое, оглушительное молчание*. Противоречие как принцип организации метафоры оказывается модельным для строения художественного текста: «Чем дальше отстоят друг от друга противопоставляемые разряды объектов, тем ярче "метафорический сюрприз" от их контакта. Соположение далекого (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи и еще одна причина родства метафоры с поэзией»

⁷ Типичный пример: "Рядом с водителем, напряженно всматриваясь в дорогу, сидит мужчина лет тридцати, с тонкими, скорее даже острыми чертами лица. Прядь волос падает на лоб, скрывая беловатую черточку шрама под виском. Его глаза закрыты, но он не спит" (В. Угрюмов "Уходя – гасите всех! Роман").

⁸ Метафора, по Ю.М. Лотману, – это текст, а художественный текст, в плане содержания всегда неаддитивный, стремится стать "одним большим словом", которое в идеале – троп [Лотман 1996: 63–65].

[Арутюнова 1998 383] Логично поэтому, что Ю М Лотман, обосновав связь "метафора – это текст, текст – это метафора", объявляет противоречие и "со-противление" общим принципом связи частей художественного текста

Таким образом, СОГЛАСИЕ ассоциируется с линейными и локальными пространствами текстов всех типов; ПРОТИВОРЕЧИЕ – со всем нелинейным семантическим пространством художественного текста, будучи специфичным для конституирования структуры именно этого типа текстов Вместе СОГЛАСИЕ и ПРОТИВОРЕЧИЕ получают отражение в плане содержания и в плане выражения любого художественного текста – устного и письменного, диалогического и монологического, современного и архаического

О последнем пишет О М Фрейденберг Логос говорит деревьями, землей, птицами, животными, водой, людьми, вещами Форма этого 'разговора' – борьба < > Одна сторона спрашивает другую, другая отвечает, одна отрицает, другая говорит утвердительно, одна сторона обращается, другая внимает Необходимо усвоить нам, людям современного века, что и слушание есть активное действие, есть акт Одна сторона произносит, обращается, другая слушает, внимает, молчит, но составляет часть общего акта поединка, соучаствует в нем, ритмически это соответствует паузе, а на сочетании звука и паузы покоится единица ритма' [Фрейденберг 1978 57–58]

Приоритетное положение ПРОТИВОРЕЧИЯ осознавалось как авторами, так и исследователями художественного текста Еще немецкие романтики в XIX веке говорили о противоречии в произведении искусства как "самой совершенной согласованности" (К -В -Ф Зольгер) В XX веке противоречие рассматривается как принцип связности произведения и текста (Б Кроче, В Шкловский, О Фрейденберг и др). Причем это положение относится к художественному тексту в широком (семиотическом) смысле, то есть не только к вербальному В этом плане показательна разработанная С Эйзенштейном в тридцатых годах концепция монтажа кинотекста (с современных позиций – глобальной и локальной связности кинотекста) В ее основу положен "принцип конфликта" ("монтаж – это конфликт"), который, по Эйзенштейну, имеет универсальный характер – "основа всякого искусства всегда конфликт" [Эйзенштейн 1964 290] Развивая принцип конфликта, В И Пудовкин отмечает своего рода конверсию *monter* (фр) 'строить, собирать' и *cut* (англ) 'резать' в обозначении связности кинотекста "Искусство соединять отдельные, снятые куски так, чтобы зритель в результате получил впечатление целого, непрерывного, продолжающегося движения, мы привыкли называть монтажом Англичане называют его проще и грубее – cutting, то есть резка" [Пудовкин 1974а 168] Связность кинотекста основана с позиции отправителя-автора на совмещении 'соединения' и 'разрезания' "Метод раздела и соединения, развиваемый техническими возможностями кинематографа до высоких форм совершенства, мы и называем киномонтажом" [Там же 177] Можно сказать, что с точки зрения автора монтаж – это связность, монтаж (связность) есть конфликт с позиции наблюдателя, конфликт и противоречие – имманентное свойство организации художественного текста с позиции получателя-наблюдателя, исследователя (которую и занимают Эйзенштейн и Пудовкин, размышляя о принципе конфликта) Причем противоречие не является тотальным, а носит градуальный характер "Прямое столкновение есть такой же частный случай, как и последовательное сцепление, катящееся по одному направлению Между этими двумя полюсами лежат тысячи других, промежуточных форм конфликта, двух или нескольких сходящихся направлений" [Пудовкин 1974б 147]

Концепт ПРОТИВОРЕЧИЯ обнаруживает свойство коммуникативной и тексто-вой ценности, того, благодаря чему (в ряду других факторов) поддерживается коммуникация и конституируется текст Концепт СОГЛАСИЯ тяготеет к соотносительности со служебными видами организации текста, он более значим не для процесса коммуни-

кации, а для его результата согласие – то, к чему стремятся, что может быть итогом речевого общения, является условием сотрудничества, сосуществования

С этой точки зрения принцип кооперации Грайса нужно расценивать как одну из форм согласия, поскольку он предполагает "совместно принятую цель (направление) диалога" [Грайс 1985 222] Однако этот принцип фиксирует "лучшее намерение" участников речевого общения В ходе коммуникации принцип кооперации, как известно, в той или иной мере нарушается "Понимание не означает согласия Смысловая ценность коммуникации связана с мерой этого согласия" [Жинкин 1982 87] А это предполагает – с мерой ПРОТИВОРЕЧИЯ во всем многообразии смыслов, стоящих за данным концептом Поэтому реальность процесса речевого общения или, по крайней мере, один из важнейших аспектов этого процесса получает отражение в принципе "негативной кооперации" Т Котарбинского "Случай взаимного объективного, а вместе с тем и сознательного препятствования мы считаем наиболее интересным потому, что при этом обе стороны взаимно вынуждаются к преодолению трудностей в особенно интенсивной форме и, следовательно, косвенно принуждаются к совершенствованию техники действий" [Котарбинский 1975 206]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1999 – *Н Д Арутюнова* Язык и мир человека М, 1999
Арутюнова 2000а – *Н Д Арутюнова* Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке М, 2000
Арутюнова 2000б – *Н Д Арутюнова* Феномен молчания // Язык о языке М, 2000
Берковиц 2001 – *Л Берковиц* Агрессия причины, последствия и контроль СПб, 2001
Вацлавик, Бивин, Джексон 2000 – *П Вацлавик Д Бивин, Д Джексон* Прагматика человеческих коммуникаций Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия М, 2000
Гийом 1992 – *Г Гийом* Принципы теоретической лингвистики М, 1992
Грайс 1985 – *Г П Грайс* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике Вып XVI М, 1985
Жинкин 1982 – *Н И Жинкин* Речь как проводник информации М, 1982
Котарбинский 1975 – *Т Котарбинский* Трактат о хорошей работе М, 1975
Лоренц 1994 – *К Лоренц* Агрессия (так называемое зло) М, 1994
Лотман 1996 – *Ю М Лотман* Риторика – механизм смыслопорождения // Ю М Лотман Внутри мыслящих миров Человек–текст–семиосфера–история М, 1996
Лукин 1996 – *В А Лукин* Слово противоречие, одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке // Словарь Грамматика Текст М 1996
Макеева 2000 – *И И Макеева* Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке М, 2000
Невская 1999 – *Л Г Невская* Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий Семантика звука и речи в традиционной культуре славян М, 1999
Николаева 1990 – *Т М Николаева* О принципе некооперации и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка Противоречивость и аномальность текста М, 1990
Пудовкин 1974а – *В И Пудовкин* О монтаже // В И Пудовкин Собр соч в 3 тт Т 1 М, 1974
Пудовкин 1974б – *В И Пудовкин* Творчество кинорежиссера // В И Пудовкин Собр соч в 3 тт Т 1 М, 1974
РАС I 1994 – Русский ассоциативный словарь / Ю Н Караулов, Ю А Сорокин, Е Ф Тарасов Н В Уфимцева, Г А Черкасова Кн 1 М, 1994
РАС III 1996 – Русский ассоциативный словарь / Ю Н Караулов, Ю А Сорокин, Е Ф Тарасов, Н В Уфимцева, Г А Черкасова Кн 3 М, 1996
Фрейденберг 1978 – *О М Фрейденберг* Введение в теорию античного фольклора Лекции // О М Фрейденберг Миф и литература древности М, 1978
Эйзенштейн 1964 – *С М Эйзенштейн* За кадром // С М Эйзенштейн Избр произведения в 6 тт Т 2 М 1964
Якобсон 1987 – *Р Якобсон* Взгляд на Вид Гельдерлина // Р Якобсон Работы по поэтике М, 1987

© 2003 г.

Э.А. УМАРОВ

МАХМУД КАШГАРСКИЙ О СОГЛАСНОМ "Г"

В тюркологии существует мнение, что согласный "г" является производным от "к" [Серебренников Гаджиева 1979 35]. Изучение "Дивана луғат-ит турк" Махмуда Кашгарского показывает, что согласный "г" как и "к" существовал еще в древнетюркский период. Согласный "к" ученый называет "кяфи ас-сулбати" («сильный "к"»), "г" – "кяфи ар-рақиқа" («слабый "г"»). Из этого можно сделать вывод, что Махмуд Кашгарский впервые в XI в. предпринял попытку классификации согласных "к" и "г" по произношению, выделив сильные и слабые. Он пишет, что в словах *кесак* "кусок сухой глины", *эшк* "дверь" употреблен "кяфи ас-сулбати". Фонетическая структура *кесак* и *эшк*, а также значение арабского слова *сулба* "сильный" дает основание считать, что под данным термином подразумевается сильный "к". Махмуд Кашгарский пишет, что в словах *џџг* "мертвый", *тириг* "живой" употреблен "кяфи ар-рақиқа". Слова в "Диване" *џџг*, *тириг* и арабский *рақиқ* "слабый" дают основание утверждать, что под "кяфи ар-рақиқа" в словаре подразумевается слабый "г".

Термин "кяфи ас-сулбати" встречается в следующих словарных статьях

كوك (251 4)¹ би-л-кафи ас-сулбати ас-самъау

аџк - с "сильным" "к" "небо"

بيك (253 15) би-л-кафи ас-сулбати ал-миғзалу

йик с "сильным" "к" "веретено"

В "Дивану туғат-ит турк" термин "кяфи ар-рақиқа" встречается в следующих словарных статьях

ازريك (44 4) ал-хашабу аллази йудау аланџи ас-сарџу ва саџибу-с-сарџи нузка-ру би-л-кафи ар-рақиқати

эзарлик подставка (доска), на которую ставится свеча, владелец светильника обозначается слабым кяфом *эзарлиг*

اگرلك (44 5) а-л-мавдаџу а-лази йуџъалу аз зуџну ва саџибуџи би-л-каф ар-рақиқати

угуртук место для масла, владелец (маста) обозначается слабым кяфом *угуртуг*

كوك (250 10) би-л-кафин рақиқатин арузу алл-пшири

ког со слабым кяфом, аруз стиха (те просодия)

اتكلك بوز (44 8) ай кирбасун муаддун ил йуғаџаза минџу аз-заил ва ас-савбу иза жуила мавсуфан би-зайли иукалу лаџу *этаклик тун* ай савбун ва ас-савбу зу зайлин би-л-кафин рақиқати

¹ Примеры приведены из книги [Divanu 1990], цифры в скобках означают страницу и строку

этаклик бўз – бязь для подола подол одежды называется *этаклиг* тўн, кяф ста-
бий те "г"

أشكلك برجن (44 14) ай дибажун муаддун ли йуттаҳаза минүү ад-дисару ва саҳи-
буүү би-л-кафи рақиқати

эшуклик баржин – парча для верхней накидки, ее владелец обозначается слабым
кяфом – *эшуклиг*

В вышеприведенных примерах легко заметить что Махмуд Кашгарский особо
подчеркивает что аффикс *-лиг* в словах *этаклиг*, *эшуклиг* передает значение обладания

Существование "г" отмечается и в памятнике XIV в "Ат туҳфатуз закияту фил-
луғат-ит туркия" ("Изысканный дар тюркскому языку") Если согласный 'к' упоми-
нается в составе 19 букв тюркского алфавита [Муталлибов 1968 9] то фонема "г" име-
нется специальным термином "кяф ал-маьқуда" Издатели "Изысканного дара тюрк-
скому языку" этот согласный переводят на русский язык как "кяф связанный" [Фазы-
лов, Зияева 1978 20]

Данные Махмуда Кашгарского наводят на мысль, что согласный "г" существовал
еще в XI в и что "к" и "г" в древнетюркском различались по произношению силь-
ному/слабому, а не по звонкости/глухости как принято в современных грамматиках
тюркских языков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Муталлибов 1968* – Ат туҳфатуз закияту фил-луғат-ит туркия Таржимон ва нашрга тайёрловчи
С Муталлибов Тошкент, 1968
- Серебренников, Гаджиева 1979* – В Серебренников Н Гаджиева Сравнительно-историческая
грамматика тюркских языков Баку, 1979
- Фазылов, Зияева 1978* – Изысканный дар тюркскому языку // Э И Фазылов, М Т Зияева Введение,
лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий грамматический указатель Ташкент
1978
- Divanı 1990* – Divanı lûgat-ı türk Kaşgarlı Mahmud Tıpkıbasım Faksimile Ankara 1990

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2001. 280 с.

Существует мнение, что в ведущих отраслях современной науки полное обновление системы научных взглядов, или смена научной парадигмы, происходит каждые 10–15 лет, однако в области гуманитарных знаний, согласно поправке, внесенной акад. Вяч.В. Ивановым, такое событие несколько затягивается и осуществляется через 20–25, а то и 30 лет. Если с этими мерками подойти к истории развития отечественной тюркологии и за исходную точку ее современного состояния взять сложившуюся к 90-м годам XIX в. ситуацию, главным действующим лицом в которой был акад. В.В. Радлов, чьи труды определили, по общему мнению, все направления дальнейшего развития этой отрасли языкознания, то завершение "радловского периода" в тюркологии, целой эпохи накопления и научного освоения нового материала, совпало с началом языкового строительства в бывшем Советском Союзе – с концом 20-х – 30-ми гг. XX в. Особенности общественного развития и фундаментальный сдвиг в состоянии языковой ситуации у тюркоязычных народов сформировали новые задачи тюркологии и определили новые подходы к решению теоретических и практических вопросов. В этот период ярчайшими фигурами складывавшейся в тюркском языкознании научной парадигмы стали Е.Д. Поливанов, акад. А.Н. Самойлович и их младший коллега Н.К. Дмитриев, первые два – представители петербургского востоковедения, последний – воспитанник московской школы. Однако Е.Д. Поливанов был вскоре отстранен от активной творческой деятельности, и огромная научно-организационная работа по развитию и координации тюркологической науки в стране легла на плечи А.Н. Самойловича, которая продолжалась до его трагического конца в 1938 г.

А.Н. Самойлович, ученик П.М. Мелиоранского, прошедший в Петербурге радловскую научную школу и оставшийся ей верным на своем творческом пути, как ученый особенно много сделал в двух областях тюркологии: изучении истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков и публикации средневековых литературных памятников. В то же время с его именем связаны и уточнения классификации тюркских языков, принципы которой прослеживаются и в новейших опытах последней, и начало комплексных описаний конкретных тюркских языков и диалектов, и первые семасиологические разработки, неоднократные обращения к гендерным явлениям в тюркских языках, и ряд других актуальных исследований в области общей тюркологии. Таким образом, научная и научно-организационная деятельность акад. А.Н. Самойловича, с одной стороны, оказалась прочным звеном, связавшим основные тенденции тюркологической научной парадигмы радловского периода с советской эпохой, благодаря чему эта линия не прервалась и сохраняется в науке до последнего времени, и, с другой стороны, обеспечила базу для развития новой парадигмы 30–50-х гг., отвечавшей потребности советского языкового строительства (создание письменности, алфавиты, орфография, формирование новых литературных языков, словари, учебники, обобщенные описания языков и пр.).

Заметный сдвиг в тюркском языкознании произошел в 50–60-е гг., толчком к которому был отказ от марровских догматов. Именно тогда во всей силе проявился научный и организационный талант Н.К. Дмитриева, возродившего в отечественной тюркологии сравнительно-исторические исследования и в целом поднявшего ее развитие на уровень мировой лингвистической науки. Думается,

не будет преувеличением сказать, что именно с его именем и связано формирование новой научной парадигмы в тюркологии, той парадигмы, которая в значительной мере определяет лицо этой отечественной науки и в наши дни.

Н.К. Дмитриев, получивший восточное образование в Лазаревском институте восточных языков, которое стало его основной специальностью, частично потеснив первоначальную университетскую специализацию по классической и славянской филологии, как нельзя лучше соединял в своей деятельности филологические традиции Московского университета и новейшие направления тюркологии. Владея большим числом живых тюркских языков, он уже с 1921 г. активно включился в решение насущных задач изучения и описания этих языков, их диалектов, составления и редактирования национально-русских и русско-национальных словарей, а также в подготовку научных кадров для тюркоязычных республик, укрепления позиций тюркологии, развития в стране тюркологического образования и в разработку лингводидактических основ преподавания в национальной школе родного и русского языков. А когда в 50-е гг. XX в. в отечественном языкознании был наконец реабилитирован в своих правах сравнительно-исторический метод, именно Н.К. Дмитриев первым поставил вопрос о создании исторической грамматики тюркских языков и возглавил в академическом Институте языкознания научный коллектив, который создал многотомные "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ознаменовавшие открытие нового – сравнительно-исторического – направления в нашей тюркологии. Это означало также сохранение преемственности научной линии, проводимой А.Н. Самойловичем, тесное сотрудничество с которым Н.К. Дмитриев поддерживал многие годы, но это был и иной, более высокий уровень исторических исследований, обогащенный достижениями лингвистических наук середины XX в. К сожалению, Н.К. Дмитриеву, ушедшему из жизни в 1954 г., не суждено было увидеть дальнейшие плоды его деятельности на этом поприще – "Этимологический словарь тюркских языков", новые серии "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков" и достижения российских алтаистов.

В 1998 г. исполнилось сто лет со дня рождения ученого. Научная общественность отметила этот знаменательный факт в истории развития отечественной тюркологии созданием сборника научных статей, характеризую-

ющих отдельные направления деятельности ученого, и публикациями в нем неизвестных архивных трудов Н.К. Дмитриева, раскрывающих новые грани его научного таланта.

Рецензируемый сборник, таким образом, представлен двумя разделами, подготовленными учениками ученого: первый раздел (он составлен Е.А. Поцелуевским) содержит материалы к творческой биографии Н.К. Дмитриева, во втором разделе (составитель Г.Ф. Благова) опубликованы работы самого ученого, касающиеся в основном истории развития науки и деятельности отдельных тюркологов. Сборник завершается подробной библиографией опубликованных и неопубликованных работ Н.К. Дмитриева.

В открывающей первый раздел сборника биографической статье "Николай Константинович Дмитриев" ее авторы, Э.Р. Тенишев и А.В. Дыбо, освещая основные этапы жизненного пути ученого, сделали акцент на раскрытии теоретических принципов, которыми тот руководствовался в своей многогранной научной деятельности. Естественно, первым ее направлением обозначена сравнительная грамматика тюркских языков, интерес к которой и навыки работы в области исследования истории языка вообще были, несомненно, сформированы у Н.К. в годы учебы на историко-филологическом факультете МГУ (1916–1920), знаменем которого тогда была лингвистическая концепция Ф.Ф. Фортунатова и его научная школа, представленная во времена Н.К. на факультете В.К. Поржезинским, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаковым. Эта подготовка в области сравнительного индоевропейского и русского языкознания позволила ученому, продолжившему свое восточное образование в ЛИВЯ (1918–1922), глубоко осознать задачи тюркской исторической грамматики, сформулированные П.М. Мелиоранским и А.Н. Самойловичем. К сожалению, тогда эти проблемы не были актуальными для советского языкознания, однако и в описательных работах ученого того периода содержится много интересных сравнительно-исторических экскурсов и наблюдений. Освещению вклада Н.К. Дмитриева в развитие сравнительных исследований в области тюркологии, инициатором которых он был с 50-х гг., а также оценке его теоретических достижений в данной области языкознания в этой биографической статье отведено много места.

Н.К. Дмитриев сразу после окончания МГУ и ЛИВЯ окупился в решение задач языкового строительства. Он возглавляет этнолингвистические экспедиции, изучает тюркские диалекты, создает грамматические опи-

сания башкирского, кумыкского, крымско-татарского, гагаузского, балкарского, турецкого языков, записывает и публикует фольклорные материалы, работает в области лингводидактики, много сил отдает подготовке тюркологических кадров, читает аспирантам и студентам вузов Москвы, Ленинграда и республик разнообразные курсы по общей тюркологии и теоретической грамматике

Специальная отрасль востоковедения, в которой отчетливо проявилась его славистическая и тюркологическая эрудиция, также была в поле зрения ученого это – лексические связи тюркских и славянских языков, Turco-Slavica здесь он выступает прямым наследником традиций, развитых в трудах П М Мелиоранского, Ф Е Корша

Таким образом, в статье Э Р Тенишева и А В Дыбо интересно и содержательно прослежены научный путь ученого, заслуги которого были высоко оценены избранием его чл-корр АН СССР и действительным членом АПН РСФСР

Общая характеристика многогранной и неутомимой научной и организационной деятельности Н К очень удачно дополнена сведениями из его личного архива, которые скрупулезно собрала и интерпретировала его ученица, выпускница восточного отделения филфака МГУ Г Ф Благова в статье "Добавления к научной биографии Н К Дмитриева по архивным материалам. Помимо описания научных материалов, связанных с основными направлениями деятельности ученого, здесь привлекают интересные выдержки из отзывов и писем коллег Н К (И Ю Крачковского, А Н Самойловича, В А Гордлевского, И И Мещанинова и др.), из которых видно, как высоко ценили они его знания и его труды, а также собственные мысли и разнообразные планы самого Н К, помогающие понять внутренние мотивы его занятий и масштабы его творческих порывов

Оценка системы грамматических воззрений Н К Дмитриева как важнейшего этапа развития отечественного и мирового тюркского языкознания дается в публикации Э А Груниной, также учившейся у Н К на восточном отделении, – О грамматической концепции Н К Дмитриева. Значимость теоретических разработок ученого и сила их положительного воздействия на последующее состояние науки заключается, по мнению автора статьи, в том, что в их основе лежал синтез понимания грамматической системы как единства формального и содержательного языковых единиц, рассматривае-

мых на фоне синхронных и исторических взаимосвязей родственных языков' (с 48)

Последующие статьи первого раздела сборника дают представление о том конкретном научном вкладе, который внес ученый в развитие отдельных направлений тюркологии, а также грамматических описаний тюркских языков

Н К Дмитриев был первым тюркологом, обратившим после В А Мошкова внимание на гагаузский язык и занявшимся его изучением по опубликованным последним фольклорным записям В дальнейшем Н К расширил свои занятия этим языком, подготовил очерк фонетики этого языка, опубликовал ряд статей об особенностях его морфологии, синтаксиса и лексики. Как указывает в своей статье Л А Покровская 'Н К Дмитриев и изучение гагаузского языка', ученый на основании детальной проработки материалов Мошкова "пришел к выводу о лингвистической самостоятельности этого языка и предложил считать гагаузский язык особым языком тюркской группы (с 74), позднее он участвовал в разработке гагаузской письменности

Л С Левитская в статье Н К Дмитриев и современное кумыкское языкознание" отметила, что Н К "сделал многое, порой основополагающее, почти для всех отраслей кумыкского языкознания: фонетики, морфологии, синтаксиса, диалектологии, истории языка" (с 63). Выход его "Грамматики кумыкского языка" (1940), материалы для которой были собраны в ходе полевых исследований, стал не только важнейшим событием в развитии отечественного кумыковедения, но и еще раз представил Н К Дмитриева как тюрколога-лингвиста, обладающего собственным видением тюркской языковой системы и оригинальным подходом к особенностям грамматических категорий в этих языках

Направление Turco-Slavica занимало значительное место в научной деятельности Н К, первые работы которого в этой области появились в 1926 г и были связаны с выяснением взаимодействия западнотюркских языков с южнославянскими. Затем его интересовали пути проникновения и способы освоения тюркских элементов в русском словаре, чему посвящены специальные достаточно объемные работы, а многочисленные заметки на эту тему рассеяны во многих публикациях Н К. В статье 'Тюркизмы русского языка на освещении Н К Дмитриева' ее автор, И Г Добродомов, остановился на анализе идей и конкретных лексикологических разработок ученого, содержащихся в его по-

смертно опубликованной сводной работе «Тюркских элементах русского словаря», в которую были включены и дополнительные материалы, и фрагменты из других статей Н К Автор отметил, что, несмотря на необходимость обновления и известной реинтерпретации лингвистического материала в этих изысканиях Н К, данная публикация и высказанные в ней интересные идеи «еще долгое время будут сохранять стимулирующую плодотворность для исследований в области Turco-Slavica

Э Р Тенишев, рассматривая в своей статье «Заметки Н К Дмитриева в книге С К Церуниана 'Курс османских разговоров'» (1925 г) грамматический комментарий, составленный Н К к этому учебному пособию, обратил внимание на тот факт, что ученый, опираясь на опыт, накопленный к тому времени в тюркологии, сумел внести много своего нового и оригинального в трактовку грамматического строя тюркских языков Как считает Э Р Тенишев, «то основное, что содержится в грамматических трудах Н К Дмитриева, было заложено в его самой ранней монографической работе "Курс османских разговоров"» (с 61)

Первый раздел завершают воспоминания двух известных тюркологов – З Б Мухамедовой ('Н К Дмитриев') и М Ш Ширалиева ('Воспоминания о Н К Дмитриеве'), в которых Н К характеризуется как Учитель и Человек, умело направлявший в научных разысканиях молодых исследователей и активно способствовавший развитию тюркологической науки в республиках бывшего СССР

Второй раздел книги "Неопубликованные статьи и тексты Н К Дмитриева" позволяет читателю еще шире взглянуть на научное творчество ученого и с новых позиций оценить масштабность сделанного в нашей науке этой незаурядной личностью В сборнике представлена доведенная до 1999 г самая полная на сегодняшний день библиография опубликованных трудов Н К и литературы о нем, составленная В Д Аракиным и дополненная А А Бараниковой (с 255–273) Г Ф Благова подготовила тщательно и высокопрофессионально комментированный обзор Научное наследие Н К Дмитриева в Архиве РАН' (с 227–254), раскрыв особо наиболее значимую и содержательную часть наследия Н К – его научные труды (ф 1568, оп 1, разр I, д 1–62) Знакомство с этим обзором позволяет уточнить отдельные детали творческой биографии ученого, оценить его научные замыслы, в том числе, к сожалению, и не реализованные, понять методику его полевой и камеральной работы над линг-

вистическим материалом, проследить становление его научного метода и вызревание системы теоретических воззрений на грамматический строй тюркских языков В целом, данный обзор заставляет говорить о необходимости продолжения работы над архивом ученого и вселяет надежду на то, что со временем научная общественность познакомится с объемным изданием трудов Н К Дмитриева, в котором будут также представлены не потерявшие научной ценности материалы из его архива

О важности такой работы свидетельствует статья-обзор Г Ф Благовой "Н К Дмитриев как историк науки", в которой показано, что именно трудами Н К формировалась в качестве самостоятельной такая отрасль тюркологии и востоковедения в целом, как история науки Известно, что Н К буквально с первых шагов своей научной деятельности внимательно следил за развитием тюркологии и анализировал деятельность и труды многих тюркологов и востоковедов, но особым стимулом послужило его участие в создании истории востоковедения в Московском университете с момента его открытия Автор статьи показала, как работал ученый над этой темой и раскрыла значимость его вклада в развитие этого направления современного востоковедения

Представляется, что мысль о важности работы с архивом Н К подтверждают опубликованные в данном разделе сборника 10 архивных статей и текстов, также подготовленные и прокомментированные Г Ф Благовой, и Автобиография Н К Дмитриева (подготовка Ф Д Ашнина)

Читателю будет интересно познакомиться с пространной автобиографией ученого, которая относится предположительно к 1949 г

В других публикациях представлены две темы строй тюркских языков, история науки и примыкающие к последней персоналии Первая раскрывается в плане-проспекте лекционного курса 'Введение в языки тюркской системы', который Н К читал студентам и аспирантам-восточникам на протяжении многих лет своей педагогической деятельности в вузах Москвы и Ленинграда и союзных республик Здесь в концентрированном виде изложены представления Н К о направлениях развития тюркологии как особого отдела языкознания, его оценка научного вклада отечественных и зарубежных тюркологов, а также схема его подходов к изучению тюркских языков и диалектов, письменных памятников и их грамматического строя

Четыре архивные публикации можно объединить общим названием "Восточная филология в Московском университете"; в них помимо интересных исторических фактов о возникновении и развитии этой специальности на разных факультетах, о преподавателях-востоковниках, о их научных занятиях содержатся важные сведения об истории создания восточного отделения филфака, основным инициатором которого и был Н.К. Дмитриев, и о формировании программ для него, привлечении педагогических кадров.

Когда знакомишься с известными статьями Н.К. по истории российской тюркологии и с опубликованными в рассматриваемом сборнике его архивными материалами на эту же тему, то становится понятным то особое впечатление, которое остается от чтения его работ, связанных с оценкой деятельности и личности ученых-востоковедов, поскольку в этих персоналиях (в сборнике представлены заготовки к биографиям, некрологам, юбилейные доклады или выступления, биографические заметки) Н.К. Дмитриев, обладая огромной научной эрудицией, стремился показать ученого и его научные достижения на фоне всей соответствующей отрасли науки – языкознания, литературоведения, фольклористики, истории и этнографии, методики преподавания и пр. Причем такой анализ со-

провождался особым уважительным отношением к личности каждого ученого, с подчеркиванием его лучших человеческих качеств. Отсюда каждый востоковед – предшественник в науке, коллега, учитель, близкий товарищ – в освещении Н.К. предстает перед читателем в законченном образе исследователя с оценкой его трудов (нередко и критической) и как живой член сообщества единомышленников-востоковедов (в такую характеристику часто влетает тонкий юмор, которым, как известно, отличался в повседневном общении сам Н.К.). Таковы все, о ком писал здесь Н.К. Дмитриев: В.А. Богородицкий, В.А. Гордлевский, Л.З. Мсерианц, С.Г. Церуниан, С.С. Майзель.

Заканчивая обзор этого любовно составленного учениками Н.К. Дмитриева сборника, следует еще раз подчеркнуть, что Н.К. Дмитриев сыграл исключительную роль в становлении современной отечественной тюркологии, поэтому подобные публикации не только важны с точки зрения истории науки, но и показывают пути развития нашего востоковедения и высвечивают цели и задачи этой науки, пока не решенные, но намеченные ее выдающимися представителями.

Д.М. Насилов

В.Н. Белоусов, Э.А. Григорян, Т.Ю. Познякова. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001, 238 с.

Рецензируемая монография, вышедшая в свет под эгидой Института русского языка РАН, представляет собой серьезное научное исследование, состоящее из трех частей, объединенных общим предметом изысканий, коим является русский язык, функционирующий вне своего исконного этноса в качестве средства межнационального общения.

На первый взгляд может показаться, что тема функционирования русского языка в межнациональном общении достаточно разработана и хорошо представлена в научной литературе. Однако это кажется только на первый взгляд. Интерес к рецензируемому незаурядному исследованию возрастает по мере ознакомления с его содержанием и решением поставленных в нем важных проблем. Русский язык в своей ипостаси языка межнационального общения в книге рассматривается в новом аспекте и при этом с трех сторон и под разными углами зрения.

Примечательно, что при этом все части триптиха тесным образом взаимосвязаны и образуют единое монографическое исследо-

вание в трех измерениях. Такая структура способствует разностороннему и более глубокому освещению проблемы: из первой главы (автор В.Н. Белоусов) читатель получает объективные сведения об истоках формирования, становления и функционирования русского языка в качестве языка межнационального общения, с последующей его хронологической и территориальной стратификацией; во второй главе (автор Т.Ю. Познякова) на основе применения психолингвистического метода анализа освещаются внутривидовые изменения в самом русском языке в условиях его функционирования в иноязычной среде; третья глава книги (автор Э.А. Григорян) посвящена всесторонней методологической характеристике неисконной русской речи как основного объекта изыскания.

Книгу открывает раздел В.Н. Белоусова под названием "Социолингвистические аспекты функционирования русского языка в межнациональном общении" (С. 5–72). Автор для начала ставит задачу определить ме-

сто русского языка как языка межнационального общения в системе функциональной классификации языков-макропосредников. Анализируя существующую литературу по данному вопросу, В.Н. Белоусов убеждается в необходимости дальше детализировать функциональную классификацию языков-макропосредников. Он предлагает различать три следующих типа: языки-макропосредники международного и межнационального общения, входящие в клуб мировых языков; языки-макропосредники в многонациональном государстве; языки-макропосредники для общегосударственного общения в однопациональном государстве. В клуб мировых языков В.Н. Белоусов включает и русский язык.

Убедительно аргументируя необходимость дальнейшей детализации функциональной классификации языков, особенно языков межнационального общения, автор предлагает дополнительно ввести с этой целью еще один важный критерий: этноязыковую характеристику среды функционирования языка-макропосредника.

Мне представляется, что одной из интересных проблем, поднятых и разработанных В.Н. Белоусовым, является малоизученная, но чрезвычайно важная проблема истории выдвижения русского языка и дальнейшего его формирования как языка межэтнического общения. Процесс этот, как показывает автор, является весьма сложным и неоднозначным. В него вовлечены были социальные, демографические, этноязыковые и ряд других факторов, в том числе и политических. Попытка представить в самом общем виде типологию факторов, которые определяют выдвижение, становление и функционирование конкретного языка в качестве средства межэтнического общения крайне осложнена ввиду их тесной взаимообусловленности и взаимопроницаемости. В.Н. Белоусов предлагает, как нам кажется, весьма информативную группировку факторов, включенных в этот процесс и представленных в виде схемы на стр. 14. Он упорядочивает их и разделяет на две части – лингвистическую и лингвистическую: 1) факторы социальные, психологические, экстралингвистические, этнические, демографические, включая и языковую политику; 2) факторы лингвистические (состояние языка, функциональная потенция, относительная монолитность, уровень нормализации). Подробный анализ приводит автора к выводу, с которым нельзя не согласиться: "только совокупность всех факторов социальных, лингвистических, этноязыковых и др. приводит к становлению языка межнационального общения" (С. 19).

Центральным сюжетом исследования В.Н. Белоусова является периодизация функционирования русского языка в межнациональном общении. Хронологически последовательное освещение процесса выдвижения, становления и функционирования русского языка как главнейшего макропосредника и основной связующей артерии народов Российской империи является значительным вкладом в социолингвистическую науку, посвященную русскому языку. Вопрос об этапах формирования русского языка как языка межнационального общения неоднократно привлекал внимание и затрагивался в советской социолингвистической науке. Проблема заключалась в том, что хронологические этапы этого длительного исторического процесса суживались и сводились в основном к началу становления советской власти и появлению в связи с этим благоприятных условий для употребления русского языка в качестве языка межнационального общения. Однако социально-политические изменения в первые десятилетия XX века и появление в дальнейшем благоприятных условий для функционирования русского языка вне своего этнического поля именно в этот период еще не являются основанием для снятия с повестки дня вопроса о прошлых, предыдущих этапах развития и функционирования русского языка как средства ликвидации языковых барьеров.

Сведение всего исторического процесса только к отрезку времени после XX века научно неоправданно. Полагаю, что большая заслуга автора заключается в ликвидации этого пробела в периодизации процесса становления русского языка как языка межнационального общения.

Выявив специфические особенности каждого хронологического этапа, В.Н. Белоусов на основе этих данных установил три периода в истории функционирования русского языка в качестве языка межнационального общения: период начала XX века в России и Российской империи; период до конца 80-х годов в СССР; период с начала 90-х годов в России и странах ближнего Зарубежья. Выделение третьего этапа, который автор относит к постперестроечному периоду, на первый взгляд может показаться несобоснованным ввиду хронологической краткости самого этапа. На самом деле, этот постперестроечный этап выделен вполне логично и имеет право на существование. Более того, это предвидение автора, поскольку специфика этого этапа будет раскрываться позже, по мере развития во временных параметрах.

Постперестроечный период кардинально видоизменил административно-государствен-

ную структуру СССР: из бывших союзных республик сформировались новые государства, которые вышли из состава СССР. Но русский язык тем не менее продолжает функционировать как язык межнационального общения, но уже не в составе единого государственного образования, а как бы за пределами его границ, на территории суверенных государств. Полагаю, что через пару десятков лет, а может быть и раньше, третий этап четко засвидетельствует, что произошло с нами и с нашими языками.

Каждый из трех исторических этапов подробно анализируется и иллюстрируется автором. Мы здесь остановимся на некоторых особенностях, рассматриваемых в этой части и характерных для отдельных этапов. Говоря о фактах ранних культурно-языковых и прочих контактов русскоязычного населения с другими народами еще в X–XI веках, В.Н. Белоусов отмечает их интенсификацию в XVI–XIX веках, связанную с расширением русским государством своих границ. Двужычие в эти годы не было массовым, а уровень владения русским языком был невысоким. В заключении автор резюмирует, что в этот период русский язык, как неродной, явно не соответствовал параметрам макропосредника, но несомненно факт его употребления для преодоления языкового барьера между представителями разных этносов (С. 30).

Второй этап, хронологически совпадающий с периодом существования СССР, является центральным и характеризуется рядом специфических особенностей, главная из которых: изменение национально-языковой политики в СССР. Это дало автору основания делить второй этап на два периода: до 30-х и после 30-х годов. Такое разделение второго, советского этапа на два периода общепринято и представляется вполне оправданным, более того, без этого разграничения трудно было бы представить и понять логику последующих событий второго этапа. В основе этого членения лежит кардинальное изменение языковой политики государства: до 30-х годов принятые декреты и постановления правительства давали зеленый свет развитию национальных языков и культур и ликвидации неграмотности. Картина становится иной после известного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) об обязательном изучении русского языка в национальных школах. Это постановление и связанное с ним дальнейшее развитие языковых процессов имели значительные издержки, представленные чаще всего в сильно утрированном виде. Заслуга автора заключается в том, что он сумел показать объективную картину

происходящих процессов. Известно, что в научной литературе оба этапа, как первый до 30-х годов, так и второй после 30-х и до 80-х, не обойдены вниманием исследователей. Однако вопрос заключается в том, как они воспринимаются и объясняются: суть проблемы в самой трактовке событий, анализе причин и мотивов крутого поворота в официальной языковой политике. Заранее хочу отметить, что восприятие автора и трактовка прошедших исторических событий вполне соответствуют реальному положению дел.

Это один из кардинально важных моментов в исследовании, поэтому я позволю себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Итак, отмечая безусловно положительные стороны языковой политики до 30-х годов, которые способствовали развитию и укреплению национальных языков, автор вместе с тем подчеркивает, что темпы распространения русского языка как языка межнационального общения, способствующего культурно-экономическим и социально-политическим преобразованиям, не удовлетворяли потребностей централизованного государства в общем для всех граждан языке межнационального общения (С. 32).

С этого момента и начинается второй этап, который длился с 30-х по 80-е годы. Характеризуется он максимальным развитием национально-русского двуязычия. Автор обращает внимание и на другой важный факт, характеризующий специфику этого периода, а именно, на резкий поворот в общественном мнении, крен в сторону усиления негативных моментов по отношению к русскому языку. Это, во-первых, скоротечная и противоречивая по сути переоценка роли русского языка как языка межнационального общения. Панигирики в его адрес в 80-х сменились уничтожительными характеристиками, рассуждениями о вредности двуязычия вообще и национально-русского, в особенности, о пагубном его влиянии на развитие родного языка и культуры (С. 34). На этом этапе, уже в 80-х годах началось неоправданное сужение функций русского языка как языка межнационального общения, его сокращение в школьных программах. Эта политика началась в границах СССР, а после его распада — и в СНГ. В ответ поднималась протестная волна людей, понимающих и объективно оценивающих жизненную необходимость в многонациональном государстве языка межнационального общения, ликвидирующего языковые барьеры. Автор, безусловно, сумел показать объективно эту непростую ситуацию и дать ей соответствующую оценку.

Нам представляется важным и другой вывод автора о том, что, несмотря на неоправданное сужение в республиках функций русского языка, тем не менее "и в этот период основным средством преодоления языкового барьера для граждан СССР был русский язык" (С. 37).

Третий этап В.Н. Белоусов относит к периоду после 80-х годов. Распад СССР и образование суверенных государств из бывших республик коренным образом изменил языковую ситуацию на всем постсоветском пространстве.

Характеризуя языковую политику в большинстве стран СНГ и Балтии, автор обнаруживает наличие весьма характерного обстоятельства, и здесь приходится полностью соглашаться с его мнением: он фиксирует внимание читателя на том примечательном факте, что "языковая политика в этот период была направлена не столько на расширение общественных функций государственного языка (т. е. титульной нации), сколько на вытеснение русского языка из языкового пространства" (С. 41).

Между тем необходимо подчеркнуть, что русский язык обслуживал сферы, в которых национальные языки "не работали" в силу внутрискруктурной несостоятельности. Скоропалительная ликвидация русского языка из этих сфер была неоправдана, поскольку национальные языки не в состоянии были за короткий срок функционально перестроиться и "созреть" для предназначенной им роли. Для этого требовался определенный срок и усилия со стороны общества.

Главной особенностью в третьем периоде В.Н. Белоусов считает вопрос о функционировании русского языка в качестве средства межнационального общения в группе суверенных государств, входящих в СНГ. В этот период изменился и статус русского языка в РФ в связи с законом о языках от 25.10.1991 года, где русский язык был объявлен государственным.

Распад СССР на суверенные государства и рост национального самосознания изменили ценностные ориентации в языковой политике, что сказалось и на употреблении русского языка как неродного в странах СНГ и Балтии.

В связи с изменившейся ситуацией автор хочет выяснить:

1. сократилось ли употребление русского языка как неродного в странах СНГ и Балтии?

2. сократилось ли изучение русского языка как родного и неродного там же?

3. сократилось ли употребление русского языка в межнациональном общении между бывшими гражданами СССР?

4. каковы перспективы русского языка как средства межнационального общения?

На первые два вопроса В.Н. Белоусов дает утвердительный ответ: да, сократилось и заметно. Что касается третьего, очень важного вопроса, поскольку речь идет о русском языке и его судьбе как языка межнационального общения, ответ на него автор дает после проведения тщательного анализа полученных статистических данных, проведения анкетирования, использования Банка данных (С. 47–48, 50–52). Только на основе вполне репрезентативных материалов автор предлагает полную картину общего состояния русского языка в сфере межнационального общения и приходит к следующему важному выводу: "В настоящее время в качестве основного средства преодоления языкового барьера между бывшими гражданами СССР выступает русский язык" (С. 49). Для большей ясности проблему функционирования русского языка автор рассматривает в республиках РФ и в странах СНГ и Балтии отдельно. Получены весьма важные данные:

1. В результате анкетирования вузов девяти республик РФ собран интересный материал по поводу сфер применения русского языка: высокий уровень употребления его наблюдается в официальных сферах, в обращениях к органам государственной власти (С. 55). В сфере межнационального общения во всех обследованных вузах республик РФ бесспорно преобладает русский язык. Вывод: обследования в вузах республик РФ показали высокий уровень употребления русского языка нерусскими респондентами (С. 57). 2. Русский язык в странах СНГ и Балтии, по мнению автора, достаточно хорошо представлен в сферах массовой информации, затем – при обращении в государственные учреждения. По данным анкет, даже в семейном общении, например, многие киргизы используют одинаково русский и киргизский языки (С. 61).

Представляется также очень важным заключение В.Н. Белоусова и его выводы, которые можно сформулировать обобщенно так: эйфория суверенизации с последующим сокращением функций русского языка не смогла подорвать культурное и государственное значение русского языка в функции языка межнационального общения; несмотря на дискриминационные меры по отношению к нему, особенно в странах Балтии, процесс этот не находит поддержки и, похоже, сходит на нет.

Идея недопустимости национально-культурной самоизоляции становится все более популярной. Признается также немаловажный факт, что ознакомление с достижениями всемирной культуры осуществляется при помощи русского языка, который к тому же является рабочим в различных органах и организациях стран СНГ.

Завершая свою часть, В.Н. Белоусов обращается к горячо дискутируемой проблеме неисконной русской речи или иначе, так называемым национальным вариантам русского языка. Вопрос ставится ребром, а именно: правомерно ли признать существование неисконной русской речи в качестве одной из форм существования русского языка. Т.Ю. Познякова и Э.А. Григорян отвечают на этот вопрос положительно (см. главы II и III). Наличие ее имплицитно признается и В.Н. Белоусовым, но с предложением разработать некую шкалу неисконной русской речи, на полюсах которой находится, с одной стороны, минимальный уровень владения неродным языком, а с другой – свободное владение (С. 69). Автор признает необходимость определения предельно допустимых уровней своеобразия, позволяющих квалифицировать неисконную русскую речь представителей разных этносов именно как русский язык, а не как некий пиджин, точнее целый ряд пиджинов (С. 69–70).

В.Н. Белоусов, как и Т.Ю. Познякова, признавая различия в разных регионах бытования русского языка интерференцией или результатом плохого знания языка, вместе с тем справедливо считают, что к ним не могут быть сведены все специфические черты русского языка как средства межнационального общения. Наблюдения последних лет показывают, что специфические черты в русском языке межнационального общения начали увеличиваться и обусловлены прежде всего влиянием родного языка билингва (С. 70). Они придают русскому языку иное стилистическое измерение. Согласно Л.М. Грановской, которую цитирует автор, это не орнамент, а структура содержания, обусловленная широкой интерференцией.

Проблема лингвистической природы языка межнационального общения, ее понимание и представление в современной лингвистике разноречивы. Т.Ю. Познякова, на которую ссылается В.Н. Белоусов, считает, что русский язык как средство межнационального общения "это одна из форм существования русского языка, обеспечивающего коммуникативные потребности членов разноязычного сообщества и обладающего набором дифференциальных признаков по

отношению к русскому языку как национальному. Наличие этих признаков обусловлено не иноязычным влиянием, поскольку они представляют собой результат функционально коммуникативной специализации и стратификации лексических и грамматических ресурсов инвариантных систем русского языка" (С. 71; см. II главу книги). Цитируя Т.Ю. Познякову, В.Н. Белоусов в то же время полагает, что не все отступления от норм русского языка могут интерпретироваться как результат спецификации и стратификации ресурсов инвариантной системы русского языка. Такие соответствия есть на всех уровнях, кроме лексического.

Попутно отметим, что, используя неоднократно новый термин "неисконная русская речь", авторы I и III главы не определились в отношении его авторства. В.Н. Белоусов ссылается на Ю.Н. Караулова и на его доклад в 1991 г. "О состоянии русского языка" (С. 69). С другой стороны, Э.А. Григорян на стр. 155 своего раздела в сноске пишет, что термин этот впервые употреблен им как синоним "русской речи нерусских" и также со ссылкой на Ю.Н. Караулова. Представляется, что необходимо прийти к согласию в отношении авторства указанного термина, который используется в лингвистике, достаточно адекватно отражая исконное значение.

* * *

Вторая часть монографии, автором которой является Т.Ю. Познякова, "Лингвистические характеристики русского языка в межнациональном общении" (С. 73–154), посвящена установлению закономерностей реализации внутривидовых ресурсов русского национального языка при функционировании его в условиях межнационального общения. Решение этой задачи автор связывает с положением о том, что русский язык в межнациональном общении является адаптированной формой существования национального языка в многоязычном социуме. Признание этого постулата в свою очередь вплотную подводит автора к необходимости определения прежде всего функциональной значимости русского слова в межнациональном общении, причем не просто значимости как таковой, а именно функциональной значимости, которая изменяется при переходе от «монопациональной сферы использования языка в другую "полиациональную"» (С. 74), т. е. значимость не в статике, а в динамике. Т.Ю. Познякова считает, что функциональная значимость поддается измерению, поскольку в одних случаях обусловлена таким типом синтагматических

отношений, которые возникают при переходе единиц из потенциального состояния в актуальное (динамический аспект). В других (структурный аспект) значимость поддается измерению по сочетаемостно-дистрибутивным свойствам.

Представляется, что именно этот динамический аспект позволяет определить актуализированную в неродном языке функциональную значимость как позитивную оценочную категорию, которая, как пишет Т.Ю. Познякова, отражает как предпочтения билингва, так и ценностные ориентации иноязычного коллектива, и в связи с этим может использоваться для характеристики языковых элементов, конституирующих этот язык межнационального общения (С. 76). Здесь четко сформулировано, как нам кажется, одно из основных положений автора, которое во многом определяет логику дальнейшего раскрытия материала. Отметим также, что Т.Ю. Познякова широко привлекает психолингвистические методы анализа.

В разделе представлен богатейший материал процирированных билингвами текстов, раскрывающих понятие "функциональная значимость" в двух ее аспектах: структурном и динамическом. Сошлемся на пример функциональной изоляции иноязычных единиц. Анализируя лексические единицы из языков народов России и СНГ, включенные в русский язык (например, *эйлагги* "летние пастбища") и образующие двучленные структуры "национальное слово – русская параллель", автор заключает, что национальное слово в этих оппозициях в русском языковом окружении ввиду своей замкнутости лишено способности к семантическому развитию и поэтому оказывается в позиции функциональной изоляции. Нам представляется, что в ряде случаев национальному слову удастся вырваться из "оков" двучленной структуры и свободно функционировать в русском языке, войдя в словари на законном основании. Ср. оппозицию *лаваш* "вид хлебобулочных изделий", позже просто *лаваш*, без комментариев, как слово *бублик* или *крендель*.

Весьма ценным и интересным представляется обстоятельный анализ проблемы языкового сознания билингва при отборе общеязыковых средств. При этом основной упор Т.Ю. Познякова делает на субъективную сторону варьирования, недостаточно изученную, что заставляет обратиться к психолингвистическому анализу фактов.

Теоретическое осмысление динамической природы русского языка как средства межнационального общения построено автором на основе противопоставления двух ти-

пов норм – реализованного и реализуемого. "поскольку единственно позволяет... осмыслить динамическую природу русского языка как средства межнационального общения" (С. 99). Критерии и правила отбора выявляются на основе экспериментов, позволяющих установить закрепленность за словом коммуникативной ценности в общении на втором языке, т.е. установить действие механизма отбора и поиска коммуникативно достаточного слова в языковом сознании билингва.

Серия психолингвистических экспериментов проведена с целью вскрыть селективное вербальное поведение билингвов, понять, собственно, роль субъекта, не зависящую от влияния родного языка. Для эксперимента были отобраны две лексико-семантические группы, контрастные по своим лингвистическим характеристикам: группа глаголов речи с сильно выраженной денотативной функцией и группа наречий "совсем" со слабо выраженной денотативной функцией.

Представляется весьма интересным факт, что из простых глаголов, данных на выбор (*разговаривать*, *обсуждать* и пр.), информанты образуют аналитические конструкции типа *вести беседу* и т. п. Этот же факт отмечает в своей главе и Э.А. Григорян. Тяга к аналитизму – явление показательное и знаковое. Известно, что многие индоевропейские языки, имеющие первоначально преимущественно синтетические формы при образовании глагольных парадигм, впоследствии развили мощную аналитическую систему. Показательно также, что билингв предпочитает использовать вместо, казалось бы, простого глагола *беседовать* более сложный вариант *вести беседу*. Причем в первой группе 68% и во второй 73% испытуемых выбрали аналитическую форму выражения денотата.

В целом автор делает важный вывод, имеющий принципиальное значение: из каждой лексической группы отбираются те единицы, которые выражают доминантный дескриптивный признак, т.е. конкретно тот глагол, который является ядром в системе русского национального языка. "В процессе отбора актуализируются и закрепляются прежде всего те единицы из вариативного ряда, которые наиболее непосредственно связаны с понятием и наиболее полно передают его содержание" (С. 109).

Эксперимент со второй группой слов (*вполне*, *абсолютно*, *совсем* и пр.) был проведен по поводу наличия в языковом сознании билингва собственной иерархии значений. Группа эта, по сравнению с первой, диффузна и денотативно слабо выражена.

Доминирующий ядерный признак в ней представляют наречия *совсем* и *совершенно*. Эксперимент был основан именно на противопоставлении этих двух групп и дал возможность автору сделать ряд чрезвычайно важных выводов, которые можно свести к следующим положениям психолингвистического характера.

В языковом сознании билингва представлена не вся совокупность обозначений того или иного понятия, а наиболее близко находящаяся к денотату часть: в ряду лексико-семантических вариантов образуется новый набор вариаций, с более нейтральным общим понятийным содержанием; в языковом сознании билингва происходит перераспределение лексико-семантических вариантов по степени их коммуникативной значимости для организации высказывания. В процессе отбора актуализируются и закрепляются лексемы, выражающие доминантный дескриптивный признак, при этом происходит сокращение словарного объема русского языка. Единицы с диффузными семантическими характеристиками также подвергаются отбору.

При этом возникает вопрос: а каковы изменения диапазона вариативности в неродном языке и чем они определяются?

Автор тоже задает себе этот вопрос и дает исчерпывающий ответ на основе психолингвистических экспериментов. Полученные данные свидетельствуют, что изменения диапазона вариативности в неродном языке определяются принципом коммуникативной целесообразности, то есть тем, что способствует точной смысловой организации высказывания. Имеет место актуализация ядерной лексики. Процесс же функциональной адаптации сужает диапазон вариативности, что ведет к ограничению средств выражения (С. 117). С этим выводом автора вполне можно согласиться. Далее Т.Ю. Познякова переходит к анализу самого процесса сокращения диапазона вариативности, которое происходит двумя способами: 1) при слабом билингвизме чаще имеет место субординативная форма *врач выздоровил собаку*; 2) при координативном билингвизме характерна установка билингва на гиперкоррекцию, то есть превращение факультативных языковых правил в облигаторные. Особое значение для адаптационных процессов имеют принципы организации лексикона билингва.

Естественно, что в связи со всем сказанным, особенно по поводу сужения диапазона вариативности, автор не мог оставить без внимания такую важную проблему, как антиномия "код-текст" и "система-норма". Во весь рост встает вопрос, поднятый еще Л.Б. Никольским, об антиномии "реализо-

ванная норма – реализуемая норма". Выясняется, что антиномия кода и текста в неродном языке разрешается в пользу упрощения кода (набора знаков слов, фонем, морфем), следствием чего становится увеличение текста (С. 133). Код сокращается, зато текст удлиняется. И далее автор вновь возвращается к важному вопросу, связанному с анализом билингвов, четко определяя: "В неродном языке это явление выражается в изменении пропорции аналитических и синтетических способов речепроизводства" (С. 134). Причем аналитические предпочтения билингвов в способах речепроизводства распространяются на все уровни неродного языка. Важно отметить, что высокий процент "аналитических" речевых предпочтений билингвов (выше 60%) не зависит от строя родного языка информантов.

В результате изучения речевых предпочтений билингвов Т.Ю. Познякова приходит к выводу, что в неродном языке противоречия между кодом и текстом, системой и нормой разрешаются в установлении соответствия между формой и содержанием языковой единицы (С. 141). Наблюдаемые же противоречия между сокращением диапазона вариативности и наличием различных степеней поуровневого варьирования, наконец, между стандартизацией неродного и варьированием родного русского языка в иноязычном окружении, по мнению автора, можно интерпретировать как действие языковых антиномий кода и текста, системы и нормы.

Эксперименты, выясняющие, как разрешаются языковые антиномии в неродном языке, показали явное увеличение аналитических способов выражения. Так, для выражения начинательного способа действия использовалась преимущественно конструкция "начать + инфинитив" ("начать петь"). Анализ показал, что аналитические предпочтения билингвов в способах речепроизводства распространяются на все уровни языка (С. 135). Это дало основание автору сделать вывод об устойчивости аналитических реализаций в русской речи билингвов. Указанное чрезвычайно важное обстоятельство, характерное для русской речи билингвов, независимо от их этнической, национальной принадлежности, требует объяснений, и автор убедительно трактует его следующим образом. Механизм этого явления заключается в том, пишет Т.Ю. Познякова, что билингвом регулярно реализуются наличествующие в системе неродного языка формально полезные для него свойства русских языковых единиц: "легкие" способы словообразования, "удобные" синтаксемы и пр. Из "ис-

конного" набора вариативных единиц выбираются однотипные и регулярно образуемые (С. 141). Носитель родного русского языка способен варьировать речь, он "свободно" владеет языком. Это селективная способность. Антиномия же кода и текста в неродном языке разрешается в пользу упрощения кода.

Последнюю часть главы Т.Ю. Познякова посвятила вопросу выработки и стабилизации нормы в русском языке как средстве межнационального общения. Здесь поднимается весьма спорная и многострадальная проблема, связанная с пониманием национальных вариантов русского языка. Анализ речевых предпочтений билингов и психолингвистические эксперименты свидетельствуют о том, что в коллективном языковом сознании существует вполне определенный свод правил, согласно которому неродной русский язык используется в межнациональной коммуникации, хотя его лексикон не зафиксирован в словарях, а синтаксис не описан в грамматических справочниках (С. 151). Имеет место отбор и закрепление языковых единиц, оцениваемых как коммуникативно значимые с точки зрения двуязычной личности.

Тут автор вплотную подходит к факту наличия узуальной нормы, которая и является спасательным кругом для решения sacramentalного вопроса о национальных вариантах русского языка. Опираясь на тезис о том, что вариант языка предполагает наличие собственной кодифицированной нормы, а узуальная норма не бывает кодифицированной, становится ясным, что «под пресловутыми "национальными вариантами русского языка" следует понимать варианты **неродного языка**» (С. 151). Но поскольку, рассуждает далее автор, неродной язык билинга не идентичен родному языку монолинга, эти две ипостаси русского языка отличаются друг от друга, и, что самое важное, отличаются не столько интерференционным фоном, речевыми искажениями и калькированием и даже не разной "языковой компетенцией", сколько разными способами организации и регулирования языкового материала, его речевыми воплощениями (С. 154). Этим все сказано, причем убедительно.

* * *

Третья глава рецензируемой монографии называется "Методологическая характеристика неисконной русской речи" (С. 155–236, автор Э.А. Григорян) и представляет собой обстоятельный анализ внутреннего содержания и терминологической сущности понятия

"неисконная русская речь", с учетом языкового сознания билинга и существующих традиций и трактовок.

Изложение этой главы книги начинается подробной аргументацией мотивов выбора терминисочетания "неисконная русская речь", с дальнейшим подробным анализом всех его компонентов в отдельности. Прежде чем перейти к раскрытию лингвистической сущности своего предмета, автор обстоятельно останавливается на определении используемых им терминов и понятий, нередко по-своему интерпретируя уже состоявшиеся и принятые в научном обиходе определения. Термин "неисконная русская речь", введенный Э.А. Григоряном, относительно новый и используется вместо синонима "русская речь билингов". Автор рассматривает "неисконную русскую речь" как особую форму существования русского языка в функции средства межнационального общения, что не кажется бесспорным.

Поскольку в дихотомии язык/речь предметом его изысканий является именно речь, Э.А. Григорян считает необходимым дать определение и обосновать правомерность самого понятия "неисконная речь". С этой целью он начинает анализ со второго члена оппозиции в его положительном значении, а именно с определения, что такое "исконная речь". В итоге он приходит к следующему выводу, обосновывающему правомерность использования компонента "неисконный": «слово "неисконный"... вполне может быть принято в качестве термина в терминологическом сочетании "неисконная русская речь", так как лингвистический узус, используя термин "исконный", вполне подготовлен к его восприятию» (С. 158). Что касается собственно лингвистических особенностей неисконной русской речи в функции средства межнационального общения, то Э.А. Григорян утверждает, что в силу особенностей идеологического и ментального планов в науке не выработаны методы, позволяющие вскрыть языковую особенность неисконной русской речи, и, главное, нет методов исследования соответствующих текстов (С. 163). Под широко распространенным ранее термином "гармоничный характер национально-русского двуязычия" понималось равноценное владение обоими языками. Э.А. Григорян в итоге приходит к следующему, совершенно справедливому и своевременному выводу: "традиции свидетельствуют о том, что функциональный аспект изучения русского языка как языка межнационального общения превалирует над слабой изученностью лингвистических характеристик русского

языка в этой роли" (С. 163). Об этом же в своем разделе говорила и Т.Ю. Познякова.

Определив неисконную русскую речь как "совокупность устных и письменных речевых произведений людей, которые не считают русский язык родным" (С. 164), автор, по логике вещей, закономерно переходит к определению понятия и "родной язык".

Свое изложение Э.А. Григорян начинает с тезиса, в котором утверждается, что существующие в науке определения термина "родной язык" не исчерпывают сущности этого понятия (С. 164). Фактический материал свидетельствует, продолжает далее автор, что "родной язык" как понятие, явление, содержит много других компонентов. Поэтому термин этот является неоднозначным и неудобным для научного использования. Причину этого автор склонен видеть в монолингвальной модели представленности мира и языков народов, которая является распространенной во всех разделах языкознания (С. 165). Далее автор задает риторический вопрос о правомерности исследовательской модели, исходящей из только монолингвального представления об этноязыковой экзистенции. Быть может, в ней нужно учитывать и реальное многообразие форм существования и смешения этносов и языков? Ответа, увы, по мнению автора, в современной науке нет (С. 165). Существующие определения родного языка, по мнению автора, в большей мере соответствуют монолингвальным этническим коллективам. Они базируются на мощных стереотипах, которые относятся к сфере этнической формы существования человечества.

Рассуждая далее, автор приходит к выводу, что именно в исследовании иных этнолингвистических моделей следует искать те подходы, которые позволят поднять изучение феномена неисконности и функционирования русского языка как средства межнационального общения на научный уровень, избавив обсуждение от давления этноцентрических стереотипов (С. 168).

Особо останавливается автор на проблеме соответствия родного языка и национальности и единственности родного языка в плоскости поиска типологии соотношения этих ментальных категорий (С. 170). По ходу изложения автор критикует термин "второй родной язык", а заодно приводит множество фактов, подтверждающих, напротив, наличие этой категории двуязычия (С. 171 и сл.).

По поводу имеющего довольно широкое хождение, я бы сказала, весьма распространенного в прошлом термина "второй родной язык" Э.А. Григорян высказывается отрицательно, рассматривая его как умерший поли-

тический лозунг (С. 171). Вряд ли с этим можно согласиться. Оставляя в стороне политические и прочие обертоны, звучащие в понятии "второй родной язык", считаем, что он в реальной языковой действительности, судя по приведенным самим автором (и не только им) материалам, существует. Наиболее часто встречается ситуация, когда родной язык совпадает с этническим, второй же язык не совпадает, но в состоянии обслуживать те же общественные сферы, что и родной, свободно чередуясь с последним.

Исходя из личного языкового опыта, я считаю, что носитель "второго родного языка" владеет в равной степени как этническим языком, например, армянским, так и вторым, русским. Полагаю, что, несмотря на непризнание и неприятие "второго родного языка", сам Э.А. Григорян находится в подобной ситуации. Наконец, по его же данным, вторым родным языком является русский у белорусов, у многих украинцев, у коми и ряда других народов.

Слова "второй" и "родной" подразумевают чаще всего уровень одинаково свободного владения вторым языком, как первым, исконным. Билингв одинаково мыслит на обоих языках, нередко не замечая самого момента перехода с одного языка на другой.

Признавая, что понятие "родной язык" – сложный ментальный и социолингвистический объект, автор далее уточняет рабочее определение неисконной русской речи следующим образом: под словами "не является родным" должны быть учтены все особенности понятия "родной язык". При этом он вводит важное уточнение, касающееся того, что эффект неисконности возникает в любом случае, когда родной язык не является единственным.

Далее логика изложения подводит автора к необходимости выяснить соотношение неисконной русской речи и родного языка. Ценность исследования Э.А. Григоряна заключается еще и в том, что, углубляя понятие "неисконная русская речь", автор считает необходимым определить по возможности все компоненты этого понятия, в том числе, и особенно, трактовку слова "русский" – третьего компонента терминосочетания. Так он подходит к раскрытию проблемы языковой принадлежности фактов речи (С. 178). Он исходит из положения о том, что для языка, вышедшего за пределы исконного этноса, неизбежно должны существовать речевые формы, которые продуцируются неисконными его носителями, представителями разных национальностей. Возникает проблема идентификации речи как именно русской, а это

должно позволить определить отношение неисконной русской речи к русскому языку с использованием специальной методики оценки речи, ориентированной на нормы национального русского языка (С. 179).

При определении языковой принадлежности речи, по мнению автора, возможны несколько исходов: речь относится к русскому языку, речь относится к национальному языку; речь не относится ни к русскому, ни к национальному языку. Последнее языковое состояние признается как мало изученная в России смешанная речь, которую далее Э.А. Григорян описывает, демонстрируя примеры пиджинов на основе русского языка, которые считались испорченной речью. Довольно интересно описание образцов смешанной речи по стране – суржик на Украине, трасянка и пр. В смешанной речи русский язык представлен лексикой, а национальный – грамматикой. Смешанная речь в принципе малоизучена. Она характеризуется еще своей неустойчивостью и лингвистической разнообразностью.

При определении языковой принадлежности на стыке смешанной речи и низших форм неисконной русской речи можно использовать, пишет Э.А. Григорян, два критерия: языковую правильность и коммуникативную достаточность речи. Низшие формы неисконной русской речи почти всегда понятны носителям русского языка. Устойчивая же смешанная речь понятна только тем, кто ее знает. В заключении автор подтверждает, что объектом его наблюдений является речь, которую можно определить как русскую.

Среди проблем, рассматриваемых в рецензируемой книге в целом, в том числе и в этом разделе, наиболее значительными являются вопросы, связанные с изучением русского языка как лингвистического объекта, функционирующего за пределами своего этноса. При этом на первый план выдвигаются два фактора: фактор интерференции и в качестве второго – фактор степени владения языком. Действие этих двух факторов имеет следствием появление в неисконной русской речи специфических языковых особенностей. Э.А. Григорян выделяет два вида интерференции: потенциальную и реальную (С. 190). Потенциальная интерференция предсказуема, поскольку основана главным образом на структурно-типологических несоответствиях двух языков. Реальная же зависит от степени владения родным и неродным языками. По мнению автора, изучая роль интерференции, основной упор следует делать на возможность реальной интерференции, поскольку "речевая ткань" неисконной речи

формируется только реальной интерференцией (С. 190).

Выявляя недостатки в изучении интерференции и особенно ее факторов, Э.А. Григорян предлагает разделить всю процедуру анализа на два этапа: на первом выясняется поле потенциальной интерференции, на втором – анализ фактической, реальной интерференции. Второй этап должен учитывать как языковое взаимодействие, так и, особенно, специфику речевого поведения, а также социолингвистическую и психолингвистическую характеристики. По мнению автора, личностная интерпретация интерферентных явлений должна более точно диагностировать процесс овладения вторым языком (С. 192). При таком подходе, считает автор, выявляются новые типы интерференции, ранее в научно-методической литературе не встречавшиеся.

Особо останавливается Э.А. Григорян на вопросе об уровне/степени владения языком, рассматривая его как показатель, определяющий специфику неисконной русской речи.

Анализируемая автором литература явно свидетельствует о том, что по данному вопросу нет единого мнения. Существует множество параметров определения, позволяющих по-разному оценивать уровень владения языком. В связи с этим автор переходит к оценочным ориентирам неисконной русской речи, выявлению языковых средств оценки, а также логических и психологических ее закономерностей.

По мнению Э.А. Григоряна, реально существующий набор оценок каждого конкретного языка включает оценки разноплановые, зависящие от речевой ситуации. Важно, кто оценивает, чья речь оценивается, какой язык оценивается. В двучленной речевой ситуации эти позиции реализуются следующим образом: оценивает русский, оценивает национал; оценивается речь русского, речь национала; оценивается русская речь и национальная речь; русский оценивает русскую речь русского; русский оценивает русскую речь национала, т.е. неисконную русскую речь; неисконную речь оценивает национал и др. Далее автор пытается вывести критерий оценки, используя ряд примеров. Выясняется, что на словесном уровне имеются три параметра для оценки: количество слов, содержательность, темп речи. Словарные оценки речи могут носить комплексный характер. В результате автор заключает, что в лексике и фразеологии русского языка обнаруживаются единицы, которые устойчиво отражают оценочное отношение носителей языка к тем или иным качествам речи. По-

сле анализа русской речи русским и его оценочной характеристики автор переходит к ситуации, где русский оценивает русскую речь национала.

В неисконной русской речи совершенно иным образом оценивается лексика. Здесь на первый план выдвигается неприкосновенность фонетического облика слова, в первую очередь оценивается наличие ошибок. В работе представлена вербальная шкала оценок речи, на самой нижней ступени которой, отрицательной, расположена оценка "ни бум-бум", т.е. ни слова не понимает; на верхней "чисто по-русски", что означает высокое языковое умение.

Свой раздел Э.А. Григорян завершает описанием уровней владения языком. Выделены уровни, где речь невнятна. Затем следует элементарный уровень, где речь понятна, односложна и с ошибками на всех ярусах. Следующий уровень так называемый достаточный, где речь понятна, лексика безошибочна, темп

нормальный, ошибки только на грамматическом ярусе. Наконец, следует корректный уровень т.е. нормальная речь с нарушениями только на интонационном ярусе.

* * *

В заключение отметим, что все три части рецензируемой монографии читаются с большим интересом. Поднятые в ней проблемы, связанные со становлением, развитием и функционированием русского языка за пределами своего этноса, лингвистические и научно-методологические вопросы рассматриваются в совершенно новом аспекте.

Авторы заглянули как бы за другую сторону медали, обнаружив там ряд белых пятен, нуждающихся в серьезном научном освещении и интерпретации. С этой задачей авторы справились успешно.

Э.Г. Туманян

G. Lazard. Etudes de linguistique générale: typologie grammaticale. Leuven; Paris: Peeters, 2001. – XVI + 472 p.

Данная книга по своему жанру ближе всего к тому, что обычно называется "избранные труды": в нее входят двадцать четыре статьи, написанные и опубликованные автором в разные годы, но преимущественно в течение последнего десятилетия. Все эти статьи посвящены проблемам грамматической типологии – как общим (теоретический статус типологии как научной дисциплины, ее принципы и методы, терминология и т.п.), так и более конкретным (анализ отдельных грамматических категорий, особенно в сфере выражения актантных отношений и модальности). Статьи воспроизводятся в том виде, в каком они были первоначально опубликованы; четыре статьи сборника написаны по-английски, остальные – по-французски. Одна работа печатается впервые.

Публикация этой книги – событие, которого давно ожидали и которое следует всячески приветствовать. Ее автор, французский лингвист Жильбер Лазар – безусловно, один из ведущих и наиболее авторитетных современных типологов (по крайней мере, в Европе и в тех странах за ее пределами, где наукой еще признано право изъясняться не только по-английски). Следует сразу отметить, что вклад Ж. Лазара в лингвистику отнюдь не исчерпывается публикациями, собранными в данной книге: он является признанным специалистом в области иранской филологии, автором одной из наиболее час-

то цитируемых грамматик современного персидского языка [Lazard 1957] и целого ряда комментированных переводов классиков персидской литературы. Кроме того, лингвисты-теоретики хорошо знакомы с его фундаментальной книгой "Актантная структура" (французское издание вышло в 1994, английское – в 1998 г. [Lazard 1994 и 1998]), а специалисты по языкам Океании – с подробной грамматикой таятского языка (написанной в соавторстве с носительницей языка Л. Пельтцер и рассчитанной в том числе и на типологов [Lazard, Peltzer 2000]). К этому следует добавить, что в 1984 г. Ж. Лазар создал и до самого недавнего времени возглавлял группу по изучению актантной структуры предложения (RIVALC); он же был одним из инициаторов издания трудов этой группы, – периодического сборника "Actances", выходящего в Париже.

Как признается сам Ж. Лазар в предисловии к книге, разнообразие естественных языков привлекало его всегда – не случайно одним из первых эпизодов его научной биографии стало участие, еще в студенческие годы, в подготовке второго издания энциклопедии "Языки мира" под руководством М. Козна (этого лингвиста, наряду с Вандриесом, Бенвенистом, Шантrenom и Рену, он считает своим учителем). Однако если в 50–70 гг. Лазар в основном выступал в печати как иранист, то 80-е и особенно 90-е гг. являются периодом его очень интенсивной деятельности в

области типологии – прежде всего, типологии предикатно-аргументных отношений, но также и грамматической типологии в целом¹. В рецензируемой книге собраны работы именно этого, “типологического” периода научной деятельности Ж. Лазара. В совокупности они дают достаточно полное представление о теоретических взглядах автора. Хотя многие работы Ж. Лазара хорошо известны, книга позволяет получить гораздо более объемную и цельную картину – тем более, что ряд важных статей был в свое время напечатан в малодоступных изданиях (к сожалению, не все известные публикации Лазара вошли в сборник; отсутствует в сборнике и полная библиография его работ, которая была бы совсем не лишней).

Книга состоит из четырех разделов. В первый раздел входят работы, в которых рассматриваются общие проблемы типологии и теории языка. Второй раздел состоит из работ, посвященных главной теме Ж. Лазара, т.е. актантной структуре глагола (франц. (“actance”)². Третий раздел состоит из статей, также связанных с проблематикой актантной структуры, но рассматриваемой более узко – с точки зрения типологии оформления объектов. Наконец, в четвертый раздел входят статьи, в которых анализируются несинтаксические категории глагола – в первую очередь те, которые связаны с выражением ирреальности и эвиденциальности.

Перейдем к более подробной характеристике каждого раздела.

Сборник открывается во многих отношениях знаменательной статьей под названием “Является ли лингвистика наукой?” (впервые опубликована в 1999 г.). Лингвистику на современном этапе ее развития автор определяет как “протонауку”, используя выражение известного французского философа Ж.-Г. Гранже, сравнившего современные гуманитарные науки с физикой в эпоху Галилея. Для протонауки характерны постоянные споры об объ-

екте и методах и наличие большого числа конкурирующих друг с другом (но с трудом сопоставимых) теорий. По словам Гранже, в физике в то время “могли разрабатываться очень тонкие системы понятий, часто чрезвычайно сложные и внутренне последовательные, до сих пор поражающие воображение историков науки, – но все эти замечательные конструкции работали вхолостую, поскольку изначально было неясно ни с какой целью они изобретались, ни какие объекты описывали”. Не узнать в этой пессимистической картине современную лингвистику, действительно, трудно. В поисках теории, которая наилучшим образом определяла бы объект изучения и методы, Ж. Лазар наиболее подробно останавливается на трех лингвистических “парадигмах”: компаративистике, генеративной лингвистике и типологии.

Компаративистика (как процедура реконструкции и установления генетического родства языков), на первый взгляд, имеет наибольшие шансы называться настоящей наукой, несмотря на хорошо известные ограничения и противоречия, связанные с лежащей в ее основе моделью родословного древа. Проблема, однако, состоит в том, что классическая компаративистика описывает лишь факты исторической эволюции отдельных языков, т.е. является исторической дисциплиной, а история в принципе не может считаться наукой в том смысле, какой вкладывают в этот термин Кун или Гранже. Для достижения статуса науки лингвистике необходимо располагать общими, универсальными законами функционирования языка (в том числе и общими законами его исторического развития, поскольку изменение языка во времени является одним из аспектов его функционирования). Современная компаративистика от решения этой задачи далека.

Генеративная теория языка, с другой стороны, претендует именно на описание – в рамках строгой формальной модели – общих законов развития языка (составляющих врожденную “универсальную грамматику”, связанную к тому же с процедурой усвоения языка ребенком). Однако существует разительное противоречие между претензиями генеративной теории и ее, по выражению Лазара, “разочаровывающе скудными” результатами. Для теории, претендующей на статус единственно научной и психологически адекватной, генеративная грамматика за сорок лет своего существования слишком часто и слишком радикально менялась в самых основах. Другое уязвимое место этой теории – узорность эмпирической базы: генеративисты практически не работают с большими массивами текстов, ча-

¹ Напомним, что, помимо указанной выше монографии, Ж. Лазаром написан и очень большой по объему теоретический раздел в недавнем сборнике [Feuillet 1998], посвященном актантным структурам языков Европы (см. нашу рецензию на этот сборник [Daniel, Plungian 1999]).

² Термин “актантная структура” отражает прежде всего существующую в языке стратегию формального выражения основных семантических ролей; поэтому двумя главными типами актантной структуры признаются аккумулятивная и эргативная (см. подробнее ниже).

ще всего используя искусственно построенные изолированные высказывания, отражающие достаточно маргинальные явления языка. Одним местом критики генеративизма является и англоцентризм этой теории, так и не преодоленный за несколько десятилетий ее существования. Лазар по этому поводу замечает, что строгие формальные процедуры генеративной теории оказываются в каком-то смысле построенными на песке в силу зыбкости большинства исходных понятий (таких, например, как имя и глагол, подлежащее и дополнение, и т.п.), и приводит любопытную цитату из Гранже, гласящую, что плодотворная математическая формализация возможна только на содержательно интересном концептуальном материале, и что в силу этого современные гуманитарные науки "имеют ту математизацию, которую заслуживают". К этому Лазар добавляет, что чтение генеративистской литературы у человека, не разделяющего теоретических убеждений Хомского, вызывает прежде всего острое чувство сожаления по поводу того, что так много интеллектуальных усилий в течение такого длительного времени расходуется, как кажется, почти впустую – и это в то время, когда сотни языков находятся под угрозой исчезновения и обширнейший лингвистический материал остается неопианным и невостребованным. Надо сказать, что подобная критика в адрес генеративной теории звучит постоянно (Лазар лишь лаконично резюмирует то, что до него говорили очень многие), и эти упреки трудно не признать справедливыми даже при самом сочувственном отношении к теории Хомского.

Отказывая компаративистике в статусе науки, а генеративную теорию соглашаясь считать в лучшем случае интеллектуальной игрой, изощренной, но бесполезной, Лазар обращается к лингвистической типологии, с которой он (вслед за Л. Ельмслевым, Дж. Гринбергом и многими другими лингвистами) и связывает надежды на постепенное превращение лингвистики из протонауки в науку, на переход от дескриптивной стадии (поиск фактов) к индуктивной (поиск обобщений, сделанных на основе фактов). Задачи, которые ставит себе лингвистическая типология (например, поиск универсалий, понимаемых как общие законы функционирования языка), являются задачами, решение которых действительно может способствовать повышению научного статуса лингвистики. Проблема современной типологии состоит в том, что она часто некритически использует традиционные понятия, и результаты, полученные таким образом, оказываются не очень надежными и плохо поддающимися верифи-

кации. Однако этот недостаток преодолить – необходимо лишь больше внимания уделять строгому определению объекта изучения (как при описании, так и при межъязыковом сравнении), отделив существенные признаки от несущественных. Суть процедуры, предлагаемой Лазаром, такова: на основе некоторого интуитивного представления о языках постулируются ясно определенные исходные понятия; с их помощью формулируется гипотеза, которая затем эмпирически (т.е. путем привлечения нового языкового материала) подтверждается или опровергается – такого рода отношение к фактам и теориям в наибольшей степени способно сблизить лингвистику со зрелыми науками (например, естественными).

В качестве иллюстрации Лазар предлагает свое собственное определение актантной структуры (эта проблема так или иначе поднимается и во многих других статьях сборника). Традиционные определения основных актантных структур опираются на такие спорные понятия, как подлежащее, дополнение и переходность. Этого можно избежать, если вначале задать понятие "прототипического действия" (предполагающего, что индивидуализированный агент некоторым существенным образом воздействует на индивидуализированного пациенса), которое во всяком языке выражается с помощью "главной двухактантной конструкции", включающей агенса и пациенса. Далее эта конструкция сравнивается с одноактантными конструкциями данного языка и делаются обобщения относительно возможных способов маркирования актантов. Другими примерами подобного подхода (опирающегося на ясные и универсальные прототипы, с которыми соотносятся менее ясные по своему статусу феномены) могут служить используемые Д. Даути или Б. Примус понятия "прото-ролей", теория "когнитивного представления ситуаций" У. Крофта, известная теоретическая концепция Х. Зайлера и т.п. (вообще говоря, в современной функциональной типологии подобная или близкая идеология постепенно становится преобладающей).

Целью типологического исследования языка следует считать межъязыковые и в а р и а н т ы, которые следует понимать как возможные типы связей между формами и значениями. Формулировать инварианты предпочтительно в виде шкалы (или континуума) возможной вариативности. Примерами таких формулировок могут служить следующие: в случае так называемой расщепленной эргативности аккузативную конструкцию образуют имперфективные глагольные формы, а эргативную конструкцию – перфективные; в

случае дифференциального маркирования объекта маркированным всегда оказывается более определенный, более личный или более тематичный объект и т.п. Объяснение этих закономерностей не является ближайшей задачей лингвистической типологии, но, безусловно, также представляет научный интерес.

Таким образом, для приближения к статусу науки лингвистике необходимо опираться на максимально представительный эмпирический материал, учитывать как (конкретно-языковую) форму, так и (универсальное) значение и сосредоточиться на установлении наиболее общих связей между первой и вторым. Эта задача может показаться скромной (и даже частной), но именно в этом и состоит ее преимущество: Лазар напоминает, вслед за лауреатом Нобелевской премии по медицине Ф. Жакобом, что общие вопросы позволяют дать только очень ограниченные ответы, а чем конкретнее вопросы, тем более общими могут оказаться ответы на них; чрезмерное увлечение глобальными проблемами, как правило, является симптомом методологического кризиса науки.

Другие статьи первого раздела можно рассматривать как своего рода комментарии к этой вводной работе, развивающие и уточняющие ее отдельные положения. Так, во многих отношениях замечательная статья “Поиск семантических универсалий в лингвистике” посвящена более развернутому доказательству того, что межъязыковое сравнение должно опираться на универсальную семантическую субстанцию, которая по-разному структурируется в разных языках. Эта мысль теперь кажется почти тривиальной, но Лазар был одним из первых, кто ее высказал эксплицитно (статья впервые опубликована в 1981 г.). В этой же статье по существу впервые высказывается весьма популярная ныне идея построения “семантических карт” для типологического изучения грамматических категорий (приоритет здесь обычно отдается Л. Андерсону, первая публикация которого на эту тему датируется 1982 г.³). В статье “Существуют ли

межъязыковые категории?” обсуждается гипотеза об устройстве универсального семантического пространства (того, что иногда называется “универсальным грамматическим набором”, с выделяемыми в его составе семантическими, или “фокальными” зонами. В статье “Актантная типология” к этим общим соображениям добавляется справедливое утверждение, что не все традиционные дескриптивные категории имеют межъязыковой статус (в связи с этим обсуждается категория медиа). В статье “Тема, рема: что это значит?” предпринимается попытка очертить границы другой важной семантической зоны (с учетом также инвентаря возможных формальных средств выражения данных значений). В статье “К вопросу о более строгой терминологии: некоторые принципы и предложения” уделяется более специальное внимание форме лингвистических терминов; в частности, рекомендуется избегать варваризмов и ненужных неологизмов. В качестве удачного неологизма автор рассматривает французские эквиваленты для обозначения двух граммем категории переключения референции (англ. “switch reference”; об этой категории см. подробнее недавнюю публикацию [Подлеская 2001]): английскому “same subject” соответствует предложенный К. Ажежем термин “изофория”, а английскому “different subject” – предложенный К. Ажежем термин “анизофория” или предложенный самим Лазаром термин “аллофория”. Пару “изофория/аллофория”, как нам кажется, действительно можно признать удачной – по крайней мере, у нее может быть, несколько больше шансов прижиться в русском типологическом узусе, чем у пугающе громоздкой “синкатегорематичности” И.А. Мельчука.

В статье “Проблема противопоставления имени и глагола в типологической перспективе” этот “вечный” вопрос рассматривается на материале восьми типологически различных языковых систем: французской, эскимосской, ацтекской, кабардино-черкесской, тайтянской, салишской (комокс), ирокезской (кайуга) и тагальской. Утверждается, что данное различие в той или иной форме присутствует во всем языке, даже таким слабо дифференцирующим части речи, как адыгские, салишские или ирокезские; универсальными являются также показатели непредикативной синтаксической функции. Различия между именем и глаголом, естественно, могут проявляться в разных частях языковой системы: в морфологии (различный набор морфологических категорий), в синтаксисе (различная сочетаемость с показателями предикативной и актантами функций), в лексике;

³ Следует учесть, что идея универсального семантического пространства и сопоставления грамматических значений разных языков по принципу “семантической смежности” (что фактически и означает семантическое картирование) была сформулирована Лазаром еще раньше, – в публикации 1975 г. о категории “эвентуалиса” (см. ниже, в обзоре статей четвертого раздела); так что Ж. Лазар должен по праву разделить с Л. Андерсеном приоритет открытия “семантических карт”.

языки мира образуют своего рода континуум в отношении степени выраженности всех этих различий.

Наконец, статья "RIVALC и инварианты" представляет собой неопубликованное предисловие к готовящемуся сборнику статей этой руководимой Лазаром проблемной группы. В ней излагаются теоретические основы проекта и характеризуются те "инварианты", на описание которых нацелена исследовательская программа: актантные структуры, объектная зона, пассив, антипассив и переходность, семантические классы глаголов, типы подлежащего, предикатно-актантное согласование и выражение лица актантов в глаголе.

Проблематика данной статьи позволяет непосредственно перейти ко второй части сборника, в которой собраны статьи по типологии актантных отношений. В двух статьях "Анти-имперсональные глаголы, континуум переходности и понятие переходности" (написана по-английски) и "Грузинский язык: активная или эргативная структура? Типология анти-имперсональных глаголов" рассматривается (во второй специально на грузинском материале) малоизученный тип глаголов, представленных во многих эргативных языках – одноместные глаголы типа 'курить' с единственным актантом не в абсолютиве, а в эргативе. Такие глаголы предлагается называть анти-имперсональными потому, что они представляют собой как бы зеркальную противоположность имперсональным, имея в отличие от них не "опустошенный" агенс и эксплицитный объект, а, напротив, эксплицитно выраженный агенс и "опустошенный" объект; тем самым, эти глаголы трактуются как семантически двухактантные с невыраженным объектом. Отдельной проблемой является возможность постулировать у всех таких глаголов семантическую общность; в качестве кандидата предлагается семантический признак "наблюдаемых физических проявлений действия или состояния". Указано, что данное явление тесно связано (но не тождественно), с одной стороны, с проблематикой неаккузативных/неэргативных глаголов и, с другой стороны, с проблематикой языков активного типа. Последние рассматриваются в специальной статье "Так называемый активный языковой тип: размышления о холистической типологии", где автор достаточно критически анализирует хорошо известную ему теорию Г.А. Климова; с точки зрения Лазара, активный тип никоим образом не может считаться стадией языковой эволюции – это лишь один из типов выражения актантных отношений (который предла-

гается называть "дуальным"), обычно сосуществующий в языке с другими типами.

В статье "Актантные характеристики средневропейского типа" содержится попытка очертить типологическое своеобразие европейских языков в области выражения предикатно-аргументных отношений. К отличительным признакам "средневропейского" типа предлагается относить порядок слов SVO, аккузативность, одноличное спряжение (при согласовании глагола с подлежащим), наличие пассива с выраженным агентивным дополнением, отчетливое противопоставление агенса и подлежащего.

Интересная статья "Актант N: подлежащее или дополнение?" посвящена определению синтаксической функции постглагольной ИГ в конструкциях типа франц. *il arrive des voyageurs* (≈ 'начинают прибывать путешественники'), англ. *there appeared a hatless stranger* (≈ 'и вот появился странник с непокрытой головой'), условно называемой "актантом N". Рассматривается материал французского, немецкого, нидерландского, английского и норвежского языков, в каждом из которых ситуация индивидуальна: в немецком (и, скорее всего, в нидерландском) это инвертированный субъект, в норвежском это "квази-объект", тогда как французский и английский занимают промежуточное положение: во французском актант N по своему статусу несколько ближе к объекту, а в английском – к субъекту. Актант с подобными свойствами следует считать ареальным (западно)европейским феноменом (с частичными параллелями в финском и некоторых других языках), причем во французском появление таких конструкций связано, скорее всего, с германским влиянием.

В статье "Функция актантного согласования" обращается внимание на те языки, в которых согласование актанта с предикатом происходит не во всех случаях. В качестве общего принципа, описывающего вариативность актантного согласования, предлагается правило "в согласовании участвует объект, обладающий наибольшей независимостью от предиката". Этот принцип объясняется требованиями прагматической организации предложения и связности текста, в обеспечении которых участвует согласование.

В данный раздел входит также статья "От ограниченной к обобщенной переходности", в которой намечаются контуры общей теории переходности, близкой к известной концепции Хоппера-Томпсон, но основанной на более строгих исходных посылах, и развернутая рецензия на вышедшую в 1994 г. книгу Диксона "Эргативность". Книге Диксона да-

ется очень высокая оценка (что подтвердилось ее последующей научной судьбой – это одна из самых цитируемых работ по теории эргативности), но по ряду пунктов Лазар вступает с Диксоном в полемику (наиболее содержательные аспекты этой полемики касаются данных индоиранских языков и трактовки расщепленной эргативности).

Третья часть сборника тесно примыкает ко второй по своей проблематике, но в нее входят статьи, касающиеся явлений, представленных в так называемой “объектной зоне” – одном из наиболее сложно организованных фрагментов универсального семантического пространства.

Статья “Морфема *rā* в персидском языке и актантные отношения” (впервые опубликована в 1982 г.) является одной из наиболее известных работ Ж. Лазара; в ней данные персидского языка рассмотрены на широком типологическом фоне и впервые эксплицитно показано, что морфема *rā* является характерным примером так называемого “дифференциального маркирования объекта”, при котором выражение объектной функции зависит от референциальных и коммуникативных свойств соответствующей ИГ. Эта же проблематика находит продолжение в статьях “Персидское *rā* и китайское *ba*” и “Вариативность актантной структуры и категории объекта”. В последней статье (написанной по-английски) вводится иерархия индивидуализованности (“individuation”) объекта с двумя основными классами конструкций: биполярной (в которой объект образует с предикатом единый комплекс) и триполярной (в которой объект относительно независим от предиката). Эта тема в более общем плане рассматривается и в статье “Понятие актантного расстояния”, где предлагается распространить идею грамматического расстояния (отражающего различный статус объекта в биполярных и триполярных конструкциях) на все именные актанты пропозиции, что позволяет построить шкалу переходности от инкорпорированных объектов до глагольных сирконстантов (аналогичная шкала намечена и в упомянутой выше статье из второго раздела).

Четвертая часть сборника, как уже было сказано, занимает несколько более обособленное положение. В ней представлены работы, затрагивающие проблематику ирреальности, эвиденциальности и аспекта; большинство из них написано в самое последнее время.

Исключением в этом плане является, однако, открывающая раздел статья “Категория эвентуалиса”, написанная еще в 1975 г. Как уже отмечалось, в ней по существу впер-

вые излагается принцип семантической смежности, лежащий в основе межъязыкового сравнения грамматических значений и построения семантических карт. Непосредственным же материалом автору послужили глагольные формы, выражающие значения паст-хабитуалиса и ирреалиса (последнее значение, с нашей точки зрения, точнее было бы называть контрафактическим следствием: оно представлено в аподозисе контрафактических условных конструкций). Отправной точкой для рассуждений Лазара является факт частого совмещения обоих значений в одном и том же показателе (ср., например, английские конструкции с *would*). К описанию этой семантической зоны Лазар еще раз обращается в статье “Выражение ирреалиса: опыт типологии”, где отмечает, в частности, что ирреалис (= контрафактическое следствие) чаще всего выражается с помощью комбинации показателей прошедшего времени и так называемой виртуальности, т.е. неактуального характера ситуации (виртуальная ситуация может быть будущей, желаемой, возможной, узуальной и т.п.; в типологических работах обычно именно это значение и называется ирреалисом [Givón 1994]).

В статье “Миративность, эвиденциальность, медиативность?” (написанной по-английски) Лазар вновь возвращается к понятию медиативности, предложенному им еще в 1956 г. при описании глагольной системы таджикского языка. Медиативность является неполным эквивалентом понятия эвиденциальности, использовавшегося первоначально в работах по языкам американских индейцев и получившего всеобщую известность благодаря Р. Якобсону (отметим несомненный приоритет Лазара и в этой области). Третий термин – миративность – был введен в недавней работе американского типолога С. ДеЛанси для обозначения ситуаций, имеющих для говорящего статус “нового знания”. Лазар, однако, полагает, что убедительных аргументов в пользу трактовки миративности как особой универсальной категории пока не получено: существующие данные указывают, что миративные значения в основном входят в качестве составной части в значение эвиденциальных показателей медиативного типа, т.е. таких, в которых устойчиво совмещены значения инферентива (предположение о ситуации на основании ее наблюдаемого результата), цитатива (указание на чужую речь в качестве источника знаний говорящего о ситуации) и адмиратива (восприятие ситуации как новой или неожиданной для говорящего).

Заключительная статья “Вид, время, способ действия” содержит попытку применить аспектуальную концепцию французского семиолога Давида Коэна [Cohen 1989] к типологическому анализу четырех глагольных систем – французской, персидской, русской и бадага (дравидийская семья). Концепция Д. Коэна исходит из существования двух оппозиций в аспектуальной сфере: комплетива/инкомплетива и синхронности/несинхронности с точкой отсчета. Помимо аспекта, в языках может выражаться также категория способа действия, в которую входит прежде всего противопоставление по предельности/непредельности, а также инхоатив, континуатив, итератив, семельфактив, конатив и др. значения. Русская глагольная система в этих терминах описывается как система с невыраженной синхронностью и немаркированным НСВ, т.е. в целом русский оказывается языком, в котором аспектуальность подчинена предельности (подобный вывод, впрочем, уже делался целым рядом славистов).

По поводу концепции Д. Коэна можно сказать, что в свое время она, безусловно, была шагом вперед в типологическом описании аспекта, но в ней имеется целый ряд ограничений и недостатков, которые особенно чувствительны именно при типологическом исследовании. С нашей точки зрения, применение этой концепции в типологии особенно неудачно из-за слишком узкой трактовки аспекта и, напротив, слишком широкой трактовки способа действия – под это понятие подпадают как явления, связанные с акциональной классификацией предикатов (но далеко не все), так и явления скорее аспектуальной природы. Во многих современных типологических концепциях (в частности, у Л. Юхансона, у Х. Зассе и В. Броя, в определенном отношении у К. Смит и др.) эти противопоставления разграничены лучше и трактовка аспекта в целом глубже и адекватней (см. подробнее обзор этих исследований в [Плунгян 2000]). Как бы то ни было, концепция Коэна имеет право на существование, и знакомство типологов с ней небесполезно.

Таким образом, приведенный обзор, при всей своей беглости, дает, как мы надеемся, представление о значительности вклада Лазара в типологическую проблематику, о широте рассмотренных им проблем и новаторстве многих решений. Данный сборник, безусловно, должен занять почетное место в библиотеке любого типолога. Заметим в заключение, что российские типологи могут быть особенно признательны Ж. Лазару как одному из немногих западных лингвистов, систематически использующих русскоязычные работы и хорошо ориентирующихся в достижениях отечественной типологии: ссылки на Г.А. Климова, А.Е. Кибрика, Н.А. Козинцеву, В.П. Неделюкова и других лингвистов в работах Лазара нередки и всегда уместны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Подлеская 2001 – В.И. Подлеская Переключение референции: дискурсивные функции грамматической категории // Исследования по теории грамматики. Вып. I: Глагольные категории. М., 2001.
- Cohen 1989 – D. Cohen L'aspect verbal. Paris, 1989.
- Daniel, Plungian 1999 – M. Daniel, V.A. Plungian STUF 1999. 51. № 1: Rec.: J. Feuillet (ed.) Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin, 1999.
- Feuillet 1998 – J. Feuillet Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin, 1998.
- Givón 1994 – T. Givón Irrealis and the subjunctive // Studies in language. 1994. 18. № 2.
- Lazard 1957 – G. Lazard Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.
- Lazard 1994 – G. Lazard L'actance. Paris, 1994.
- Lazard 1998 – G. Lazard. Actancy. Berlin, 1998.
- Lazard, Peltzer 2000 – G. Lazard, L. Peltzer Structure de la langue tahitienne. Paris, 2000.

В.А. Плунгян

P. Wexler. Two-tiered Relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 2002, (Trends in Linguistics. Studies and monographs 136), 713p. + index + bibliography.

Рецензируемая книга “Двуступенчатая релексификация в идише – еврей, лужичане, хазары и киевско-полесский диалект” венчает большую серию работ П. Векслера, опубликованных в последнее десятилетие. В этих

работах излагается его парадоксальная концепция происхождения еврейских языков, в частности, идиша. П. Векслер – один из самых известных специалистов по еврейским языкам. Уроженец Соединенных Штатов,

родившийся в семье эмигрантов из России, он в конце 1960-х гг. репатрировался в Израиль и работает по сей день в Тель-Авивском университете. Широкая известность в профессиональных кругах пришла к нему еще в 1970-х гг. после опубликования ряда работ, посвященных дисциплине, названной им "еврейской интерлингвистикой". Под ней он понимал исследование своеобразного феномена, который получил в социолингвистике название "еврейских языков". Под этим термином понимаются вербальные коммуникативные языки, бытовавшие среди разных этнических групп внутри еврейской цивилизации. Все эти языки находились всегда в состоянии диглоссии с древнееврейским языком, *лашон-акодеш*, который выполнял функции метаязыка еврейской цивилизации. Парадоксальным образом сам древнееврейский, как и современный израильский иврит, являясь языками евреев, не относятся к категории "еврейских языков". Последних в истории было не так мало, около двух десятков. Наиболее ранними из них, видимо, были еврейско-арамейский и еврейско-греческий языки. Первый сложился в Двуречье в середине I тыс. до н.э. среди евреев, выселенных вавилонским царем Навуходоносором из Иудеи в Месопотамию. Некоторая часть этих евреев вернулась в Иерусалим в первые десятилетия существования империи Ахеменидов, а значительная часть осталась жить на новых местах, образовав тем самым первую общину еврейской диаспоры. Греческий язык пришел в еврейскую среду с эпохой эллинизма в IV–III вв. до н.э. Он стал языком второй после вавилонской крупной диаспорной общины евреев – египетской. Как известно, именно в Александрии в последние века до н.э. был осуществлен перевод Торы на греческий (так называемая Септуагинта). Текст Септуагинты лег в основу христианского канонического текста Ветхого Завета. Еврейско-греческий язык, называемый также *яванит* (от еврейского названия Греции "Яван"), на грани эр превратился в разговорный язык еврейского населения Римской империи за пределами Иудеи. Еврейские колонии в последние века до н.э. и первые века н.э. существовали во всей зоне Восточного Средиземноморья, включая и Причерноморье вплоть до устья Дона. Были они и в самой Италии, в Галлии, Германии, конечно, в Северной Африке. Яванит дожил до совсем недавнего времени. К началу Второй мировой войны он еще был распространен в северо-западной Греции и в Албании. Сегодня он практически исчез, хотя, возможно, где-то

доживают свой век несколько престарелых носителей.

Судьба еврейско-арамейского языка была более сложной. На нем был создан величайший памятник еврейской мысли – Талмуд, написаны многие классические произведения раввинской учености. Это привело к тому, что в какой-то момент он практически слился с родственным ему древнееврейским, образовав, таким образом, мертвый метаязык *лашон-акодеш*. Но разговорные формы еврейско-арамейского, называющиеся *таргум* (от ивритского таргум 'перевод', т.е. язык канонического перевода Торы на арамейский) или *лисана-дидан* ("наш язык"), не исчезли после образования метаязыка и также дожили до наших дней. На нескольких диалектах этого новоярмейского языка до сих пор говорит этническая группа курдистанских евреев, или лахлухов, которые до 1950-х гг. жили в Курдистанском нагорье, а теперь почти все переселились в Израиль. Очень многочисленные группы этих евреев до сих пор живут в Грузии, Казахстане, Турции и Иране.

По мере расселения по миру еврейской диаспоры множилось и количество еврейских языков. В Испании стал складываться еврейско-испанский язык, который окончательно обособился от испанского после изгнания евреев с Пиренейского полуострова в конце XV в. Сегодня этот язык, называемый *ладино*, или *джудезмо* (соответственно, от слов "латинский" и "еврейский"), язык этнической общности сефардов, подобно другим еврейским языкам, доживает свои последние часы. На нем практически не осталось одноязычных носителей, небольшое количество вообще говорящих на нем сохранилось в Израиле, где ладино вытесняется ивритом, в балканских странах, где он ассимилируется местными языками, такими как греческий, болгарский, сербский, македонский, турецкий, и отчасти в США, где его носители переходят на английский язык.

В средние века существовал еврейско-французский язык, *западный лозз*, т.е. "иностранный", исчезнувший после изгнания евреев из Франции в XIV в. Романскими были также *южный лозз*, или еврейско-итальянский, доживший до XX в. и сейчас стремительно исчезающий, и еврейско-провансальский *шудит*, просуществовавший до начала XIX в. в Южной Франции. В X–XVII вв. в Киевской Руси и Чехии бытовал еврейско-славянский язык, который сами носители называли *кенаанит*, т.е. "ханаанский". Такое странное название объяснялось тем, что на славянские страны было перенесено библейское назва-

ние Ханаан, подобно тому, как библейскими понятиями Сефарад и Ашкеназ евреи стали именовать Испанию и Германию.

Еврейские языки были известны и на Востоке. Наиболее распространенным был еврейско-арабский язык, от средневековой формы которого остались многочисленные письменные памятники. В период между X и XX вв. на разных диалектах арабского говорили разные еврейские этнические группы от Испании до Ирака. В последнее время он сохранялся в Северной Африке, где он назывался *жудео-араб* (в Йемене и в Ираке).

На персидской основе сложились разнообразнейшие еврейские языки в Иране, Средней Азии и на Кавказе. Почти все они сохранились до наших дней, хотя в последние десятилетия и они находятся в кризисном состоянии и количество их носителей стало стремительно сокращаться, вытесняясь как нормативным фарси в Иране, так и русским, английским и ивритом в местах их сегодняшнего расселения. Наиболее известны из иранско-еврейских языков еврейско-татский *джухури*, язык горских евреев Азербайджана и Северного Кавказа, и еврейско-таджикский, язык бухарских евреев, большинство которых переселились в последнее десятилетие из Средней Азии в США, Израиль и Австрию.

Кроме перечисленных языков существовали также немногочисленные еврейские этнолекты различных языков, среди носителей которых на протяжении многих веков жили различные еврейские этнические группы. Таковы еврейско-крымско-татарский, бытовавший среди крымчаков; тюркский караимский язык среди восточноевропейских караимов; греческо-караимский среди небольшой караимской общины Стамбула; еврейско-грузинский среди грузинских евреев; еврейский вариант диалекта конкани языка маратхи среди бени-исраэль района Бомбея; еврейско-малайялам у кочинских евреев Южной Индии; еврейско-берберский в горах Атласа в Марокко; возможно, еврейско-китайский; еврейско-агау в Эфиопии и ряд других.

Но, конечно, самым известным из еврейских языков справедливо считается идиш, еврейско-немецкий язык ашкеназских евреев. До начала Второй мировой войны на идише говорило около 10 миллионов евреев Восточной и Центральной Европы от Эльзаса на Западе до России на востоке. Сегодня после трагических событий Холокоста и радикальных социальных и политических перемен второй половины прошлого века обычный разговорный идиш практически исчез. Современное население, потомки тех, кто говорил на идиш, сегодня говорят преимущест-

венно по-русски. В результате массовой миграционной волны, накрывшей ашкеназских евреев в конце XX в., сегодня их потомки ассимилируются в ивритской, английской и немецкой языковых средах. Значительная часть носителей языка идиш, оставшаяся в пределах бывшего Советского Союза, почти исключительно русскоязычна. Следует отметить, впрочем, и некоторое количество евреев-ашкеназов, говорящих на языках стран, где они живут, таких как литовский, латвийский, эстонский, украинский и др. Попытка сторонников идиша превратить его из "еврейского языка" в национальный язык еврейского народа, предпринятая несколькими поколениями еврейской интеллигенции в конце XIX – начале XX в., потерпела поражение. Причиной этого стал Холокост. В настоящее время идиш остается живым только в ультраортодоксальной хасидской среде в США и Израиле. Число говорящих на нем, как на "еврейском языке", оценивается сегодня примерно в 300–400 тысяч человек. Количество тех, для которых идиш – единственный язык, стремится к нулю.

На протяжении прошлого века в рамках еврейской интерлингвистики сложилась более или менее общепринятая концепция истории идиша. В наиболее четком виде она изложена М. Вайнрайхом [Weinreich 1980]. Согласно М. Вайнрайху, еврейско-немецкий язык складывается в последние века 1 тыс. н.э. в центральной части Рейнского бассейна в районе сегодняшних городов Майнц, Вормс и Шпейер, которые в еврейской исторической традиции известны под акронимом ШУМ и воспринимаются как "малая родина" ашкеназов. Субстратом этого раннего идиша были западный и в меньшей мере южный лозы. Оттуда идиш распространялся вначале на немецкую зону Подунавья, где Регенсбург фигурирует в числе наиболее ранних еврейских поселений Центральной Европы. Затем, с XIII–XIV вв., но особенно интенсивно с XV в., идиш проникает в славяноязычную зону Восточной Европы, впитывает в себя славянский адстрат и окончательно ассимилирует еврейско-славянские "кенаанские" языки в Чехии и на территории современных Украины и Белоруссии (к началу XVII в.).

С того времени идиш делится на две диалектные группы – западную и восточную. Западная, распространенная в Центральной Европе, подразделялась на несколько говоров, в том числе голландский, эльзасский, которые сохранялись еще в первой половине XX в. Восточная диалектная группа подразделялась на литовский говор (современная Литва и Белоруссия), польский и украинско-

бессарабский говоры. Промежуточным между восточной и западной группой считался венгерский диалект идиша. Западный идиш стал клониться к упадку еще в XIX в. вследствие процесса еврейской эмансипации, гаскалы, приведшего к распаду сегрегированной еврейской социальной структуры. Восточный идиш дожил до наших дней, хотя Холокост и нанес ему смертельный удар. Сегодня идишем в какой-то мере владеет еще старшее поколение евреев Украины, Литвы, Молдавия, Румынии, в меньшей мере России, Польши, Словакии, Хорватии, США, Аргентины, Израиля. За пределами ультраортодоксального сообщества идиш ни для кого более не является родным языком, т.е. языком, на котором ребенок начинает говорить в детстве.

В последние десятилетия эта хрестоматийная концепция возникновения и истории идиша стала подвергаться сомнению. В основе этого лежали, главным образом, экстралингвистические соображения, в первую очередь неправдоподобный демографический рост еврейского населения Польши в период XVI – первой половины XVII вв. Это заставило ряд авторов искать иные причины такого явления, кроме миграции евреев из Германии в Речь Посполитую. Частью таких поисков стала т.н. "хазарская версия", которая в своем наиболее полном виде сформулирована известным писателем А. Кёстлером в 1976 г. [Koestler 1976]. Автор, который не был ни лингвистом, ни историком, предположил, что ашкеназы в большинстве своем являются физическими потомками не немецких евреев раннего средневековья, в свою очередь восходивших к древним евреям античной Иудеи, а иудаизированных хазар, живших в Восточной Европе в VIII–X вв. Основанием для такого вывода служила уже упоминавшаяся выше странная демографическая кривая XV–XVII вв. и ряд других противоречий в классической теории о происхождении идиша. В последние десятилетия появились и более профессиональные, чем кестлеровская, опровержения вайнрайховской теории, опирающиеся на чисто лингвистические соображения. Обнаруживается, в частности, что германский компонент идиша обладает признаками, сближающими его, скорее, с баварским диалектом немецкого, чем с диалектом, распространенным на Среднем Рейне. Это обстоятельство поставило под сомнение прямую генетическую связь между раннесредневековым еврейско-немецким идиомом в районе ШУМ и более поздним идишем, который, как полагают ряд авторов, обязан своим возникновением практи-

чески неизвестному еврейскому населению восточной приальпийской зоны в начале истекшего тысячелетия. Эта точка зрения развивается рядом авторов, участников оксфордского семинара по истории идиша, проведенного в 1985 г. [Katz (ed.) 1987].

Однако никто из критиков не зашел столь далеко, как П. Векслер. Он подвергает пересмотру не только и не просто географические и хронологические параметры вайнрайховской схемы, но и вообще взгляд на идиш как на еврейский и на германский язык. Он рассматривает его то как славянский язык, то как "славяно-тюркский", то как разновидность пиджин-креольских языков. Эта новая концепция начала развиваться в ряде его работ начала 1990-х гг. [Wexler 1991; 1993], но завершенную форму она приобретает только в рецензируемой книге.

Книга состоит из следующих 4 глав: 1. Гипотеза релексификации в идише; 2. Подходы к исследованию идиша и других еврейских языков; 3. Критерии отбора германских и иврито-арамейских и сохранения славянских элементов в идише; 4. Доказательства двухступенчатой релексификации идиша: от верхнелужицкого к немецкому и от киевско-полесского к идишу.

В основе этой столь фразпирующей концепции лежит слабо разработанное в лингвистике понятие релексификации. Оно в основном используется в последние десятилетия при исследовании пиджин-креольских языков и понимается как обозначение процесса вытеснения вокабулярия субстратного языка суперстратным при интенсивном языковом контакте. Впервые это понятие было введено в лингвистическую литературу в начале 1980-х гг. на примере так называемого "медиа-ленгва", эквадорского креольского языка на испанской лексической основе, и использовалось оно главным образом в контексте дискуссии о "смешанных языках". В своем крайнем выражении релексификация, по крайней мере, теоретически, может принимать формы полной или почти полной замены одного вокабулярия другим при сохранении структурных характеристик языка-субстрата. В какой-то степени это явление известно нам на примере классических пиджин-креольских языков, таких как гаитянский или ямайский креоли, сранан-тонго, хиримоту, ток-писин или бислама. Во всех них мы обнаруживаем лексику социально-доминантного языка-суперстрата и структурные характеристики аборигенных языков-субстратов.

По мнению П. Векслера и его коллег, разработчиков концепции релексификации, процесс замены вокабулярия может происхо-

дить быстро и иметь своим результатом тотальную смену словаря. Сохранение, однако, структурных особенностей старого языка, особенно синтаксических конструкций, по мнению П. Векслера, будет считаться достаточным аргументом в пользу установления генетической природы "релексифицированного" языка. Так, "медиа-ленгва" при романской базовой лексике из-за кечуанских синтаксических конструкций должен признаваться индейским языком. Соответственно, идиш, в котором преобладает германская лексика, следует признавать славянским языком, ибо процесс его становления свелся к двум ступеням релексификации двух разных славянских языков: верхнелужицкого и полесского диалекта древнерусского языка. Решающим аргументом в пользу такого предположения автор считает отсутствие в идише каких-либо специфически германских синтаксических категорий, которые отсутствовали бы в славянских языках. Утверждение это недостаточно аргументировано. Я бы упомянул, например, отделяющиеся глагольные префиксы в идише и в немецком, чего категорически нет в славянских языках, полагаю, что и в неизвестном мне верхнелужицком тоже. Автор же уверяет, что весь идишский синтаксис категориально одинаково соответствует и германской, и славянской нормам, а, следовательно, по его мнению, нет оснований считать идиш чем-либо иным, как пятнадцатым славянским языком.

Разумеется, при таком рассуждении возникает целый ряд теоретических возражений (или недоумений), которые затрагивают глубинную сферу лингвистической теории, в особенности компаративистской ее части. Во-первых, это представление о языковом родстве. Если оно базируется на типологических (в данном случае, синтаксических) категориях, а не на материальных носителях таковых, то это само по себе требует коренного пересмотра самого смысла языкового родства. Как замечает сам автор, при подобном подходе часто исчезает разница между типологической и генетической характеристикой языка. Кроме того, как пишет он сам, "мы недостаточно знаем верхние границы объема языковых заимствований для того, чтобы отличать случаи, в которых некий язык А подвергся сильному влиянию со стороны языка В, от тех, где язык А был релексифицирован языком В". И дальше он продолжает: "Мог ли идиш, чья лексика в основном имеет германское происхождение, заимствовать такое множество славянских элементов дискурсных, синтаксических и деривационных?" (с. 23). Ответ его на этот во-

прос очевиден: этот факт является свидетельством не заимствований, а релексификации, которая принципиально отлична от процесса простого языкового заимствования. Этому он посвящает специальное рассуждение, основанное на опубликованной им же работе, написанной в соавторстве со специалисткой по лужицким языкам Ю. Хорват [Horvath, Wexler 1997]. Оно сводится к тому, что релексификация не может быть рассматриваема как просто необычайно интенсивный процесс языкового заимствования. Она принципиально отлична от заимствования как такового, ибо вызвана иными социолингвистическими, или вообще экстралингвистическими причинами, а именно формированием нового типа идентичности у релексифицируемого языкового коллектива (с. 21).

На основании этой теоретической концепции автор предлагает следующую историческую реконструкцию развития еврейского языкового поведения в Восточной Европе на протяжении последних полутора тысяч лет. Проникновение иудаизма в сегодняшнюю Восточную Германию, в частности в долину Одера и Нейсе, происходит где-то в середине I тыс. н. э. благодаря небольшому количеству (?) собственно иудеев из Балкан, среди которых большинство были потомками иудайзированных жителей Византии, хотя какое-то весьма небольшое (?) количество их могли действительно быть потомками древних жителей Иудеи. В конце I тыс. н. э. они иудайзируют часть славянского населения бассейна Эльбы и Одера. Вскоре после этого, в период IX–XII вв., начинается германизация всего района, в процессе которой иудей-лужичане релексифицируют свой верхнелужицкий язык, но иным способом, чем христиане-лужичане и полабские славяне, которые в результате оказываются ассимилированными немецким языком. Религиозная специфика иудеев-лужичан приводит к тому, что в результате этой первой релексификации появляется идиш. Этот язык сохранил, по мнению автора, славянскую структуру, особенно синтаксис и фонологию, но заместил порядка 80% вокабулярия на германские и в небольшом количестве на семитские лексемы. Тем самым, этот первоначальный, как он его называет, "лужицкий идиш", следует признать своеобразным (bizarre) славянским диалектом. Примерно одновременно с этим происходит независимое возникновение другого еврейско-немецкого языка в прирейнской зоне, на основе еврейско-романского субстрата из западного и южного лоззов. Эти два языка, т.е. прирейнский еврейско-немецкий и лужицкий идиш,

не связаны непосредственным генетическим родством, причем первый впоследствии исчезает, очевидно, вытесненный более поздним идишем.

К востоку от рассматриваемого района в конце I тыс. н.э. существовало другое иудазированное население, которое восходило к хазарским иудеям. Существование его зафиксировано, в частности, в знаменитом Киевском письме и в ряде других документов, в том числе в русских летописях. К X–XII вв. эти иудеи были славяноязычными и говорили на киевско-полесском диалекте древнерусского языка, который они называли "кенаанским". Если первых иудеев, проникших в Восточную Германию из Балкан, П. Векслер именует "славяно-тюрками", то последних называет "тюрко-славянами". В специальном разделе 4 главы, названном "Хазарский компонент" (с. 513–541), автор анализирует все немногочисленные свидетельства тюркского или иранского языкового влияния в идише и вообще в ашкеназской культуре с целью доказать идею хазарской преемственности. Эта восточнославянская еврейская группа существовала до XV в., когда она встретилась с "лужицкими" ашкеназами на территории средневековой Польши. Результатом этого контакта стала вторая релексификация еврейского варианта древнерусского языка, при которой языком-релексификатором стал "лужицкий идиш". Этот процесс завершается в XVII в. формированием так называемого восточноевропейского, или восточного идиша.

Параллельно с этими двумя основными ступенями релексификация происходит еще 4 дополнительных релексификации, которые не являются, строго говоря, стадиями становления идиша. В период между XII и XIX вв. идиш релексифицируется древнееврейским и "идишскими геброидизмами" (под ними автор понимает искусственно созданные по древнееврейской или славяно-германской словообразовательной модели новые, как бы семитские, слова), в результате чего получается мертвый "письменный ашкеназский иврит", т. е. язык многочисленных раввинских сочинений средневековья, а также язык деловой документации, образования, литературы. Его также следует признать своеобразным славянским диалектом.

Между XIV и XVIII вв. библейский древнееврейский релексифицируется в той же среде верхненемецким, в результате чего складывается язык письменных переводов библейских текстов на идиш, так называемый "хумеш-тайч", который также представляет собой своеобразный славянский диалект.

Наконец, с конца XIX в. идиш релексифицируется древнееврейским вокабулярием и превращается в современный иврит. Другая форма релексификации, но уже романским вокабулярием тоже в конце XIX в. приводит к появлению эсперанто. Понятно, и иврит, и эсперанто в рамках данной схемы также представляют собой "своеобразные славянские диалекты".

Внешних аргументов в пользу этой теории в виде каких-либо исторических источников не существует. Не существует и таких ожидаемых показателей, как наличие ярко выраженных лужицких или хазарских субстратных элементов в идише. Поэтому основным методом доказательства является сам язык идиш, более точно, детальное исследование механизмов отбора германской и семитской лексики, как и грамматических и семантических элементов в идише в сравнении с верхнелужицким, а также украинским и белорусским языками. Автор рецензии не является славистом, и ему трудно оценить приведенный огромный материал по славистике. Могут только сказать, что П. Векслер обладает определенным именем в западной славистике и является автором нескольких трудов по белорусскому языку.

Понятно, что теория П. Векслера, к которой он шел много лет, и которая нашла сейчас воплощение в рецензируемом труде, воспринята подавляющим большинством специалистов, включая и самого рецензента, с недоверием и рассматривается как фразеологическая и провокативная. Сам П. Векслер вполне отдает себе в этом отчет и указывает на две основные причины такого восприятия, с которыми трудно не согласиться.

Первая заключается в том, что концепция релексификации представляет собой угрозу для теоретических аксиом компаративистики. Согласно последним, родственными считаются языки, между системами которых устанавливаются регулярные соответствия на уровне материальных носителей языковых категорий. Компаративистика оперирует понятием генеалогического древа "как классического одновершинного графа, в котором два и более узлов могут иметь единого предка, но никакой узел не может иметь более чем единого предка" [Бурлак, Старостин 2001: 47]. Релексификация в том виде, как она понимается П. Векслером и его коллегами, несомненно, подрывает этот теоретический постулат и делает компаративистское сравнение произвольным, а генеалогическую классификацию волюнтаристской. Если даже допустить, что П. Векслер прав в своих исторических реконструкциях и что

предки людей, говоривших на идише, до этого говорили на варианте верхнелужицкого, из этого вовсе не проистекает утверждение, что идиш является генетическим продолжением верхнелужицкого. Так же, как и не обязательно утверждение, что гаитянский креоль следует отнести к группе ква-кру нигеркордофанских языков. Вопрос этот, безусловно, имеет отношение к идущему достаточно давно спору о том, как классифицировать пиджин-креольские языки – как неклассифицируемую группу или вместе с теми группами, к которым относится доминирующая в них лексика? Иными словами, следует ли считать названный выше гаитянский креоль романским языком, или неклассифицируемым. П. Векслер, скорее всего, предлагает считать его бантоидным. Конечно, строго лингвистическое решение этого вопроса предполагает классификацию этого языка как романского; исключение его из классификации демонстрирует беспомощность исследователя и имплицитное признание двух принципиально отличных друг от друга видов языка, имеющие очень далеко идущие последствия, наконец, третий путь, векслеровский, т.е. классификация его с африканскими языками, будет иметь своим неизбежным следствием полное отрицание всей теории компаративистики, что разрушительно для лингвистики в целом. Это – основная причина, как я понимаю, почему векслеровские сочинения и, в частности, теория релексификации, принимается в штыки большинством лингвистов. Если мы соглашаемся с тем, что идиш – славянский язык, то, что мешает нам утверждать, что славянских языков на самом деле гораздо больше – тот же Векслер считает славянским и румынский, а что говорить о чуванском или о большом количестве языков Русского Севера, которые сегодня, находясь в интенсивном языковом контакте с русским, воспринимают все больше и больше русских типологических черт? Если так, то вся генеалогическая схема теряет смысл и тогда, строго говоря, неважно, называть идиш славянским, германским или семитским языком. Ибо в этом случае меняется само содержание этих на сегодня, как кажется, понятных категорий.

Не менее существенна и вторая причина отвержения векслеровских реконструкций. Она лежит уже за пределами лингвистики. Сам П. Векслер пишет следующее: "Релексификация часто приводит к выводам об этногенезе данного народа, которые противоречат преобладающим национальным мифам" (с. 41). Особенно ярко это применимо к евреям. Безусловно, представление о генетичес-

кой связи между древним населением Израиля и Иудеи и современными евреями лежит в основе еврейского этнического и религиозного самосознания, еврейской идентификации. П. Векслер, в силу причин, которые связаны, скорее всего, с особенностями его личной судьбы, стремится постоянно к развенчанию этого 'национального мифа'. Об этом говорят уже названия многих его сочинений, сформулированные так, чтобы вызвать мгновенную и остро негативную реакцию носителей этого мифа. Таким названиям, как "Шизоидная природа современного иврита – славянский язык в поисках семитского прошлого", "Ашкеназские евреи – славяно-тюркский народ в поисках еврейской идентичности" [Wexler 1990, 1993] и пр., не место в академических изданиях. Нет никакого сомнения, что стремление спровоцировать отрицательную реакцию, сознательно и демонстративно развенчать 'священных коров' еврейского сознания являлось одной из целей автора.

Если же говорить по сути, то П. Векслер не прав, утверждая отсутствие какой-либо этнической связи между евреями средневековья и античными иудеями. Во-первых, он сам неоднократно намекает на то, что кроме 'иудайзированных лужичан и полабских славян' должны были быть и некие собственно иудеи, т.е. те, кто обратил этих славян в иудаизм. Поскольку ни о тех, ни о других в истории решительным образом ничего не известно, гадать о том, кто были эти иудеи, не приходится, но все-таки кто-то должен был там быть, если считаться с векслеровскими гипотетическими построениями. Более того, исследования по популяционной генетике евреев подтверждают существование общих генетических маркеров у разных этнических групп евреев, в частности у ашкеназов и сефардов. Недавно были проведены пока еще не опубликованные в академической печати исследования Y-хромосомы и митохондрия. Судя по сообщениям в популярных изданиях, они также подтвердили наличие общих генетических характеристик у евреев и арабов Восточного Средиземноморья [Mourant et al 1978, Patai R., Patai J. 1989].

Но главное не в этом, а в том, что проблема этнической преемственности по сути своей – проблема идеологическая, а не биологическая. У каждого человека количество его биологических предков возрастает в арифметической прогрессии по мере удаленности в прошлое. Каждый человек имеет в 10 поколении 1024 прямых предка. Вопрос не в том, кем они были по национальности, можно смело сказать, что среди них всегда присутствуют люди разного происхождения.

Вопрос в том, кого из них культурная общность, к которой принадлежит Эго, отбирает как "предков", а кого игнорирует. Так вот, "лужичан" среди идеологических предков евреев нет, так же, как и нет евреев среди идеологических "братьев" лужичан. Теоретически возможный и даже вероятный факт участия славян в этногенезе евреев Восточной Европы не несет в себе того "разоблачительного" потенциала, который, очевидно, предполагал П. Векслер.

Завершая рецензию, попробую суммировать впечатление от этой весьма неординарной книги. Первая реакция на нее – определенно негативная. Первое впечатление состоит в том, что серьезный и высоко профессиональный специалист посвятил себя какой-то странной лингвистической и исторической практике. Но таково только первое впечатление. Потом понимаешь, что в этом объемистом исследовании рассмотрены основные вопросы, связанные с происхождением идиша и других еврейских языков, а также как-то обозначены и иные базовые для лингвистической теории проблемы. Происхождение идиша действительно неясно, вайнрайховская концепция, до сих пор считающаяся хрестоматийной, во многих своих частях не выдерживает критики. Перенос центра формирования идиша в славянские земли или, по меньшей мере, повышение роли еврейско-славянского как одного из источников идиша, выглядит вполне оправданным. П. Векслер неоднократно замечает, что нельзя объяснить огромное количество славизмов в идише только контактом. Другие языки, также находившиеся в славянском окружении на примерно той же территории, например, тюркские, финно-угорские или балтийские, не обнаруживают столь фундаментального славянского влияния, как идиш. Если это так, то, безусловно, оправдано обращение к методике исследования пиджинов и особенно крепольских языков. Само по себе привлечение понятия релексификации, видимо, оправдано также. Но это уже, в свою очередь, влечет за собой постановку множества теоретических вопросов, часть которых я обозначил выше. Одним из них является слабо разработанный

в лингвистике вопрос о способах формирования языков. Очевидно, что графовая однополюсная дивергенция, принятая в современной компаративистике, не исчерпывает известной нам реальности. Одной из частей этой реальности являются еврейские языки, изученные далеко не исчерпывающе. Само по себе это плохо, потому что вскоре их не останется. П. Векслера, безусловно, можно упрекнуть в излишнем радикализме. Но несомненно, что нам предложено серьезное исследование, которое может заинтересовать самый широкий круг лингвистов и специалистов в области смежных дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак, Старостин 2001 – *С.А. Бурлак, С.А. Старостин* Введение в лингвистическую компаративистику М. 2001
- Horvath, Wexler 1997 – *J. Horvath, P. Wexler* Relexification Prolegomena to a research program // *J. Horvath, P. Wexler* (ed.) Relexification in Creole and non-Creole languages Wiesbaden, 1997
- Katz (ed.) 1987 – *D. Katz* (ed.) Origins of the Yiddish language Oxford 1987
- Koestler 1976 – *A. Koestler* The thirteenth tribe The Khazar-empire and its heritage London, 1976
- Mourant et al 1978 – *A. E. Mourant* The genesis of the Jews London, 1978
- Patai R., Patai J 1989 – *R. Patai, J. Patai* The myth of the Jewish race Detroit, 1989
- Weinreich 1980 – *M. Weinreich* History of the Yiddish language Chicago, London, 1980
- Wexler 1990 – *P. Wexler* The schizoid nature of modern Hebrew, a Slavic language in search of a Semitic past Wiesbaden, 1990
- Wexler 1991 – *P. Wexler* Yiddish – the fifteenth Slavic language // *International journal of sociology of language* V 91, 1991
- Wexler 1993 – *P. Wexler* The Ashkenazic Jews A Slavo-Turkic people in search of a Jewish identity Columbus (Ohio), 1993

М.А. Членов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

1–4 октября 2001 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. Особенность филологической науки XX столетия, как и всякой другой современной науки, состоит в дифференциации различных научных областей, зачастую сильно удаленных друг от друга. Эта специфика, как правило, исключает появление ученых-энциклопедистов, одинаково компетентных во всех областях филологической науки. Имя академика Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971) стоит в ряду счастливых исключений из этого правила, т.к. он был ученым поистине энциклопедического уровня. Предметом его научных интересов и занятий были и немецкая литература, и вопросы общего и германского языкознания, и русская поэзия Серебряного века, и вопросы теоретической поэтики и стихосложения, и компаративистика, и героический эпос Запада и Востока.

Конференция, на которой торжественно отмечался 110-летний юбилей со дня рождения ученого, была организована Санкт-Петербургским научным центром РАН и Институтом лингвистических исследований РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Организатором и душой юбилейных торжеств был член-корреспондент РАН профессор Н.Н. Казанский, блестяще подготовивший конференцию. К юбилею под его редакцией были выпущены три книги: "Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского", СПб., "Наука", 2001; "Академик Виктор Максимович Жирмунский: Биобиблиографический очерк. Изд. 3-е, исправленное и дополненное", СПб., "Наука", 2001; "Язык, литература, эпос: к 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского", СПб., "Наука", 2001 (последний сборник был подготов-

лен к печати в 1991 г. при участии ныне покойной д.ф.н. С.В. Смирницкой, но не смог быть в то время опубликован в силу тогдашних финансовых затруднений). 4 октября состоялось торжественное открытие мемориальной доски на доме, где В.М. Жирмунский жил и работал последние 20 лет своей жизни, а затем участники конференции побывали на могиле ученого на кладбище в пос. Комарово, где возложили цветы.

В первый день конференции, проходившей в здании РАН, состоялось пленарное заседание, посвященное теме "В.М. Жирмунский и его современники". Со вступительным словом к собравшимся обратился заместитель председателя СПбНЦ РАН проф. Ю.А. Петросян.

В концептуальном докладе профессора из США О. Ронена (Айн-Арбор, США) «В.М. Жирмунский и проблема "преодоления" в смене стилей и течений» рассматривались вопросы типологического подхода в литературоведении XX в. к литературе начала века, различию в типологии "больших стилей" в трудах Вельфлина, Курциуса, Жирмунского, Лотмана, Якобсона, Лихачева. Докладчик уделил внимание типам описаний основных течений в русском модернизме, а затем подробно остановился на концепции "преодоления" в статье Жирмунского 1916 г. "Преодолевшие символизм". Как известно, в этой статье Жирмунский выделял три поколения русских символистов. В докладе О. Ронена подробно анализируется динамическая модель смены стилей на примере типологизации Жирмунским этих трех поколений. Далее в докладе рассматриваются современные теории "синтетических стилей" в работах Вяч.Вс. Иванова, а также понятие литературной синхронии и диахронии в работах Р. Якобсона.

Последующие доклады утреннего и дневного заседаний были посвящены архивному наследию В.М. Жирмунского.

Взаимоотношения В.М. Жирмунского и А.А. Смирнова в 1917–1922 гг., их переписка стали темой сообщения дочери ученого В.В. Жирмунской-Аствацатуровой (Санкт-Петербург) "Переписка А.А. Смирнова и В.М. Жирмунского (1917–1922)" по материалам из семейного архива Жирмунских. С А.А. Смирновым, крупнейшим ученым-медиевистом, кельтологом, шекспироведом, основателем петроградско-ленинградской школы художественного перевода, Жирмунского связывала давняя дружба. В годы Гражданской войны судьба разъединила их: Жирмунский преподавал в Саратове, а затем в Петрограде, Смирнов жил в Харькове, а затем в Симферополе. В письмах Смирнова к Жирмунскому этого периода предстает широкая панорама научной, литературной и интеллектуальной жизни России первых послереволюционных лет. В этих письмах отражается совместная работа двух ученых над изданием драматических произведений Байрона в серии "Всемирная литература", основанной Горьким; присутствуют восторженные отзывы Смирнова на книгу Жирмунского "Религиозное отречение", на его монографии о поэзии русских символистов Брюсова и Блока и на его труды по поэтике, которые он писал, работая в Государственном институте истории искусств, а также предстает картина научной и литературной жизни Харькова и Симферополя.

В докладе Н.Д. Светозаровой (Санкт-Петербург) «В.М. Жирмунский и его "Ленинградский архив немецкой народной песни"» рассматривается один из интереснейших периодов научной деятельности Жирмунского: его экспедиции в немецкие колонии на территории СССР в конце 1920-х гг. Фольклорная часть материала, собранного В.М. Жирмунским и его учениками во время экспедиций, составила основу созданного им "Ленинградского Архива Немецкой народной песни" (Das Deutsche Volkshederarchiv in Leningrad). Первоначально архив хранился в двух местах: в Институте истории искусств и в Институте речевой культуры. В настоящее время наиболее полное собрание текстов хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, а также в личном архиве академика В.М. Жирмунского в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН. Обширная коллекция представляет собой собрание немецких народных песен, баллад, бытовых, духовных и застольных песен. Материалы были собраны в немецких колониях Крыма, Одесской области, Ленинградской области, на Кавказе. Около 1000 мелодий было записано на восковые валики, а позд-

нее переписаны на магнитофонные кассеты. Звуковой материал Архива хранится в Фонограммархиве Пушкинского Дома. Лишь малая часть собранного В.М. Жирмунским и его коллегами и учениками богатейшего фольклорного и диалектологического материала была опубликована. Вместе с тем, как было отмечено в докладе, песенный архив Жирмунского представляет большой научный интерес. Островные диалекты были для Жирмунского своеобразной "лабораторией", позволявшей на относительно коротком и обзорном отрезке времени наблюдать процессы развития и смешения языков. В 90-е гг. Н.Д. Светозарова работала над изучением песенного архива Жирмунского совместно с сотрудником Архива Немецкой народной песни во Фрейбурге доктором Экхардом Йоном.

Эта же тема была продолжена в докладе К.В. Чистова (Санкт-Петербург) "В.М. Жирмунский и Дж. Мейер: эпизод из истории фольклористики". Докладчик рассказал о взаимоотношениях Жирмунского с выдающимся немецким фольклористом и этнографом XX века Дж. Мейером, изучавшим немецкую народную песню. Отношения двух ученых начались в конце 20-х гг., когда Мейер узнал о деятельности Жирмунского по сборанию и изучению немецкой народной песни. Однако после прихода нацистов к власти в Германии научные связи между СССР и Германией были прерваны. Лишь в 1940 г., в период советско-германского пакта, Дж. Мейеру удалось прислать Жирмунскому письмо и получить от советского ученого ответ. В докладе воспроизводится письмо Жирмунского Мейеру, в котором он сообщает о предстоящей рецензии в "Известиях Академии наук СССР" на недавно изданные Мейером тома немецких народных песен.

Архивному наследию В.М. Жирмунского был посвящен также доклад А.В. Лаврова (Санкт-Петербург) "В.М. Жирмунский и Ф.А. Браун (Письма учителя к ученику)". В архиве Жирмунского сохранилось 15 писем Ф.А. Брауна к нему за 1913–1925 гг. Федор Александрович Браун (1862–1939), крупнейший германист, ученик академика А.Н. Веселовского, заведовал кафедрой романо-германской филологии в Петербургском университете в годы учебы Жирмунского и в первые годы его научной деятельности. Жирмунский получал образование под его непосредственным руководством. Он посвятил ему свою первую работу "Немецкий романтизм и современная мистика". В соавторстве с Ф.А. Брауном Жирмунский написал статью "Немецкий романтизм и наука",

опубликованную в "Истории западной литературы" под ред. Ф.Д. Батюшкова (М., 1914). Все письма Брауна к Жирмунскому проникнуты искренней наставнической заботой и доброжелательством к талантливому молодому ученику, но вместе с тем исполнены ясного понимания того, что круг интересов и методологические подходы молодого Жирмунского существенно отличаются от тех, которым был привержен Браун, следовавший традиционным тогда установкам позитивистской методологии, отвергнутым Жирмунским. Значительная часть писем относится к 1913–1914 гг., когда Жирмунский, оставленный при Петербургском университете, был командирован в Германию для стажировки. В этих письмах Браун, радуясь достижениям Жирмунского в области изучения немецкого романтизма, вместе с тем советует не пренебрегать и другими областями германистики.

Продолжением темы "Жирмунский и современная ему германистика" прозвучал концептуальный доклад А.Г. Аствацатурова (Санкт-Петербург) "Фридрих Гундольф и Виктор Жирмунский (точки соприкосновения и расхождения)". В биографиях и научной методологии русского и немецкого ученых действительно было много общего: оба они не были представителями академической науки, а читали лекции в университетах, т.е. общались непосредственно с аудиторией: оба они отвергали позитивистскую методологию; оба были энциклопедистами, учеными с широкими горизонтами. Вместе с тем энциклопедичность этих ученых была не только собиранием фактов. Факт у них становился действенным, он способствовал широкому охвату всех пластов времени и культуры, а понимание историчности бытия распространялось на прошлое, настоящее и будущее. Оба ученых были блестящими исследователями немецкого романтизма, создавшими его целостную картину. Жирмунский высоко ценил первую книгу Гундольфа "Шекспир и немецкий дух", нанеся достаточно ощутимый удар по позитивистской компаративистике. Для русского и немецкого ученых методом для сравнительного исследования воздействий и взаимодействий может быть только переживание, поскольку, как считает Гундольф, история не имеет ценности, если она не пережита. В методологии Гундольфа и Жирмунского компаративистика превращалась в интерпретирующую науку. Гундольф и Жирмунский в своих исследованиях не ограничивались эпохой романтизма, но и занимались изучением современной им поэзии XX века: Жирмунский писал об Алек-

сandre Блоке, а Гундольф о Стефане Георге. Совпадение и расхождения точек зрения двух выдающихся ученых дают интересную картину филологии XX века.

Взаимоотношения В.М. Жирмунского с крупнейшими отечественными филологами 1920-х годов были посвящены доклад А.Н. Дмитриева (Санкт-Петербург) "Полемика В.М. Жирмунского с формальной школой и немецкая филология" и доклад Д.В. Устинова (США) "В.М. Жирмунский и Г.А. Гуковский в 1920-е годы".

В докладе А.Н. Дмитриева рассматривается основной пункт расхождений В.М. Жирмунского и Эйхенбаума по вопросам истолкования поэтики. Для Жирмунского 1920-х годов, сближавшегося с принципами немецкой духовно-исторической школы (О. Вальцель, Ф. Штрих, Р. Унгер), в поэтике речь шла о том, чтобы наиболее точными (стиховедческими и фонетическими) средствами аргументировать тезис о противопоставлении двух художественных стилей: романтико-символического и объективно-классицистического (от Пушкина до Ахматовой). Специфика различных истолкований проявила себя в полемике вокруг книги Б.М. Эйхенбаума "Мелодика стиха". Окончательное расхождение Жирмунского с представителями Опояза было зафиксировано в предисловии к переводу брошюры О. Вальцеля "Проблемы формы в поэзии", где Жирмунский резко разделяет собственно формальный метод (изучение художественной формы) и односторонне формалистское мировоззрение Шкловского, Эйхенбаума и Якобсона. Отношение к иностранной филологии (в первую очередь немецкой) стало одним из немаловажных пунктов расхождения внутри самой формальной школы между основной тройкой (Эйхенбаум, Тынянов, Шкловский) и московским крылом формально-философской школы во второй половине 20-х гг. Вывод докладчика о том, что русской формальной школе в наибольшей степени удалось разработать исторический и функциональный подходы к изучению развития литературы, чем их немецким и российским коллегам, вызвал оживленную дискуссию в прениях.

В докладе Д.В. Устинова отношения между Г.А. Гуковским и В.М. Жирмунским рассматриваются не только как личная многолетняя дружба, но и как литературное и научное явление. Если на раннем этапе своей научной работы Гуковский находился под влиянием формалистов, в частности Б.М. Эйхенбаума, то в дальнейшем он отходит от классических опоязовских установок

и все больше сближается с методологией Жирмунского, в частности в признании некоторых традиционных историко-литературных и эстетических категорий, в том числе классицизма и романтизма как единых стилей отдельных литературных эпох. По мере сближения Гуковского с Жирмунским, обострялись его отношения с бывшими учителями формальной школы. Помимо научных взглядов, Гуковского и Жирмунского сближало стремление к обретению социального положения, позволявшего им заниматься полноценной научной деятельностью, не снижая ее уровня, что предполагало диалог с господствовавшей идеологией и властью. Такое стремление к диалогу и компромиссу зачастую воспринималось опоздовцами как проявление карьеризма, что было несправедливым. В докладе приводятся примеры помощи Жирмунского своему младшему другу в период совместной работы в стенах Государственного института истории искусств.

Косвенное отношение к истории русских формалистов имело и сообщение Л.Г. Степановой (Санкт-Петербург) и Д.В. Устинова "О судьбе Владимира Борисовича Шкловского" (два письма Виктора Шкловского к В.Ф. Шишмареву). Брат русского формалиста Владимир Борисович Шкловский, талантливый филолог-романист, был репрессирован в 1937 г. Письма Виктора Шкловского В.Ф. Шишмареву с просьбой принять участие в судьбе арестованного брата содержат сведения о нем как ученом и человеке. Письма датированы 1940 годом, когда Владимира Борисовича Шкловского уже не было в живых.

2 октября состоялись заседания секций **сравнительно-исторического языкознания и сравнительного литературоведения.**

На секции сравнительного литературоведения два доклада были посвящены литературным памятникам Средневековья. В докладе М.Б. Мейлаха (Страсбург, Франция) «Еще раз о "дальней любви" Джауфре Рюделя» рассматривалось жизнеописание провансальского трубадура Рюделя, полюбившего графиню Триполитанскую и отправившегося в крестовый поход. Докладчик исследовал мотив "дальней любви", распространенный в средневековой куртуазной поэзии, а также фольклорные мотивы, связанные с препятствиями, призванными придать этой любви ореол святости. Лирика провансальских трубадуров на протяжении ряда лет была основной темой научных интересов докладчика (выпустившего в 1993 г. в серии "Литературные памятники" книгу "Жизнеописание трубадуров"). В своем сообщении докладчик

также рассказал о том, как в свое время В.М. Жирмунский посоветовал ему, тогда еще молодому аспиранту, заняться этой, к тому времени уже забытой темой.

Русской средневековой письменности был посвящен доклад Т.В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Об отражении устной и письменной традиции в "Повести временных лет" (речи – писати, рота – клятва)». Докладчица рассмотрела отражение в летописи русско-византийских договоров (оригиналы которых не сохранились) и различие в средневековом сознании и юридической практике функций устного и письменного слова. Докладчица убедительно доказывает на основании текста летописи, что в X веке при составлении договоров устное слово имело такую же юридическую силу, как и письменное.

Проблемам русско-французских связей начала XX века был посвящен доклад П.Р. Заборова (Санкт-Петербург) «Драма Вилье де Лиль-Адана "Аксель" в переводе М. Волошина». Докладчик подробно рассмотрел историю знакомства русского символиста с творчеством французского писателя, а также стилистические особенности волошинского перевода: использование, с одной стороны, славянизмов и библеизмов, а с другой – неологизмов. Вступительная статья Волошина к драме была напечатана в журнале "Аполлон", однако перевод так и не был опубликован, и только в 1975 г. в печати появился фрагмент из волошинского перевода.

Среди научных интересов В.М. Жирмунского большое место занимала пушкинистика. Естественно, что на конференции этой теме было уделено большое внимание. В докладе И. Ронен (Анн-Арбор, США) «Опыт байронической поэмы в пушкинской переработке "Мера за меру"» рассматривается поэтика поэмы Пушкина "Анджело" и смысловые и композиционные изменения пушкинского текста по сравнению с шекспировским оригиналом. В соответствии с жанровыми особенностями пушкинских поэм, генетически связанными с "восточными" поэмами Байрона, возросла роль романтизированных центральных персонажей. Повествовательный интерес сосредоточен на драматическом диалоге-поединке Анджело и Изабеллы. Наряду с этим докладчица отмечает и ироническое начало, свойственное "второму байронизму" Пушкина.

Доклад М. Тарлинской (США) "Пушкин и Байрон" возвращает читателя не только к книге Жирмунского "Байрон и Пушкин", но и к его поздней статье, посвященной типологическому сопоставлению стихотво-

рений Байрона и Гете. Докладчица присоединяет к этим двум произведениям стихотворение Пушкина южного периода "Кто видел край, где роскошью природы...", и проводит поэтико-стилистическое сопоставление трех стихотворений.

Вопросам пушкинистики, в частности теме "Дуэль и смерть Пушкина", был посвящен также доклад В. С. Баевского (Смоленск) "Последняя дуэль Пушкина в свете вновь опубликованных документов", в котором рассматриваются письма Дантеса к Геккерену за 1835 и 1836 гг., опубликованные несколько лет назад на итальянском языке и приведенные в русском переводе в книге итальянской исследовательницы С. Витале (С. Витале, В. Старк. Черная речка. До и после. СПб., 2000). На основании этих писем, 8 из которых касаются Пушкина и Гончаровой, исследователь приходит к выводу, что "год с осени 1835 по осень 1836 был временем глубокой платонической любви Дантеса и Натальи Николаевны", а "время с октября 1836 по январь 1837 г. был периодом преследования и травли Наталии Николаевны и Пушкина со стороны Дантеса и Геккерена", что и послужило причиной дуэли.

В научном наследии В.М. Жирмунского большое место занимают вопросы стихосложения. Этой тематике были посвящены три доклада на литературоведческой секции конференции.

В докладе О.Н. Гринбаума (Санкт-Петербург) «"Онегинская строфа" как феномен русского стихосложения» представлены основные результаты изучения Онегинской строфы как эстетического целого стихотворного текста. Исследование романа Пушкина "Евгений Онегин" проводилось в сопоставлении с произведениями Лермонтова, Баратынского, Северянина и других поэтов, написанными Онегинской строфой. Это позволило получить ряд новых результатов в одном из наименее разработанных аспектов стиховедения – композиции и архитектоники стиха. Работа связана с традиционными исследованиями ритмики поэтического текста, а изучение структуры строфического ритма проводилось на базе предложенного автором метода ритмико-гармонической точности. В основу этого метода положен принцип "золотого сечения". Динамическая интерпретация этого закона в виде числовых рядов Фибоначчи позволяет не только разграничить структурно-формальный и структурно-функциональный аспекты формы, но и осознать действенную силу этого закона как основополагающего фактора саморазвития поэтической мысли.

Проблемам рифмы был посвящен доклад Е.В. Хворостьяновой (Санкт-Петербург) "Условия и условности тавтологической рифмы". Для описания русской тавтологической рифмы исследовательницей было отобрано 473 рифмопары из произведений русских поэтов XIX–XX вв. и для сравнения – 70 рифмопар из северорусских заговоров. Исследование позволило выявить несколько закономерностей. Во-первых, во всех без исключения случаях как в литературном стихе, так и в стихе заговоров, появление тавтологической рифмы не связано с проблематичностью подыскания созвучной слову пары с другим лексическим значением. Во-вторых, как правило, тавтологическая рифма падает на существительные и глаголы, т.е. наиболее значительные части речи. В-третьих, наблюдается относительно высокая частотность в тавтологической рифме имен собственных.

Стиховедческой проблематике был посвящен также доклад М.А. Красноперовой (Санкт-Петербург) и Е.В. Казарцева (Санкт-Петербург) "Ритмическая интерпретация текста во взаимодействии традиций". Отталкиваясь от ритмической классификации, принятой в книге Жирмунского "Введение в метрику" (1925) и продолженной дальнейшими исследованиями А.Н. Колмогорова и А.В. Прохорова в 1968 и 1985 гг., авторы доклада выделяют три уровня, на которых рассматривается вопрос о распределении слов и ударений по классам: 1. Словарь; 2. Текст; 3. Метр. На основе принятой классификации строятся "нормативные" правила ритмической записи стихотворного текста, которые соответствуют схеме Колмогорова и Прохорова. Эта система наиболее близка к практике Б.В. Томашевского, Г.А. Шенгели, К.В. Тарановского и примыкающих к ним исследователей.

Среди научных тем, которым Жирмунский оставался верен в течение всей жизни, было изучение романтизма, европейского и русского. Проблемам романтизма были посвящены доклады Г.М. Темненко (Симферополь, Украина) "Романтизм преодоленный, но непреодолимый" и А.Ю. Сергеевой-Ляпис (Москва) «"Таврида" Батюшкова – романтическое бегство или ... (К проблеме идентификации ампира и романтизма)». В докладе А.Ю. Сергеевой-Ляпис анализируется стихотворение Батюшкова "Таврида" и отмечается антитеза "Таврида – Петербург" Таврида для Батюшкова – благословенный, сладостный уголок, идеал поэта как воплощение живой античности.

Ряд сообщений был посвящен литературе XX века, русской и европейской. Два доклада были тематически связанны и касались жизни и творчества О.Э. Мандельштама: доклад Г.А. Левиной (Санкт-Петербург) "Из комментариев к поэзии Мандельштама" и О.А. Лекманова (Москва) "К построению биографии О.Э. Мандельштама".

Проблемам русской поэзии XX века был посвящен также доклад А.Л. Дмитриенко (Санкт-Петербург) "К проблеме интертекстуальности в поэтических произведениях Вагинова". Докладчик проанализировал стихотворение К. Вагинова "Темнеет море и плывет корабль...", вошедшее в неизданный при жизни автора поэтический сборник "Петербургские ночи" (Пб., 1922), сопоставляя образы этого стихотворения с другими стихотворными текстами и исходя из установки на тотальную обусловленность и опосредованность стихов Вагинова текстом мировой культуры. В докладе анализируется образ моря в стихотворении. Антропоморфизация моря в комментируемом стихотворении обнаруживает свою цитатную природу (в том числе автоцитатную). Мотив уподобления человека морской стихии приводится докладчиком и в других стихах Вагинова. Мысль о тождественности человека и моря восходит к романтической идее моря и концепции "свободной стихии" в поэзии XIX века. Возможно, непосредственным источником для Вагинова послужило стихотворение Бодлера "Человек и море". В докладе рассматривается также мотив появления кораблей и мотив умерших или потонувших кораблей.

Доклад А.А. Аствацатурова (Санкт-Петербург) "Т.С. Элиот в контексте эстетического консерватизма XX века" представлял собой попытку начертить модель эстетического консерватизма XX в. Подобно большинству представителей эстетического консерватизма, для Элиота в качестве механизма, дающего художнику ограничить свое человеческое "я" выступает литературная традиция. Докладчик подробно рассматривает обоснование идеи традиции в эстетической концепции Элиота. Традиция, в его понимании, регулируется "чувством истории", которое предполагает ощущение прошлого не только как прошедшего, но и как настоящего. Элиот отрицает либеральное представление о самоценности художника и произведения на историко-культурном уровне. Современную ему культуру консерватор воспринимает как катастрофу, разрушение целостного видения реальности, базировавшегося на знании абсолютных ценностей.

В докладе В.Е. Багно (Санкт-Петербург) "Мировые образы и властители дум как наследуемая модель жизни" рассматривается такое явление русской культуры, как ориентация на некие жизненные модели, ассоциирующиеся в одних случаях с реальным историческим лицом (Вольтер, Байрон, Гегель, Ницше), а в других – с мировым образом (Дон Кихот, Дон Жуан, Вертер, Гамлет). Речь идет о стилизации, которая становилась стилем жизни. При этом неизбежно происходила вульгаризация великих идей и поведенческих моделей, завещанных творцом и пародируемых его почитателями и последователями. Изучение судьбы великих имен в инонациональном восприятии, феномена "чужого имени" как модели жизни представляется, по мнению докладчика, особенно перспективным именно в компаративном плане.

2 октября заседала секция **сравнительно-исторического языкознания**.

В докладе Л.Г. Герценберга (Санкт-Петербург) "О развитии форм презенса в языках Ближнего Востока" рассматриваются формы индоевропейского презенса в языках иранской группы (персидском, шугнанском, гиланском), семитских языках (арамейском, арабском, еврейском), армянском (древне- и новоармянском), тюркских языках. Закономерности двукратной перестройки форм настоящего времени представляют собой, как было показано в докладе, общее, ареальное свойство языков Ближнего Востока. Докладчиком была высказана гипотеза, что движением этой диахронической модели явилось появление тюркских языков, которые не только повлияли на общий ход развития презентных форм, но и вызвали к жизни вспомогательное модальное и фазовое употребление некоторых семитских глаголов, которые "стянулись" в частицы. Как указал докладчик, рассмотренные процессы указывают на плодотворность идеи В.М. Жирмунского о том, что к задачам сравнительно-исторического языкознания относится анализ параллельно протекающих процессов, нередко вызываемых ареальными контактами.

В докладе М. Таубе (Иерусалим, Израиль) "Фокализация в идиш – пример интерферирующего влияния славянских языков" обращается внимание на явления заимствования некоторых славянских морфем в языке идиш, восходящем к средневерхнемецким диалектам. Пример непосредственного заимствования – суффикс *-eve-* из славянского *-о-ва-, -ев-а-, -и-ва-, -ы-ва-*, обозначающий как в славянских языках, так и в идиш определенные оттенки несовершенного вида гла-

гола. Менее очевидны интерференции, выразившиеся в заимствовании грамматической функции при сохранении самой морфемы в ее германском фонетическом облике. В докладе более подробное внимание уделяется заимствованию значения фокализации у местоимения среднего рода единственного числа *dos* (= нем. *das*), присущего соответствующим славянским формам в польском, украинском и русском языке.

В докладе Ю.В. Откупщикова (Санкт-Петербург) "Германский, балтийский и славянский" рассматривается генетическая близость германских и балтийских языков, а также исключительная архаичность последних (в первую очередь, литовского) как причины, определяющие важную роль, которую играет балтийский материал при этимологизации лексики германских языков. В докладе приводятся примеры лексических параллелей из готского, английского, немецкого и литовского, когда в целом ряде случаев германские слова имеют надежные соответствия только в балтийских языках. Приводятся примеры германо-балто-славянских изоглосс, которые охватывают не только отдельные слова, но и производные от них. Архаичный характер балтийских языков, сохранивших древнейшие значения многих простых глаголов, помогает пролить свет на этимологию германских слов, утративших свое исконное значение, в частности, в результате развития переносных значений. В силу всех этих причин материал балтийских языков играет важную роль в процессе этимологизации германской лексики.

Доклад В.П. Калыгина (Москва) "Итало-кельтская гипотеза сегодня" представляет собой полемику со сторонниками гипотезы итало-кельтского единства, классическая формулировка которой принадлежит А. Мейе. В докладе приводится материал, собранный сторонниками данной гипотезы, однако, по мнению докладчика, этот материал трудно истолковать как свидетельство тесного генетического родства. Более перспективной, по мнению докладчика, представляется точка зрения, согласно которой отмеченные итало-кельтские связи говорят о некоем периоде тесных контактов, которые были характерны для определенного периода истории пра-кельтов.

Проблемам кельтологии был также посвящен доклад А.И. Фалилеева (Дублин, Ирландия – Санкт-Петербург) "Данные средневековых кельтских языков и кельто-германские схождения в области антропонимики". Анализируя данные средневековых островных кельтских языков, докладчик

приходит к выводу, что они могут служить значительным подспорьем для изучения германо-кельтских схождений в антропонимике. В докладе рассматривается ряд средневековых двусоставных валлийских, бретонских, корнских и ирландских имен, которые имеют параллели в германской ономастике.

Доклад А.В. Грошевой (Санкт-Петербург) "К истории лат. *truncus*" возвращает нас к статье В.М. Жирмунского "Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении" (1946), в частности, к положению о первоначальном единстве категории имени. В качестве иллюстрации явлений, изучаемых В.М. Жирмунским в этой статье, докладчик рассматривает историю латинского именного образования *truncus*, относящегося к ряду амбивалентных имен. Приводятся основные значения этого слова как существительного (1. Ствол дерева; 2. Туловище человека) и как прилагательного (1. Лишенный ветвей; 2. Искалеченный, увечный). Рассмотрев данные различных словарей, докладчик предполагает, что в столь отдаленные времена, к которым должно относиться возникновение понятия дерева и его обозначение, четких границ между существительным и прилагательным не было. Путь превращения существительного в прилагательное был указан еще в статье Жирмунского: "атрибутивное употребление существительного". Таким образом, докладчик приходит к выводу, что лат. *truncus* является очень древним именным образованием, сохранившим в истории латинского языка грамматически амбивалентную природу, некогда присущую именам на архаической стадии развития и.-е. языков.

Два доклада были посвящены проблемам востоковедения.

В докладе Я.В. Василькова (Санкт-Петербург) "Индийская сказка на скифском Алтае: семантическая интерпретация рисунка на зеркале из могильника Рогозиха-1 (V век до н. э.)" представлены результаты изучения археологических находок 1985 г. в могильнике Рогозиха-1 на Алтае – зеркала с изображением слона и женских фигур в индийских одеждах. Подробное изучение рисунка на зеркале приводит автора к выводу, что на нем изображен сюжет древней индийской сказки, который удалось найти в "Океане сказаний" Сомадевы – огромном сказочном санскритском сборнике XI в., представляющем собой переложение более древнего пра-критского "Великого сказа" (I–II вв. до н.э.), который, в свою очередь основывался на глубокой фольклорной традиции. Сюжет

сказки состоял в получении царем страны Ратнакута чудесного летающего белого слона, на котором царь мог полететь в любое царство и просить тамошнего царя отдать ему свою дочь в гарем. Когда внезапно слон перестал летать, его можно было исцелить лишь с помощью женщины, которая была всегда верной женой. Никто из жен царя не смог это сделать, кроме одной бедной служанки. После исцеления слона царь полетел на нем к отцу служанки и просил в жены ее сестру. Мораль сказки – женская добродетель важнее знатности происхождения. Этот сюжет органично увязывает между собой все детали изображения на зеркале. Обнаружение на индийском зеркале не мифологического, а светского сюжета не может удивить исследователя, поскольку в Индии в середине I тыс. до н. э. уже возникает городская цивилизация с зачатками куртуазной культуры.

В докладе И.М. Стеблина-Каменского (Санкт-Петербург) "Имя Александр – Искандар в иранской эпической традиции" рассматриваются различные этимологии имени *Искандар* в иранском эпосе ("Шахнаме", "Искандарнаме"), где Искандар был сыном иранского царя и получил свое имя по названию целебной травы, исцелившей его мать. Персидское *искандар* ассоциировалось с заимствованным из греч. σκόρ(ο)δον ("чеснок"), известный своими целебными свойствами. Что касается греческого имени *Александр*, которое носил Александр Македонский, то дословная этимология (скорее всего, народная) – "защитник мужей". Но, как считает докладчик, это имя, по всей видимости – адаптация какого-то малоазиатского имени. Таким образом, в имени румского царя Искандара два слоя народных этимологий – греческий и персидский.

В докладе Н.Н. Казанского (Санкт-Петербург) "Именные формы глагола в индоевропейских языках (грамматика порядков и проблемы реконструкции)", рассматриваются отглагольные именные формы, засвидетельствованные во всех индоевропейских языках (в одних языках – инфинитивы и причастия, в других – супины и отглагольные прилагательные). В докладе проводится реконструкция именных форм глагола в хеттском, ведическом и классическом санскрите, микенском и классическом греческом и латинском языках. Для хеттского языка засвидетельствованы образования на *-anna*, на *-war* со значением инфинитива, причастия на *-anza*, сопоставимые с причастиями на **-nt* в других и.-е. языках, именные образования в ведическом санскрите (отглагольные прилагательные на *-tal-na*, инфинитивы на *-e*, раз-

личные формы инфинитива, функционально соответствующие значениям различных падежей). Совпадение формальных показателей между разными индоевропейскими традициями не случайно, а отражает развитие системы. Формирование категории инфинитива на материале конкретных языков проследить не удастся, поскольку уже с первых памятников в различных языках инфинитив существует как грамматическая категория, называемая абстрактное действие. Рассматриваются различные случаи инфинитива долженствования. Однако прямая соотнесенность между грамматическим значением и формальным его выражением отсутствует. В результате дальнейшего развития языка выживает лишь одна из именных форм (инфинитив в романских языках, инфинитив в германских языках, инфинитив в славянских языках), т. е. система глагольных имен обедняется и сводится к причестию и инфинитиву. Супин исчезает уже в старославянском. Обилие реликтовых форм в ранних текстах заставляет думать о широком распространении отглагольных имен в праиндоевропейском. При осмыслении таких явлений, как совпадение показателей по форме, можно использовать грамматику порядков. Приводятся примеры инфинитивов в различных греческих диалектах классического периода.

В докладе А.Ю. Русакова (Санкт-Петербург) "В.М. Жирмунский, грамматикализация, балканистика" рассматриваются явления схождения между балканскими языками и поднимается вопрос о том, что если чисто теоретический подход к трактовке схождения между балканскими языками практически исчерпан, то ответы на вопросы, когда возник тот или иной балканизм, какой конкретный язык явился его источником, какая была контактная ситуация, остается по-прежнему открытым. С этой точки зрения, балканизмы отнюдь не представляют собой однородного явления. Генезис некоторых из них не представляет собой особо сложной исторической проблемы. В качестве примеров приводятся формы аналитического будущего, образованного с помощью частицы, входящей к глаголу желания, сюда же можно отнести и группу балканизмов, возникающих, когда носители различных языков пытаются общаться друг с другом наиболее эффективным способом (местоименное удвоение дополнений). Возможно, здесь имело место турецко-османское влияние. С другой стороны, исторические обстоятельства возникновения ряда явлений, традиционно включаемых в круг балканизмов, представ-

ляют серьезную проблему. Сюда относятся, прежде всего, чрезвычайно глубокие схождения в строении именной парадигмы и функционирования именной группы в целом,

существующие между албанским и восточно-романскими языками.

В. В. Жирмунская-Аствацатурова
(Санкт-Петербург)

С 15 по 17 апреля 2002 г. в Санкт-Петербурге прошла конференция, посвященная 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992). Конференция была организована Институтом лингвистических исследований РАН совместно с Санкт-Петербургским Научным центром РАН¹.

В работе конференции приняли участие ученые из России, а также из Албании, Македонии, Молдовы, Франции, Польши, Таджикистана. Ряд специалистов – зарубежных коллег А.В. Десницкой, заявивших о своем участии в конференции, – смогли участвовать в ней лишь заочно, прислав тезисы докладов. Это ученые из Германии, Израиля, Канады, США. Состоялись два пленарных и шесть секционных заседаний, на которых было заслушано 39 докладов.

Ко дню открытия конференции были подготовлены и изданы две книги: сборник "Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой" (Отв. ред. член-корр. РАН Н.Н. Казанский. СПб., "Наука", 2002) и книга "Агния Васильевна Десницкая: Биобиблиографический очерк" (Составление библиографии и вступительная статья А.В. Жугры. Описание архивных материалов А.Н. Анфертьевой и И.А. Магина / Отв. ред. член-корр. РАН Н.Н. Казанский. СПб., "Наука", 2002).

На открытии конференции от имени Президиума СПбНЦ РАН выступил заместитель Главного ученого секретаря проф. Ю.А. Петросян (Санкт-Петербург), сказавший о заслугах А.В. Десницкой в развитии отечественной науки и о своих встречах и беседах с А.В. по вопросам балканской тюркологии. Программа первого пленарного заседания включала также, наряду с научными

докладами, мемориальную часть, – с воспоминаниями об А.В. Десницкой как о выдающемся ученом и как о яркой личности выступили: Л.Г. Герценберг (Санкт-Петербург), Н.А. Чистякова (Санкт-Петербург), А.В. Бондарко (Санкт-Петербург), С.А. Шубик (Санкт-Петербург)².

В пяти докладах пленарного заседания уже были обозначены некоторые из основных направлений и характерных черт научного творчества А.В. Десницкой: индоевропейское языкознание, германистика, балканская лингвистика, славянский мир и Балканы и, наконец, принцип историзма в подходе к анализу языковых явлений, принцип, который с полным правом можно считать научным кредо А.В. Десницкой.

Л.Г. Герценберг в своем докладе остановился на оригинальной теории А.В. Десницкой, составившей основу ее докторской диссертации и далеко не полностью отраженной в опубликованных работах. Речь идет о концепции, согласно которой праиндоевропейские синтаксические ("актантные") падежи обладали функциями, которые отнюдь не совпадают с позднейшими функциями падежей; в рамках этой концепции восстанавливался *casus indefinitus*, реконструировались элементы инкорпорации, по-новому объяснялся генезис падежных окончаний. Концепция А.В. Десницкой в ряде отношений предвосхищает некоторые более поздние открытия, однако многие ее положения практически не были учтены в ходе последующих разысканий; возможно, в условиях давления "нового учения о языке" автору приходилось избегать распространения своих взглядов. Доклад В.М. Павлова (Вальдорф, Германия – Санкт-Петербург) был посвящен анализу статьи А.В. Десницкой "Словосложение" (1935), написанной на германском языковом материале. Докладчик

¹ Проведение конференции и издание подготовленных к ее открытию материалов осуществлено при финансовой поддержке РФНФ, грант 02-04-14041 и РФФИ, грант 00-15-98858.

² Подробное рассмотрение научного творчества А.В. Десницкой и воспоминания о ней содержатся в первом разделе книги "Studia linguistica et balcanica: Памяти Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992)" (Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., "Наука", 2001).

отметил, что А.В. Десницкая рассматривала словосложение не только в генетической плоскости (исторический процесс отношений синтаксиса и лексикона), но и в функциональной, сближая немецкое словосложение с инкорпорацией и выдвинув положение о наличии в немецком особого композитного синтаксиса. Анализ статьи более чем 60-летней давности показал, что избранный ее автором подход к обсуждаемой проблеме "составил важную предпосылку формирования теории полевой структуры языковой системы и ее подсистем". В докладе Т.В. Родественской (Санкт-Петербург) "Древнеславянская эпиграфика на Балканах" содержалась характеристика древнейших памятников славянской письменности (рубеж IX–X веков и первая треть X в.) и их роли как базы источников для исследования проблем развития славянской письменности и славянских языковых явлений. Проблемы дивергенции и конвергенции языкового развития в балканском ареале рассматривались в докладе В.П. Нерознака (Москва). Методологическую важность принципа историзма в этимологических исследованиях и его многоаспектность показал в своем докладе Ю.В. Откупщиков (Санкт-Петербург). Известно, что даже элементарное сопоставление генетически родственных слов можно проводить лишь через посредство промежуточных реконструированных форм. Однако принцип историзма – это не только реконструкции в широком смысле этого слова. Предлагая этимологии праиндоевропейского уровня, исследователь вынужден пользоваться материалом языков, находящихся на разных уровнях развития и относящихся к различным хронологическим эпохам. И здесь главная трудность – это неравномерность в развитии языков: даже относящийся к одной и той же эпохе материал разных языков может оказаться хронологически несопоставимым, ибо "хронология и уровень развития языка далеко не всегда совпадают между собой" (напр. русск. *небеса* более архаично по структуре, чем др.-греч. *νέφη*). Другая опасность таится в своего рода "модернизации", т.е. в привнесении особенностей языка более поздней исторической эпохи в реконструкцию доистории языка.

В секции **сравнительно-исторического языкознания** было прочитано шесть докладов. М.Н. Боголюбов (Санкт-Петербург) в своем докладе продемонстрировал наличие в древности приема преобразования анлаута простой основы как одного из способов словотворчества. Это положение было сформулировано на основе этимологического ана-

лиза совр. перс. *axtar* "звезда" и *axgar* "горящий уголь, искра", восходящих к др.-иран. **star-* "звезда" и **skar-* "горящий уголь, искра" (н.-е. **ster-* и *sker). Фактически впервые паронимическая аттракция (берущая, как показал М.Н. Боголюбов, свое начало в поэзии) была в таком качестве использована для этимологического анализа. В докладе Н.Н. Казанского (Санкт-Петербург) предложена разработка на греческом материале двух проблем, исследованием которых занималась А.В. Десницкая, – формульные выражения наддиалектного уровня и регенерация древних морфологических показателей. Анализируя греческую эпическую формулу θεοὶ ἀθάνατοι "бессмертные боги", автор предположил, что "неправильности" прилагательного ἀθάνατος могут объясняться неправильным прочтением писцами этого слова в микенской графике, а его дальнейшее развитие, протекавшее в рамках наддиалектного поэтического языка, закрепило отход от исконной семантики принципиальной "неубиваемости" (корень **ghwen-*) в пользу бессмертия как новой характеристики божества. А.В. Грошева (Санкт-Петербург) в своем докладе сравнила судьбу двух латинских паронимов: *bucca* "щека, кусок пищи, который можно принять за один раз" и *bacca* "ягода". Первая из этих лексем была в свое время исследована А.В. Десницкой. Рассмотрев судьбу лат. *bacca*, А.В. Грошева выявила сходства и различия как в ходе семантического развития указанных слов, так и в путях их распространения. В докладе В.И. Мажуги (Санкт-Петербург) поставлена проблема создания античных учебников латыни. Докладчик сделал попытку реконструировать творчество латинских грамматиков и установить некоторые вехи в движении грамматической мысли. Как показал докладчик, первые учебники создавались на основе материала, почерпнутого у великих грамматиков предшествующего периода – I–II вв. н.э. Доклад А.Р. Мурадовой (Москва) был посвящен проблеме галло-бриттского единства, которое предполагается на основе анализа соотношения географических и собственно лингвистических, дополняемых историческими, критериев классификации кельтских языков. Кельтской тематике был посвящен также доклад И.В. Крюковой (Санкт-Петербург), в котором рассматривались основные служебные функции глагола *dūanam* "делать" в ирландском языке, проявляющиеся в различных типах глагольно-именных сочетаний, выступающих в предложении как единый предикат. Становление аналитических форм глагола в ирландском происходит, по

мнению автора, в связи с недостаточной маркировкой флексий (по причине фонетических изменений конца слова), а также в связи с интенсивными контактами с латинским и с германскими языками. В этой же секции предполагались доклады В. Бубеника (Торонто, Канада) об эволюции хеттской системы постпозитивных формантов и Ю. Лаучюте (Клайпеда, Литва – Санкт-Петербург) о проблеме древних балто-славянских языковых контактов в области лексики (словообразовательный аспект) (см. Материалы ...).

В секции **общего и ареального языкознания** было прочитано четыре доклада, два из которых были посвящены различным аспектам языковой вариативности. В докладе Л.Б. Копчук (Санкт-Петербург) был поставлен вопрос о статусе обиходно-разговорного языка в системе немецких социолектов. Эта языковая формация, имеющая сложный и противоречивый характер, представляет собой, по мнению автора, один из типов социальных вариантов, и в то же время она соотносится с диафазическими (стилистическими) разновидностями системы языка. Языковая вариативность, свойственная начальным этапам становления литературных языков, стала темой доклада Н.А. Бондарко (Санкт-Петербург) и М.Л. Кисилиера (Санкт-Петербург). Авторы рассмотрели характер и типы языкового варьирования, сопоставив: а) разные списки в рамках одной редакции ("Луг Духовный" Иоанна Мосха, VII в.) и б) различные редакции одного памятника ("Семь ступеней молитвы" Давида Аугсбургского, XII в.).

Социолингвистической проблеме соотношения понятий "литературный язык" и "письменный язык" применительно к языкам малочисленных народов Севера РФ был посвящен доклад А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург), обратившего внимание на две отличительные особенности литературного языка: 1) тождество литературного языка и письменного языка (по причине отсутствия у литературного языка устной формы) и 2) зарождение литературных языков малочисленных народов вне своей этнической среды – они зародились в среде двуязычных пользователей языка с активным участием представителей русско-национального двуязычия. Степень обработки и широка функций обработанных языков позволяют говорить об эвенкийском, ненецком, мансийском, чукотском и корякском как о литературных языках, с хантыйским и нанайским языками ситуация не ясна. В докладе А.Х. Гирфановой (Санкт-Петербург) речь шла о категории эвиденциальности. Автор пока-

зал, что в удэгейском языке формы прошедшего времени I и II ("очевидные" и "неочевидные") различаются семантически только в одном из двух диалектов – в хорском, тогда как в бикинском диалекте оба ряда форм оказываются синонимичными. Докладчик привел также примеры данной категории из тунгусо-маньчжурских, тюркских и монгольских языков.

В секции **албановедения** было прочитано два лингвистических и четыре литературоведческих доклада.

Вопросы албанского коммуникативного синтаксиса стали предметом исследования И.И. Ворониной (Санкт-Петербург). Автор выделил ряд специфических способов оформления коммуникативных единиц (тема- и ремавыделительные комплексы), выявил избыточность маркировки коммуникативных единиц в вопросительных и побудительных предложениях и указал на большую роль экстралингвистических факторов. Проблема вхождения латинского элемента в албанскую лексическую систему был посвящен доклад А.П. Сытова (Санкт-Петербург) и Л.В. Шарповой (Санкт-Петербург). Главное внимание уделялось изучению способов морфологической адаптации именных и глагольных латинизмов в албанском языке. При рассмотрении глагольных заимствований авторы подчеркнули необходимость анализа соотношения формы этимона и той адаптационной модели, на базе которой оформлялись латинские глагольные лексемы при вхождении их в албанскую систему спряжения (в частности, необходимо учитывать всю совокупность личных и неличных форм латинского исходного глагола). Также были представлены соответствия по признаку рода латинских и албанских имен существительных. Литературоведческие доклады были посвящены проблемам теории и истории албанской литературы. В докладе Г.И. Эйнтрей (Санкт-Петербург) речь шла об изменениях в албанской литературе, в частности в романной прозе, которые произошли в период после падения режима Э. Ходжи. Изменения касаются как содержательной стороны (внимание писателей фокусируется не на социуме, а на человеке как таковом), так и формальной (возникают новые формы романа: парабола, исповедь, воспоминание). «Феномен "Декамерона"» в албанской прозе состоит в том, что наиболее продуктивной структурой романа оказалась циклизация новелл, связанных общей идеей, темой, стержнем сюжета, но имеющих вместе с тем самостоятельное содержательное и художественное значение. Доклад А. Джи-

к у (Тирана, Албания) был посвящен типологии албанского романтизма. Автор считает, что в рамках романтизма как литературного направления работали три группы авторов, представлявшие собой три школы: а) Де Рада и арберешские поэты, б) Н. Фрашери и его последователи, в) Г. Фишта, Н. Мьеда и другие поэты Северной Албании. В отношении языка эти три группы ориентировались соответственно на: итало-албанский, тоскский и гегский типы речи. Вклад школы Н. Фрашери в создание современного литературного языка наиболее значителен, а произведения авторов этой школы понятны современному читателю. Ф. Дадо (Тирана, Албания) в своем докладе говорила об особенностях драматургии А.З. Чаюпи, В. Беджети (Скопье, Македония) – об идеях пантеизма и бекташизма в поэзии Н. Фрашери.

Широкий спектр балканистических проблем обсуждался в секциях **балканистики** и **балканского языкознания**.

В докладе И. Савицкой (Познань, Польша) был представлен обзор и интерпретация явлений, связанных с функционированием групп согласных типа НД в балканских языках. На основе анализа фонетических явлений, относящихся к парадигматическому и синтагматическому аспектам проблемы, автор устанавливает наличие таких процессов, как озвончение глухих смычных после носовых сонантов, слитное или геминантное произношение групп согласных типа НД, произношение этих групп в начале слова, тенденция к функциональной эквивалентности групп НД и соответствующих звонких смычных, различные субституции и паразитические звуки как результат названной тенденции (напр., "буферный согласный"). Автор дал распределение этих процессов по всем балканским языкам и диалектам, указав также, что дублетные формы корней типа *m/mm/mb* найдены во фракийском языке. Методологическую направленность имел доклад Л.Н. Каминской (Санкт-Петербург) и Ю.А. Клейнера (Санкт-Петербург). Авторы обратились к проблеме выявления причин, приводящих к появлению сходств в балканских языках как языках преимущественно анклавных. В качестве предмета исследования были выбраны "фонетические балканизмы" – отчасти в силу их сравнительно малой изученности, отчасти в силу дискуссионности самого вопроса о правомерности рассмотрения тех или иных фонологических явлений в качестве балканизмов. При установлении характера взаимодействия языков, входящих в языковой союз, особую важность приобретает системный статус анализируе-

мых явлений. Для фонологического уровня необходимость установления подлинно системных соответствий диктуется самой природой последнего, являющегося средоточием различных по характеру явлений и процессов. Доклад О. Томич (Лейден, Голландия) был посвящен посевивным клитикам в балканских языках.

Два доклада касались проблем палеобалканистики. И.А. Калужская (Москва) в своем докладе указала на роль современных балканских и славянских языковых данных при реконструкции отдельных палеобалканских глосс. Речь шла, в частности, о дакийской глоссе $\mu\acute{\iota}\zeta\eta\lambda\alpha\prime\theta\acute{\upsilon}\mu\omicron\varsigma$ "чебрец", представленной набором разночтений, что требует дополнительного анализа для установления наиболее корректной базовой формы. Привлечение славянского и литовского материала, с одной стороны, и албанского и румынского – с другой, позволило автору восстановить дакийское $\mu\acute{\iota}\zeta\eta\lambda\alpha$ / **medzelae* продолжающее и.-е. **me-gh-*. Форму **medzela* автор рассматривает как и.-е. композит **me-gh-* + *ghe-la* "мелкое, маленькое растение", название, которое вполне закономерно могло отразиться в алб. *modhull(l)* "вьющееся растение семейства *Lathyrus arphasa*, чина" и рум. *măzâre* "горох, фасоль". В докладе А.Б. Черняка (Санкт-Петербург) речь шла о наименовании Фракия, а именно, о позднереческом $\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha$ ($\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha$), которое впервые зафиксировано в надписи IV в. и представляет собой передачу лат. *Thracia*. Запланированный доклад А.И. Фалилеева (Дублин, Ирландия – Санкт-Петербург) был посвящен вопросу передвижения согласных во фракийском языке (см. Материалы...).

М.А. Габинский (Кишинев, Молдова) в своем докладе вернулся к старой дискуссии о языке-источнике вытеснения инфинитива личными образованиями в балканских языках. Ранее автор уже высказывался в пользу мнения о происхождении данного явления из языка-субстрата. Для доказательства этого тезиса докладчик привлек необалканский фактор, т.е. аналогичные явления языков, вовлеченных в балканские языковые процессы сравнительно недавно и потому доступные наблюдению. В частности, были привлечены сефардские конъюнктивные обороты типа *kale ke (f)aga* "должен сделать", возникшие вместо прежних инфинитивных под влиянием старых балканских языков. Проблема славяно-румынского взаимодействия в лексико-семантической сфере был посвящен доклад Г.П. Клепиковой (Москва). Наблюдаемое в балканских языках явление межъязыковой изосемии интерференционного

характера автор рассматривает на примере румынского славизма *vreme*, для чего выявляет полную семантическую амплитуду данного славизма в румынском и соответствующей лексеме в языке-источнике. Результаты исследования показали, что «румынский язык ..., вследствие взаимодействия со славянскими, выработал типологически сходные с ними способы выражения концептов 'времени' и 'погоды', которые характеризуются использованием лексем с "первичной" семантикой 'время'. В докладе Ю.А. Лопашова (Санкт-Петербург) речь шла об артиклях как элементе грамматической системы языка. Докладчик показал, что артикли в новогреческом языке служат также для выражения синтаксических отношений между членами предложения, являясь иногда их единственным формальным показателем. Так, в частности, наличие или отсутствие артикля при определенном члене предложения влияет на статус последнего, – субъект или предикат, предикат или атрибут, предикат или прямой объект. Данная функция артиклей, считает автор, должна учитываться и при решении вопроса о причинах возникновения артиклей в разных языках. Были запланированы также доклады Т.Н. Молочной (Москва) о функциональном взаимодействии категории определенности / неопределенности и категории глагольного вида в болгарском языке и Т.Н. Свешниковой (Москва) о роли числа в румынских заговорах от болезни (см. Материалы ...).

Проблемам формирования и развития албанского этноса был посвящен доклад Ю.В. Ивановой (Москва). Ранний период албанского этногенеза восходит к I тыс. до н.э., он связан с иллиро-фракийским миром. Важно при этом, что, как бы ни решался вопрос о происхождении раннеалбанского языка (иллирийская или фракийская гипотеза), археологические и этнографические данные указывают на однородность разных элементов культуры, которая прослеживается на протяжении веков от древних эпох (эпохи бронзы) через Средневековье вплоть до современного состояния народной культуры. Докладчик проследил далее этапы формирования общеалбанского сознания: в Средние века превалировало местное, областническое сознание (на нескольких уровнях), оно стало приобретать характер общеалбанского, начиная с XV в. – эпохи сопротивления османским завоевателям, и прошло несколько важнейших исторических этапов (автор выделяет шесть таких этапов).

В секции **этнолингвистики** было прочитано 8 докладов, тематика трех из них была

связана с результатами этнографических и этнолингвистических зарубежных экспедиций. В докладе А.С. Мильникова (Санкт-Петербург), А.А. Новика (Санкт-Петербург) и Ю.Вал. Ивановой (Санкт-Петербург) сообщались итоги этнографической экспедиции 2000 г. в Северную Германию в рамках проекта "Germanica Slavica". Для изучения процесса славяно-германского культурного синтеза были выбраны западные области земли Мекленбург и прилегающие к ним территории на левом берегу Эльбы – Ганноверский Вендланд, где славяно-полабское население сохранялось примерно до XVII–XVIII вв. Проведенные наблюдения касались разных аспектов материальной и духовной культуры жителей указанных областей. Отметив трудность выявления здесь славянского субстрата, авторы, однако, сочли возможным назвать некоторые элементы наследия севернополабской культуры, оказавшей влияние на развитие немецкой народной культуры. Это, например, *рундлинг* – круглая деревня (по типу планировки), характерный для рундлинга *халленхаус* – дом-двор, некоторые орудия труда, культ березы и использование только этого дерева в праздничных обрядах, славянская тема в немецком фольклоре и др. Итогам экспедиции в приазовские поселения греков были посвящены доклады А.А. Новика и Е.В. Перехвальской. А.А. Новик (Санкт-Петербург), кратко обрисовав историю заселения Приазовья греками, основное внимание сосредоточил на вопросе сохранения элементов традиционной культуры, – в сфере греческой кухни, предметов старой мебели и утвари, отметил преобладание синего и голубого цвета в тканых изделиях и предметном мире. В докладе Е.В. Перехвальской (Санкт-Петербург) была дана характеристика социолингвистической ситуации, существующей в настоящее время в греческих селениях Приазовья. Приазовские греки в языковом отношении делятся на две группы: румеи, говорящие на диалектах новогреческого языка, и урумы, язык которых относится к группе тюркских языков. Понятие о своей этничности приазовские греки связывают с румейским языком, который обладает высоким престижем в их глазах и который они стремятся сохранить. Доминирующим языком является русский, румейский оказывается вторым – не только по сфере применения (это язык бытового общения), но и по степени компетентности говорящих на нем. Румейский язык функционирует исключительно как язык диалогической речи, румеи не могут даже составить на нем монологический

текст. По мнению докладчика, румейский передается и запоминается как набор формул "вопрос = ответ", которые изначально запоминаются как формульные клише. Существовая в такой "клишированной" форме, язык, однако, обладает важной функцией, выступая для носителя как средство самоидентификации. Урумский такой функцией не обладает и, возможно поэтому, степень его сохранности существенно ниже. Этнографические проблемы были в центре внимания доклада Д.Е. Никоголо (Кишинев, Молдова) о "балканских" традициях питания у населения Южной Бессарабии. Историографический обзор сведений о молдавском господаре Василе Лупу (Василии Албанце) был дан в докладе Н.Г. Голант (Санкт-Петербург). Автор использовала данные, содержащиеся в летописях, записках путешественников, легендах и даже исторических романах относительно происхождения этого господара и его деятельности, направленной в том числе и на развитие молдавской культуры. В двух докладах рассматривались в историческом аспекте вопросы культуры на Балканах. В докладе В.Н. Федотовой (Москва) речь шла о немецких влияниях в болгарской культуре первой трети XX в. Вопрос о развитии художественных традиций был поставлен в докладе В.С. Федотовой (Москва), посвященном окладам на престольных Евангелий в России и на Балканах XVI–XVII вв. Доклад М.М. Аламшоева (Душанбе, Таджикистан) содержал этнолингвистическое рассмотрение лексики шугнанского языка. Автор проанализировал две лексические единицы – *чарв* "топленое масло" и *хувд* "молоко" и показал, что эти слова до сих пор сохраняют как древнюю мотивировку, так и архаическую форму, поскольку обозначаемые ими реалии значимы для шугнанцев и в настоящее время не только в практическом, но и в ритуальном плане.

На заключительном пленарном заседании были прочитаны три доклада, касающиеся проблем балканистики, ареальной лингвистики и типологии. В докладе Б. Беци (Париж, Франция – Тирана, Албания) был поставлен вопрос о происхождении общих черт балканских языков. Автор отвергает теорию Кр. Сандфельда о преимущественно греческом происхождении большинства балканизмов. На основании данных исторической диалектологии албанского языка Б. Беци приходит к выводу о том, что отличительные признаки южного (тоскского) диалекта албанского языка (они же и балканизмы ал-

банского) возникли относительно давно, они распространились по всему албаноязычному ареалу в эпоху, предшествующую приходу славян на Балканы, влияние соседних языков на развитие албанских диалектов исключается. В докладе Е.Р. Крючковой (Санкт-Петербург) речь шла о некоторых общих чертах южноазиатского языкового союза, включающего языки нескольких неродственных семей Индостана и сопредельных территорий. Автор указывает на необходимость учитывать не только собственно ареальные изоглоссы, но также и микроареальные, и сверхареальные. К числу последних относится, например, система сложновербальных глаголов в южноазиатских (все индоарийские и дравидийские) и среднеазиатских (таджикский, узбекский и другие тюркские) языках. Докладчик назвал явления, которые можно интерпретировать как результат косвенной интерференции (когда влияние одного языка стимулирует развитие процессов, потенциально уже заложенных в другом языке). К их числу относятся: перестройка категории рода и формирование категории персональности (одушевленности) в современных индоарийских языках, употребление грамматически неоформленного имени в восточных индоарийских языках. В докладе М.В. Русаковой (Санкт-Петербург) и А.Ю. Русакова (Санкт-Петербург) была рассмотрена в типологическом плане категория уменьшительности в русском языке. Авторы анализировали сочетаемость, функционирование и семантику русских диминутивов. Говоря о семантике уменьшительных суффиксов, авторы указали на смещение центра от прототипического значения в сторону коннотативного и о включении уменьшительных образований в прагматическую составляющую высказывания. В атрибутивных сочетаниях отдельные значения реализуются не у каждого из членов, а в словосочетании в целом.

Помимо дискуссий по докладам, в ходе конференции были высказаны пожелания издать полный текст докторской диссертации А.В. Десницкой и переиздать ряд ее работ, объединив их по определенным темам: германистика, сравнительно-историческое языкознание, албановедение и балканистика, история языкознания.

А.В. Жугра
(Санкт-Петербург)

Девятая международная конференция, посвященная истории наук о языке (International conference on the history of language sciences), прошла с 27 по 30 августа 2002 года в университетах Сан-Паулу и Кампинаса (Бразилия). В ней приняли участие более ста исследователей из Европы, Азии, Северной и Южной Америки.

Доклады, представленные на конференции, были посвящены шести основным темам:

1. Развитие и преподавание языков и наук о языке в Бразилии;

2. Страницы из истории изучения отдельных языков и грамматических традиций;

3. К истории изучения лингвистических понятий и концептов;

4. Роль школ и течений в истории лингвистики;

5. История лингвистики в контексте развития смежных дисциплин;

6. "Роль личности в лингвистике" – доклады, посвященные работам отдельных выдающихся лингвистов.

Ведущие доклады, посвященные развитию и преподаванию лингвистики в Бразилии, были представлены бразильскими исследователями. Открыл конференцию пленарный доклад Э. Орланди (Бразилия), посвященный развитию и становлению структурализма в Бразилии. Ее соотечественник Х. Фьорин, в свою очередь, рассказал о преподавании лингвистики и филологии в бразильских университетах.

Среди докладов, посвященных истории изучения отдельных языков и грамматических традиций, отметим сообщение П. Серрио (Швейцария), рассказавшего о развернувшейся в России в 1860–1880 годах полемике, связанной с вопросами синтаксиса: структурой и членением предложения, отношением между понятиями *части речи* и *члены предложения*, взаимоотношениями морфологии и синтаксиса в работах русских лингвистов. Большое внимание было уделено вопросу о первичности (логической, хронологической и т.д.) глагола или имени. Как показал исследователь, в основе многих споров лежали определенные идеологические установки, в частности, романтическая модель, заимствованная славянофилами и нашедшая отражение в их рассуждениях о языке. Методологические рамки доклада задавались понятиями *дух места* (*l'air du lieu*) и *дух времени* (*l'air du temps*), позволившими П. Серрио раскрыть противоречие между изначальной позитивистской направленностью языковедческих работ второй половины девят-

надцатого века в России и свойственными романтической парадигме философскими категориями, к которым обращались исследователи. О русской лингвистике шла речь и в докладе французской исследовательницы С. Аршембо, посвятившей свое выступление формированию русской грамматической традиции, когда на пересечении греческой и латинской традиций постепенно начинала приниматься во внимание специфика конкретных славянских языков. Исследовательница специально остановилась на описании грамматики русского языка А. Барсова (1773 г.).

О перенесении латинской грамматической модели на ранние описания французской грамматики (шестнадцатый век и середина семнадцатого) рассказывал Б. Коломба (Франция). Особое внимание было уделено проблеме описания глагольных времен: основой для ранних описаний французской грамматики служила система классификации глагольных времен Присциана, основная же проблема при этом заключалась в том, что французский язык имеет более развитую систему прошедших времен, чем латынь (латинскому прошедшему совершенному времени могут соответствовать простое и сложное прошедшие времена во французском). Поэтому уже в грамматике Пийо (1530 г.) система глагольных времен Присциана расширялась: в ней выделялось два претерита, определенный и неопределенный. Эту модель переняли и последующие французские грамматики; проблемы же, связанные с классификацией глагольных времен во французском и с возможным перенесением модели грамматики одного языка (особенно языка "престижного") на грамматическую систему другого, обсуждались еще очень долго, вплоть до середины восемнадцатого века.

Сообщение Ф. Мазьер и С. Делесаль (Франция) было посвящено практически не изученной до настоящего времени проблеме взаимоотношения между французскими словарями и грамматическими описаниями, начиная с шестнадцатого века: речь шла об отражении грамматики конкретного языка в толковых или двуязычных словарях; о внимании, которое уделяли определенной лексике те или иные грамматические описания; о словарях и грамматиках, написанных одними и теми же авторами. Большое внимание исследовательницы уделили появившимся приблизительно в одно время "Всеобщей и рациональной грамматике Пор-Рояля" (1660 г.) и словарю французского языка Французской Академии (1694 г.): две эти работы, по их мнению, знаменовали собой очевидный раз-

рыв французских грамматиков и лексикографов.

А. Поцхишвили и Т. Цинцадзе (Грузия) рассказали о грузинских грамматиках второй половины восемнадцатого века – времени возрождения культурной и научной жизни в Грузии, а К. Асланов (Израиль) – об описательно-нормативных и сравнительно-исторических грамматиках семитских языков, написанных в Германии в девятнадцатом веке.

Многие доклады были посвящены анализу отдельных лингвистических понятий и концептов. Ж.-Л. Шисс (Франция) посвятил свое выступление возникновению понятия *родной язык* и развитию его от Августина, предлагавшего его толкование в христианском аспекте, до В. Анри и Ш. Балли, секуляризовавшие оппозицию приобретаемого естественным путем (*langage reçu, transmis, hérité*) и сознательно выучиваемого (*langage appris, acquis*) в языке. Е. Вельмезова (Россия) рассказала о понятии *остановившейся эволюции* в работах русских и советских лингвистов первой трети двадцатого века, а К. Пюеш (Франция) сделал сообщение о появившемся в конце девятнадцатого века понятии *внутренняя речь* и его интерпретации представителями разных гуманитарных дисциплин, прежде всего, психологами и лингвистами. В. Раби (Франция) рассказала об эволюции понятия *предложение* в универсальных грамматиках, написанных французскими лингвистами. В большинстве случаев универсальные грамматики использовали это понятие как точку отсчета для лингвистического анализа. Но если для "Граматики Пор-Рояля" предложение (простое или сложное) одновременно являлось и предельной внешней единицей этого анализа, более недавние грамматики оперировали скорее понятием *фразы*, которая, согласно последним грамматикам, должна содержать по меньшей мере одно предложение и обладать смысловой завершенностью. Эта переориентация грамматиков стала возможной благодаря изменившейся интерпретации понятия *предложение*: сегодня соответствие между *предложением* и *суждением* уже не считается неоспоримым.

Большой интерес вызвал доклад И. Розье-Каташ (Франция), посвященный рассуждениям о сущностном единстве всех языков (ср. формулировку Аристотеля в латинском переводе "idem apud omnes") и случайном характере различий между ними в Средние века и Эпоху Возрождения (Р. Бэкон, Данте).

Среди докладов об отдельных школах и течениях в лингвистике отметим сообщение Д. Самэна (Франция), посвятившего свое выступление критике Г. Шухардтом, М. Бреалем и Ж. Жильероном фонетических законов, сформулированных младограмматиками – А. Лескином (1876 г.), а затем К. Бругманом и Г. Остхофом (1878 г.). По мнению исследователя, эта критика отражает две разные эпистемологические традиции, французскую (социологическую) и немецкую (экпликативную).

Попыткам заимствования позитивистской методологии из естественных наук в лингвистику и философию языка через посредство работ О. Конта и Э. Дюркгейма посвятил свой доклад П. Лорендо (Канада).

Г. Хасслер (Германия) представила анализ текстов, к которым прибегали французские идеологи восемнадцатого века при построении понятийно-концептуальной парадигмы. Среди этих текстов – конференции и дебаты в Эколь Нормаль (тексты с очевидной прагматической направленностью); тексты, составленные в результате распространения циркуляра министра внутренних дел с требованием к профессорам высших школ прислать в Министерство копии диктантов (серия текстов, составленных с целью пропаганды методов развития умственных способностей учащихся – "учебники грамматики и психологии с идеологической доминантой"); тексты, появившиеся в связи с объявленным в конце восемнадцатого века Институтом Франции специальным конкурсом, предлагавшим поразмышлять о природе знаков. В отдельной части доклада говорилось о распространении влияния французских идеологов в Испании, Португалии и странах Латинской Америки. О преподавании в девятнадцатом веке в Аргентине последователей французских идеологов рассказала С. Фишер (Франция).

Ряд сообщений был посвящен истории лингвистики в контексте развития других гуманитарных дисциплин. Так, Д. Легаллуа (Франция) сделал доклад об отражении принципов гештальтпсихологии в лингвистике двадцатого века: уже Б. Уорф развивал в своих работах теорию изоморфизма, восходящую к немецкому психологу М. Вертхеймеру. Приблизительно в то же время Э. Сэпир предложил принцип описания фонологических структур в терминах, которые можно назвать не только структуралистскими, но и связанными с гештальтпсихологией: отдельные части системы (фонемы) определяются всем целым фонологической структуры конкретного языка. Отдельная часть доклада

была посвящена обзору опирающихся на основы гештальтпсихологии теорий о языке в современной лингвистике. Интерес вызвало и сообщение Ж. Леона (Франция), рассказавшей о развитии методов автоматического перевода в пятидесятые годы двадцатого века и поднимавшейся гораздо раньше, но очевидно связанной с теорией машинного перевода, проблеме универсальных языков. О влиянии интереса к универсальным вспомогательным языкам общения в конце девятнадцатого – начале двадцатого века на проекты реформирования специализированной лексикографии (словари терминов, научной номенклатуры и т.д.) рассказал Д. Саватовски (Франция).

Несколько докладов, посвященных "роли личности в лингвистике", было связано с именем В. фон Гумбольдта. Особенно интересным был пленарный доклад Г. Аарслефа (США), обратившегося к контексту возникновения известного гумбольдтовского утверждения о том, что язык "ist kein Werk (*Ergon*) sondern eine Thatigkeit (*Energieia*)" – принципа, со всей очевидностью выраженного в одном из последних значительных исследований ученого, работе, посвященной языку кави (1836–1839 гг.). К. Янковски (США) выступил с пленарным докладом о немецком ученом восемнадцатого века Й. Райске, вклад которого в изучение восточных языков и культур (прежде всего, арабской), классических языков и истории трудно переоценить и сегодня. Н. Керчук (Великобритания) посвятила свое выступление А. Потебне и Л. Выготскому. Исследовательница проанализировала базовые философские и психологические основания их концепций и рассказала о влиянии работы А. Потебни "Мысль и язык" (1862 г.) на основные положения труда Л. Выготского "Мышление и речь" (1937 г.).

10–12 октября 2002 г. в Тартуском университете (Эстония) состоялась международная научная конференция "200 лет русско-славянской филологии в Тарту". Заседания проходили в новом здании Отделения русской и славянской филологии, расположенном в классическом, XIX века, особняке. Всего было заявлено более 40 докладов и почти все они прозвучали на конференции.

Тартуский университет имеет долгую и блистательную историю и по праву считает-

В пленарном докладе А. Алквиста (Ирландия) говорилось о необходимости обращения к работам некоторых теоретиков языкознания прошлых лет для принятия правильных решений в контексте сложных проблем современной языковой политики. Так, еще в 1963 году, через сто лет после появления первого декрета, признающего официальный статус финского языка в Финляндии и его формально равные права со шведским (именно с 1863 года финский язык вводится в школьное и университетское преподавание, на нем начинают печататься периодические издания и художественная литература), Б. Коллиндер издал работу, где говорилось об огромном значении, которое следует уделять родным языкам широких масс при принятии политических решений, связанных с соответствующими народами. По мнению докладчика, этот принцип кажется отчасти забытым некоторыми современными политиками, что в какой-то степени способствует разжиганию национальных конфликтов в многоязычных государствах.

В завершающем пленарном выступлении С. Ору (Франция) представил обзор развития наук о языке за последние двадцать лет, особенно подчеркнув важность встреч и обсуждений участников конференций ICHOLS. По его словам, прошедшая конференция наглядно показала, что история наук о языке сегодня – это стремительно развивающаяся дисциплина, тесно связанная не только с общим языкознанием и теорией языка, но и с историей, науковедением, философией и многими другими гуманитарными дисциплинами.

К конференции был выпущен сборник тезисов. Отдельные доклады будут опубликованы в специальном сборнике работ участников конференции.

Е. Вельмезова (Москва)

ся крупнейшим исследовательским центром. А начиналось все почти 400 лет тому назад...

Тартуский университет основан в 1632 году по указу шведского короля Густава II Адольфа. Деятельность университета была прервана военными действиями в 1710 году и возобновлена лишь в 1802 году в соответствии с указом императора Александра I. Тогда это был единственный немецкоязычный университет России. Тарту, называвшийся в то время Дерптом, стал местом встречи Востока и Запада. Память первого ректора Г.Ф. Паррота и императора Александра I увековечена на тар-

туском вышгороде Тоомеяги своеобразными памятниками-мостами.

В XIX столетии с университетом были связаны имена таких выдающихся деятелей русской культуры и науки, как хирург и педагог Н. Пирогов, языковед и писатель В. Даль, поэты В. Жуковский и Н. Языков и др. Видный русский филолог А. Будилевич в конце XIX века был ректором университета. В 1880–1890-е гг. здесь преподавал выдающийся русский и польский языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ, а позднее работали литературовед Е. Петухов, лингвисты Н. Грунский, Г. Ильинский и М. Фасмер. Трудно переоценить роль ученых, выпускников Тартуского университета, как в исследовании и описании России, так и в организации российской науки. Ряд академиков Санкт-Петербургской Академии Наук (К.Э. ф. Бэр, Ф.Г.В. Струве) были связаны с Тартуским университетом. С 1828 по 1838 год при университете работал Профессорский институт, готовивший профессоров для других российских учебных заведений. Феномен Тартуского университета мог возникнуть только в такой уникальной позиции – на "перекрестке" культур, которая обогащала все стороны.

С 1889 года языком преподавания в университете стал русский (Дерпт был переименован в Юрьев). Во время Первой мировой войны университет частично эвакуировали в Воронеж, и местный вуз получил уникальную возможность пользоваться книгами из библиотеки Юрьевского "собрата".

В 1919 году в Тарту состоялось открытие эстонского университета. 1920–1930-е гг. – период зарождения эстонской национальной науки и создания национальной государственности. В это время русские составляли около 5% от общего числа студентов. Существовали русские студенческие общества.

В 1940 г. университет стал советским, однако он поддерживал демократические настроения в республике, помог сохранить науку и высшее образование на родном языке эстонского народа. Наряду с эстонцами в университете учились и представители других национальностей, прежде всего русские, составлявшие почти 10% студентов. На некоторых факультетах имелась возможность учиться на русском языке.

Эта традиция поддерживается на Отделении русской и славянской филологии и в наши дни. Так, в 1950–1990-е гг. кафедру русского языка филологического факультета занимали такие известные ученые, как А. Правдин, С. Смирнов и М. Шелякин. Особая среда университетского города и была причиной того, что Ю.М. Лотман, самый вы-

дающийся ученый Тартуского университета XX столетия, создал свое научное наследие в Тарту (он был заведующим кафедрой русской литературы в 1960–1977 гг.).

Сегодня Тартуский университет – крупнейший в Эстонии и единственный классический вуз, в котором развиваются многие отрасли науки, здесь занимаются также прикладными исследованиями. Это создает условия для преподавания на научной основе. В качестве национального университета он сохраняет и развивает эстонскую национальную культуру, а также поддерживает дружеские связи со многими университетами России и Европы. Особенно сильны в этом отношении славянские связи, которым в нынешнем году исполнилось 200 лет. Поэтому симптоматично, что и в наше время университет стал организатором столь значительного форума, на который съехались ученые из Москвы, С.-Петербурга, Киева, других городов, а также стран центральной и южной Европы.

Конференция была организована кафедрой славянской филологии и ее заведующим, председателем Комитета славистов Эстонии А.Д. Дуличенко. Пленарное заседание проходило в здании городского музея при стечении многочисленных почетных гостей. В их числе владыка Корнилий, митрополит Таллинский и вся Эстония, чрезвычайный и полномочный посол России в Эстонии К.К. Провалов, посол Польши в Эстонии В. Врублевский и другие. На заседании профессора университета С.Г. Исаков и А.Д. Дуличенко рассказали собравшимся об этапах развития славянского литературоведения и языкознания в Тарту на протяжении двухсотлетней истории университета, охарактеризовали вклад русских ученых в становление этих дисциплин, ознакомили слушателей с современным состоянием русской и славянской филологии. Все это вызвало повышенный интерес присутствовавших и большое сочувствие той, несомненно, титанической работе, которую и сегодня проводят тартуские ученые.

Среди докладов, прозвучавших в эти дни, были очень разные сообщения, но тематически и проблемно они объединялись общей идеей, а именно: изучение истории русской культуры, русско-эстонских связей, архивного наследия ученых. Прозвучали многие малоизвестные имена, которые стараниями нынешнего поколения исследователей были воскрешены и оценены уже с позиции интеркультурных отношений.

На конференции выступили: В.Ю. Франчук (Киев) с докладом "Вопросы языка и культуры в эпистолярном наследии тартус-

ких и харьковских славистов", О.В. Никитин (Москва) представил сообщение "В.И. Григорович и славянская филология в России XIX в.", Ю.С. Кудрявцев (Тарту) и В.П. Щаднева (Тарту) рассказали об одном из виднейших представителей славистики первой четверти XX века Л.Г. Мазинге, И.В. Чуркина (Москва) отразила деятельность А.С. Будиловича в Тартуском университете, С.Б. Евстратова (Тарту) коснулась проблемы представлений первобытных славян о природе в работах А.С. Будиловича в сопоставлении с современной этнолингвистикой. Заседание первого дня завершил его председатель А. Кюннап (Тарту) докладом "Михкель Веске и субстратные прибалтийско-финские топонимы северной России".

Отдельное заседание было посвящено специально И.А. Бодуэну де Куртенэ (председатели: В.М. Алпатов, А.Д. Дуличенко) и охватывало разные стороны его жизни и деятельности, малоизвестные факты преподавательской биографии ученого. Все доклады "Бодуэнологической секции" (так ее "окрестили" участники) вызвали огромный интерес аудитории. Из докладов, прозвучавших на ней, отметим выступления В.М. Алпатова (Москва) "И.А. Бодуэн де Куртенэ и лингвистика XX в.", Е. Вельмезовой (Москва) "Языковая эволюция в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ". Выступление докторанта К. Кенды-Еж (Люблина) "Фонетический облик словенских говоров в исследованиях И.А. Бодуэна де Куртенэ" прозвучало на словенском языке и внесло в общий строй работы конференции живую интонацию мелодичного и гармоничного голоса славянской стихии и с большим сочувствием было воспринято слушателями. Заявленный доклад Б.М. Гаспарова (Нью-Йорк) "Идея фонемы в евразийском контексте: Бодуэн и Ильминский", по его просьбе, был прочитан А.Д. Дуличенко. После перерыва заседание продолжили сообщения А. Золтана (Будапешт) "Взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ на палатализацию заднеязычных в работах О. Ашбота", Э.В. Романчик (Тарту) "И.А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский вопрос", Г.А. Лилич (С.-Петербург) "Профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ как экзаменатор", З.А. Пахолок (Луцк) "Роль И.А. Бодуэна де Куртенэ в становлении и развитии научного таланта Н. Крушевского".

Далее заседания (председатели И.В. Чуркина, И.П. Кюльмоя) также продолжились докладами языковедческой проблематики. Было заслу-

шано выступление М.Ю. Досталь (Москва) «Проблемы истории российского славяноведения в тематических выпусках "Ученых записок Тартуского государственного университета" в 70–80-е гг. XX в.», Л.А. Рябова (Тарту) охарактеризовала труды В. Полевого и значение его опыта создания сравнительной грамматики славянских языков. Последовавшее затем сообщение Л.П. Лаптевой (Москва) приоткрывало еще одну забытую страницу русского славяноведения – жизнь Е.В. Петухова и его деятельность в Юрьевском университете в 1895–1918 гг. М. Салупере (Тарту) выступила с интересным докладом на тему "В.М. Перевощиков – профессор русского языка и словесности Дерптского университета". Заседание продолжили доклады Е.Е. Королевой (Даугавпилс) "О Балтийской экспедиции Института этнографии АН СССР 50-х гг. XX в." и Г.М. Пономаревой (Тарту) "Студенты-слависты Тартуского университета (1918–1944)".

Отдельная секция (председатели С.Г. Исаков, Л.Н. Киселева) была посвящена литературоведческим проблемам, лотмановедению, проблемам синкретизма литератур и славянской семиотики.

В заседаниях языковедческой секции особое внимание участники уделяли именам русских филологов, работавших в разное время в Тарту, исследованию их архивного наследия и биографий. Но были также и весьма содержательные сообщения по смежной проблематике. Так, С.И. Рагрина (Тарту) сделала доклад «"Руська мова" Великого Княжества Литовского и русинский язык (к развитию концепции Тартуской школы славистики)», Л.В. Дуличенко (Тарту) рассказала о функциях забытых слов и их значениях на материале "Толкового словаря живого великорусского языка" В. И. Даля. О.Н. Паликова (Тарту) охарактеризовала историю создания "Русско-эстонского словаря" (1940–1947 гг.) П. Арумаа, Б. Правдина и Й.В. Вески. Прозвучали также доклады И.В. Абисогомян (Тарту) "Славянская филология в Тартуском университете", Е.В. Антушевой (Тарту) "Г.А. Ильинский-этимолог (тартуский период)", Н.А. Нечунаевой (Таллин) "Славянские гимнографические рукописи из коллекции Научной библиотеки Тартуского университета", И.П. Кюльмоя (Тарту) "О некоторых вехах в развитии тартуской русистики", Э.-О. Хааг (Тарту) "Синтаксис в учебном процессе в Дерпте в XIX в.", О.Г. Ровновой (Москва) "Вопросы русской аспектологии в трудах Тартуского уни-

верситета", К.П. Алликметс (Тарту) "Способы предъявления социокультурной информации в учебниках по русскому языку для эстонцев", Х.Ю. Виссак (Тарту) «Тартуская традиция создания пособий и словарей по специальности "Правоведение"».

Из культурной программы отметим следующие события: состоялось посещение домов, где жил и работал И.А. Бодуэн де Куртенэ в одной из университетских аудиторий, носящих его имя (там, по рассказам тартуских коллег, в конце XIX века, преподавал ученый), гостям провели интересную экскурсию по старинным уголкам города, его центральной части, паркам и скверам, мостам. Участники конференции посетили музей университета, ознакомились с работой его факультетов и подразделений.

Во время проведения конференции в залах Отделения русской и славянской филологии университета была развернута выставка научных изданий и публикаций тартусцев. Среди них немалое место принадлежит трудам и книгам Ю.М. Лотмана – прежде всего его знаменитому трехтомнику "Избранные статьи" (Таллин, 1992–1993), впервые десять

лет тому назад открывшему российскому читателю многожанровое наследие Лотмана-историка и публициста, киноведа и семиотика, культуролога и историка литературы... На выставке были представлены и другие его книги, а также содержательные выпуски ученых записок Тарту "Slavica Tartuensia"; особенно запомнился мемориальный IV том памяти Н.И. Толстого (Тарту, 1998) со статьями крупнейших филологов-славистов на более чем десяти больших и малых языках. Гости конференции ознакомились и с иными интересными изданиями, в том числе и материалами ежегодных конференций молодых ученых.

В целом стоит отметить, что международная конференция "200 лет русско-славянской филологии в Тарту" стала значительным событием в культурной жизни русских в Эстонии, в мировой славистике в целом и подтвердила вновь неугасающий интерес к лингвистической и литературоведческой проблематике, где одно из центральных мест занимали и занимают слависты из России и сопредельных стран.

О.В. Никитин (Москва)

CONTENTS

A.A. Zaliznjak, V.L. Janin (Moscow). Birch codici from the Novgorod excavations of 2002; M.N. Bogoljubov (St.-Petersburg). Avestan *x'afənā* in the homily of Zaratushtra (Y 30) and Choresmian *xwnb-* "to remove"; S. Patrie (Lyon). *Намъ*: a new Slavic-Iranian isogloss; A.L. Šilov (Moscow). Toponymic models and etymologization of substrat toponyms of the Russian North; N.V. Percov (Moscow). Reflexive passive forms of the Russian verb (in connection with the problem of existence in morphology); A.G. Pazel'skaja (Moscow). Aspectuality and Russian predicative nouns; V.A. Lukin (Orel). Controversy and agreement: discursive strategies and textual properties; E.A. Umarov (Tashkent). Mahmud of Kashgar's views on the consonant "G"; **Reviews**: D.M. Nasilov (Moscow). Nikolai Konstantinovič Dmitriev. On the centenary of his birth; E.G. Tumanian (Moscow). V.N. Belousov, E.A. Grigorian, T.Yu. Pozniakova. The Russian language in the internation communication; V.A. Plungian (Moscow). *G. Lazard. Études de linguistique générale: typologie grammaticale*; M.A. Členov (Moscow). *P. Wexler. Two-tiered relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polesian dialect*; **Chronicle features**.

Сдано в набор 22.04.2003	Подписано к печати 09.06.2003	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать.	Усл. печ.л. 13,0 Усл. кр.-отт. 20,0 тыс.	Уч.-изд.л. 15,5 Бум. л. 5,0
	Тираж 1510 экз. Зак. 7432	

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6